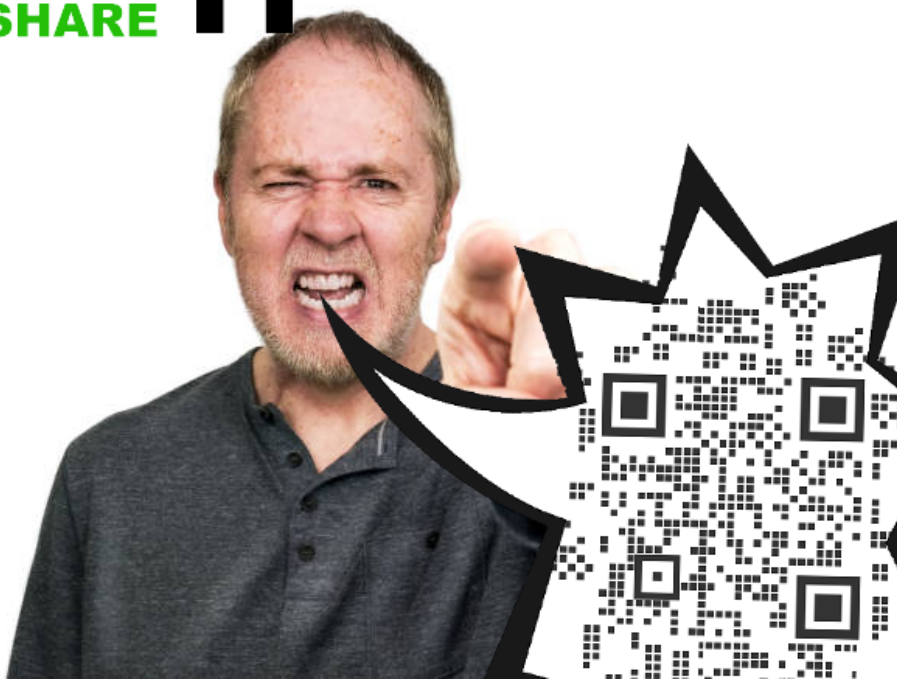
С.В. УЗИН

ГРЕМЯЩИЙ ДЫМ

SHOUT
SHARE
IT



Annotation

Какое отношение имеет конец хобота слона к названию столицы Судана, имена близнецов — к Варшаве, теплые воды — к Тбилиси? Почему столица Боливии была названа городом мира? Драматические события, зафиксированные историей, и различные легенды, в которых трудно отличить действительность от вымысла, лежат в основе происхождения многих географических названий. Исторические новеллы, объединенные названием «Гремящий дым», представляют собой продолжение рассказов автора, который уже знаком читателям по книгам «О чем молчит карта» (1955 г.) и «Тайна географических названий» (1961 г.).

- Семен Владимирович Узин
  - ○
  - ○ От автора
  - ○ I
    - ■ У Понта Эвксинского
  - ○ II
    - ■ Море Лаптевых
    - ■ Пролив или залив?
    - ■ Благодать
    - ■ В честь близнецов
    - ■ Курящаяся бухта
    - ■ Атлас
    - ■ Река крабов
    - ■ Желтая, Белая, Оранжевая
    - ■ Гремящий дым
    - ■ Конец хобота
    - ■ Течение из залива
    - ■ Море посреди океана
    - ■ Дымящая гора
    - ■ Открытие океана
    - ■ Город мира
    - ■ Земля пахаря
    - ■
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5
  - ○ 6

- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27

Семен Владимирович Узин

Гремящий дым

От автора

Сборник рассказов о происхождении географических наименований, предлагаемый вниманию читателей, является продолжением исторических новелл, опубликованных Географгизом в прошлые годы («О чем молчит карта» и «Тайны географических названий»).

Как и в первых двух книгах, автор стремится в научно-художественной форме познакомить читателя с историей возникновения ряда географических наименований как на территории нашей страны, так и за ее пределами.

Едва ли будет преувеличением сказать, что топонимика — наука о географических названиях, о причинах их возникновения — касается буквально каждого из нас. Ведь с географическими наименованиями мы сталкиваемся в своей повседневной жизни: находясь в дороге, читая газету, книгу, слушая радио или смотря на экран телевизора.

Географических наименований сотни и сотни тысяч, и за каждым из них скрывается какой-нибудь любопытный факт, могущий расширить наш кругозор, пополнить умственный багаж.

Рассказать хотя бы о некоторых из них живым языком, воскресив картины прошлого, события давно минувших веков, эпизоды из жизни отдельных народов, — такова цель, которую поставил перед собой автор.

При этом он не ограничивается лишь вопросами топонимики, но попутно сообщает ряд сведений общепознавательного характера, где это представляется возможным и уместным. Делается это для того, чтобы читатель имел возможность более широко представить себе историческую обстановку, сопутствующую тому или иному конкретному факту, лежащему в основе каждого рассказа.

К этому следует добавить, что крайняя скудость фактического материала, относящегося к расшифровке причин возникновения тех или иных географических наименований, в ряде случаев, пожалуй даже в большинстве, вынуждала автора допускать известный домысел в целях оживления повествования, но ни в коем случае не в ущерб исторической правде. Сознательно став на этот путь, автор стремился изобразить по возможности правильно характеры действующих лиц, их манеру писать, говорить, мыслить; нарисовать окружающую их обстановку — одним словом, передать колорит эпохи, в которой они жили и действовали, будь то времена героев древнегреческих мифов, бурные годы географических открытий с присущими им

жестокостью и кровопролитием или другие периоды истории человечества.

I

У Понта Эвксинского

Берег спасения

Я с неизменным удовольствием вспоминаю август 1952 года.

Представьте себе живописно разбросанный по склонам крымского берега Гурзуф, ласково плещущееся гостеприимное Черное море, солнечный пляж, рыбную ловлю ранним утром, купание в полуденную жару и прогулки на лодках в вечерние часы. Что может быть чудеснее такого отдыха!

Но вспоминаю я эти дни не только потому, что хорошо отдохнул физически, что Крым встретил меня отличной погодой, лазурным морем, обилием фруктов, а еще и потому, что судьба оказалась ко мне до конца благосклонной, послав собеседников, с которыми невозможно было соскучиться.

Один из них, Василий Петрович, поселился в Гурзуфе два года назад, выйдя на пенсию и построив себе небольшой домик. До этого он много лет прожил в Ялте, ведая экскурсионным бюро. Другим моим собеседником был его брат Андрей Петрович, который бывал в родных местах только наездами — после окончания механико-математического факультета Московского университета он остался работать в столице. Ежегодно в августе он приезжал к Василию Петровичу и проводил отпускное время на берегу моря, где протекли его детство и юность.

Снимая комнату в соседнем доме, я быстро сошелся с этими интересными людьми и большую часть времени проводил в их обществе.

С Андреем Петровичем мы были неразлучны: купались, загорали, ловили рыбу, плавали на лодке. В лодке он чувствовал себя как дома, и я, человек сугубо сухопутный, совершенно спокойно отправлялся с ним в дальние морские прогулки вдоль побережья, нисколько не задумываясь над тем, что море не всегда бывает ласковым и спокойным. Порой и Василий Петрович составлял нам компанию в наших путешествиях.

И где бы мы ни были — в лодке, на пляже, за обедом, в саду вечером, — всегда мы находили темы для разговоров, круг которых был очень велик.

Всего, о чем было говорено за этот месяц, не перескажешь, да и ни к чему это. Но кое-какими воспоминаниями мне хочется поделиться, потому что они имеют непосредственное отношение к разгадкам географических наименований, то есть к тому предмету, которым я занимаюсь.

Как-то раз, совершая с Андреем Петровичем очередную экскурсию, мы забрались довольно далеко в сторону Ялты и, когда взглянули на часы, обнаружили, что уже перевалило за полдень. Время было возвращаться, чтобы не опоздать к обеду.

— Успеем? — с некоторым сомнением спросил я.

— Все в руках человеческих, — философски изрек Андрей Петрович. — Приналечь придется немного, только и всего. Садитесь рядом, будем грести вместе.

Мы взялись дружно за весла, и лодка быстро заскользила по спокойной поверхности моря. Солнце безжалостно жгло наши обнаженные плечи и спины; едва заметный ветерок чуть касался разгоряченной кожи, не принося облегчения; со стороны берега доносились звуки музыки, и мы невольно приноравливались к ее тактам, взмахивая веслами.

Не знаю, сколько времени мы гребли таким образом, может быть полчаса, а может быть и час, — настолько я отдался этому занятию, — но в какой-то момент я почувствовал, что лодка замедлила ход и начала как бы приплясывать. Я с удивлением оглянулся вокруг и не узнал моря.

Недавно еще совершенно спокойное, оно преобразилось: небольшие волны прыгали, беспорядочно наскакивая друг на дружку и звучно шлепая о борта лодки; отраженные в их бесчисленных гранях солнечные лучи слепили глаза. А со стороны кормы нас догоняла темная полоса: большое облако наплывало на солнечный диск.

— Досадно, — проворчал Андрей Петрович, — ветер поднимается. Поспешим, пока он не разошелся.

Мы с удвоенной энергией налегли на весла.

А ветер все крепчал; на волнах появились белые гребешки, да и сами волны стали больше; лодка уже не шлепала днищем, а переваливалась с волны на волну, разрезая их носом.

Грести становилось все труднее. Я уже начал выбиваться из сил, а Андрей Петрович неутомимо орудовал веслом и в промежутках между взмахами покрикивал: «Будет буря… мы поспорим… и поборемся… мы с ней!»

— Нажимайте, сосед! — подбадривал он меня, поворачивая забрызганное морской водой лицо и подмигивая. — Считайте, что это ваше морское крещение… Посейдон испытывает ваши силы, прежде чем зачислить в свою свиту!

— Охотно снимаю свою кандидатуру, чтобы не опоздать к обеду, — вяло отшутился я.

— Пустое, — беззаботно откликнулся Андрей Петрович. — Еще несколько усилий, и мы дома. — Он обернулся, потом вскочил на сиденье и, размахивая руками, трижды победно

прокричал: «Ялос! Ялос! Ялос!» Потом снова уселся рядом со мной и принялся яростно работать веслом, приговаривая: «Ну-ка, взяли… еще раз взяли!»

Обливаясь потом, я старался не отставать от него, хотя мне казалось, что лодка совсем не двигается вперед, несмотря на все наши усилия. Борьба с ветром и волнами представлялась мне совершенно бесплодной, и чувство безнадежности невольно начало овладевать мной. В голове сделалось пусто, движения стали скованными.

Как бы угадав, что со мной творится, Андрей Петрович, бросив взгляд в сторону берега, сказал самым обыденным тоном:

— Отправляйтесь-ка на корму, теперь я буду грести один, так удобнее. А как только я скомандую, прыгайте в воду и толкайте лодку к берегу.

Через некоторое время, которое показалось мне вечностью, мы оба были уже в воде, таща лодку по громыхавшей гальке. Я уже не чувствовал усталости и энергично помогал Андрею Петровичу закрепить лодку на берегу.

— А, путешественники явились?! — приветствовал нас с порога Василий Петрович. — Пожалуйте к столу, поспели в самый раз.

Мы не заставили себя долго ждать и через несколько минут сидели уже за столом и с аппетитом поглощали наваристый борщ, приготовленный женой Василия Петровича.

— Кушайте, кушайте на здоровье, — потчевала она. — Небось проголодались с самого-то утра, да и потрудиться пришлось, ишь ведь море какое беспокойное!

— Довольны ли вы прогулкой? — обратился ко мне Василий Петрович, добродушно посмеиваясь.

— Еще бы, — с энтузиазмом ответил я. Теперь, когда все было позади, наша прогулка представлялась мне увлекательной и совершенно безопасной.

— А признайтесь, сосед, — хитро прищурившись, спросил Андрей Петрович, — что вы того… немножечко струхнули?

— Было, — чистосердечно согласился я, — скрывать не стану. Неуютно себя чувствуешь в бурном море.

— Какая же это буря, — рассмеялся Василий Петрович. — Вот к вечеру, должно быть, разыграется по-настоящему. А сейчас просто свежо.

— По-вашему, свежо, а по-моему, настоящая буря, — упрямо возразил я. — И не пытайтесь, пожалуйста, разубеждать меня в этом.

Братья с улыбкой переглянулись.

— Но довольно говорить о моих переживаниях, — продолжал

я, не забывая при этом орудовать ложкой. — Вы мне объясните, Андрей Петрович, другое…

— Что именно?

— Когда вы вскочили в лодке и прокричали несколько раз одно и то же слово, что оно означало?

— Какое слово, не помню?

— Если я не ошибаюсь, вы кричали «ялос!».

— А-а-а, вот вы о чем, — пожал плечами Андрей Петрович. — Это я в шутку. Просто мне вспомнилась басня, которую мой брат в течение многих лет рассказывал легковерным туристам, посещавшим Ялту.

— Басня! — возмущенно сверкнул глазами Василий Петрович. — Помолчал бы лучше, если не знаешь ровно ничего. Это тебе не твоя математика!

— Постойте! — хлопнув себя по лбу, вдруг воскликнул я. — Как же я сразу не догадался! «Ялос» — это же по-гречески берег, материк!..

— Совершенно верно, — обрадованно подтвердил Василий Петрович.

— Теперь мне все понятно. А там, на лодке, я был просто удивлен его поступку, столь внезапному и необъяснимому. Думал совершенно о другом…

— Как бы поскорее добраться до берега? — Вопрос исходил от Андрея Петровича.

— Хотя бы и так, — не смущаясь, согласился я. — Но вернемся к слову «ялос». Насколько мне известно, в специальной литературе с ним связывают название города Ялты. Там говорится, что плывшие по Черному морю греческие купцы — это было в давние времена — попали в сильную бурю и терпели бедствие. Они уже потеряли всякую надежду на спасение, как вдруг сквозь туман и мглу выступили неожиданно очертания берега. «Ялос, ялос!» — радостно закричали они (вы, Андрей Петрович, видимо, подражали им). С большим трудом им удалось пристать к берегу, который впоследствии стали именовать берегом спасения. Это и было то место, где стоит нынешняя Ялта, и ее название происходит от слова «ялос».

— Скажите, пожалуйста, — произнес Андрей Петрович. — Оказывается, не только мой брат небылицы рассказывает, о них и в книгах пишут?

— Не делай удивленного лица, — не утерпел Василий Петрович, — я тебе не раз об этом говорил, но ты поднимал меня на смех. — Он повернулся ко мне и доверительно, как единомышленнику, сказал:

— Вы совершенно правильно изложили суть общеизвестной

легенды, но есть более подробные предания.

— Вот как? — заинтересовался я. — Любопытно было бы послушать.

— Стоит ли тратить время на детские сказки, — лениво пробормотал Андрей Петрович. — Впрочем, если вам так уж не терпится услышать эту так называемую историю, слушайте, а я потом скажу, что думаю обо всем этом.

— Как видите, — обращаясь ко мне, заметил Василий Петрович, — назревает ученый спор, и вам в этом споре отводится роль нелицеприятного арбитра. Что ж, приступайте к исполнению своих обязанностей.

Я шутливо поклонился:

— Благодарю за доверие. Первое слово вам, Василий Петрович. И знайте, что я буду слушать вас с особым интересом.

— Мне очень приятно это слышать, — оживился старик. — Я изложу содержание предания, о котором только что упомянул. Вот оно.

…На живописных склонах Яйлы, неподалеку от нынешней Ялты, на правом берегу небольшой, но быстрой речки Кремасто-Неро (в переводе с греческого это значит «висячая вода»), в стародавние времена располагалось греческое селение. Поблизости от него выбивался из-под земли источник воды. И была та вода столь сладостной и приятной, что однажды отведавший ее не в силах был покинуть эти места и оставался здесь навсегда.

Чудесный источник дарил окрестным землям неиссякаемое плодородие, и оливковые деревья расцветали на них во всем своем великолепии. Хор пернатых певцов оглашал вечнозеленые рощи волшебными трелями, как бы славя прекрасную природу.

Сюда в праздничные дни приходили жители селения, их встречал с неизменным гостеприимством владелец этой земли старец Анагности, которого народ любил и почитал, называя его благословенным.

Старик имел двух сыновей: старшего звали Василис, а младшего — Георгиос. Все свои надежды престарелый Анагности возлагал на старшего сына, так как младший с малолетства проявлял дурные наклонности, с годами все более усугублявшиеся.

Почувствовав приближение смерти, старик призвал к себе Василиса, чтобы проститься с ним и наставить на праведный путь. «Остерегайся брата», — были последние слова Анагности.

Минул год. В один из ненастных осенних дней Василис совершал обход своего сада. Небо хмурилось, сильный

порывистый ветер с остервенением трепал деревья. Море грохотало, обрушивая на скалы громадные седые волны. Буря продолжалась уже третий день.

Василис остановился и бросил взгляд на разъяренную водную стихию. Как раз в этот момент из-за мыса показался корабль со сломанными мачтами. Лишенное управления, судно неслось к берегу прямо на грозно выступающие из воды утесы. Оно было уже так близко, что на палубе видны были люди, бессильно воздевавшие к небу руки. Они что-то кричали, но за шумом разбивавшихся волн, за свистом ветра трудно было что-либо разобрать. Лишь на мгновение в минуту относительного затишья Василису почудилось, что он различает слово «ялос». Потом еще и еще раз он услышал это слово и убедился, что не ошибся.

Василис бросился к берегу, всей душой стремясь помочь несчастным, но, когда очутился там, судна уже не было видно: оно пошло ко дну, разбившись, видимо, об одну из скал, обильно усеивавших прибрежные воды. Не ведая страха, он кинулся в волны, увидел голову тонущего человека и успел схватить его за одежду. Сильный, выносливый пловец, Василис в единоборстве с бушующим морем вышел победителем. Каково же было его удивление, когда он обнаружил, что спас юную прекрасную девушку.

Очнувшись от глубокого обморока, девушка рассказала, что ее зовут Еленой, что погибшее судно плыло из Греции и что кораблекрушение сделало ее сиротой: родители находились на корабле и утонули. Нежность и красота девушки, ее кротость и беззащитность пленили Василиса. Он глубоко полюбил ее, и вскоре состоялась свадьба.

Их семейное счастье ничем не омрачалось. Спустя год Елена родила сына, которого, по христианскому обычаю, надо было крестить. Как раз в то время, когда счастливые родители раздумывали над тем, кого пригласить в крестные отцы, явился Георгиос, грязный и оборванный, давно уже покинувший отчий дом в поисках легкой жизни.

Раскаиваясь в своем дурном поведении, Георгиос смиренно просил старшего брата принять его в дом, обещая быть хорошим членом семьи и примерным работником. Добрый Василис, забыв наставления покойного отца, простил брата и в знак примирения согласился, чтобы тот крестил племянника. Немалую роль в примирении братьев сыграла Елена.

Они стали жить вместе. Василис с утра до вечера хлопотал в саду, Елена воспитывала мальчика, Георгиос помогал им.

Однажды Василис вернулся домой в неурочное время. Среди полуденной тишины ему послышался в доме чей-то шепот и звук

поцелуя. Недоумевая, он распахнул дверь спальни и увидел склонившихся друг к другу Елену и брата. Георгиос держал его жену в объятиях и что-то тихо говорил ей.

Ослепленный гневом и ревностью, кроткий Василис, не раздумывая, схватил топор и, ни о чем не спрашивая, не дав им опомниться, зарубил обоих. Затем удостоверившись, что они мертвы, он схватил на руки малолетнего сына и опрометью выбежал из дому…

С тех пор никто не видел его более в родных местах.

— И это все? — в голосе моем звучало некоторое разочарование, — или есть продолжение?

Василий Петрович покачал головой:

— Продолжения нет. Я мог оборвать рассказ в том месте, где Василис услышал крики «ялос!», этого было бы достаточно, но посчитал, что всякое повествование следует доводить до конца…

— Согласен с вами, но…

— Я привел эту легенду потому, что наши краеведы связывают некоторые обстоятельства с вопросом о происхождении названия Ялта, хотя они и не дают прямых указаний на этот счет. Считают, что гибель греческого судна и спасение девушки послужили поводом для создания впоследствии нового предания, объясняющего возникновение наименования Ялта от греческого слова «ялос» или «яло». Греки, наиболее вероятные основатели этого селения, называли его Ялита, и это название упоминается впервые в XII столетии у знаменитого арабского географа Итн-Эдриси, переиначенное им на арабский манер — Джалита. В русском переводе оно звучало у различных авторов по-разному: Джалита, Галита, Гиалита.

Название Ялита сохранилось во времена господства на побережье Крыма генуэзцев, не исчезло оно и в период татарского владычества и дошло до наших дней в несколько измененном виде — Ялта. Вот все, что мне известно, — закончил Василий Петрович, — а теперь я уступаю место брату.

— Ваш черед, — обратился я к Андрею Петровичу. — Опровергайте, вы, кажется, намерены это делать.

— Увы, — вздохнул тот, — брата я люблю, но истина мне дороже. Предупреждаю, что я не историк, не филолог, не языковед и не географ. Во всех этих науках я жалкий дилетант. И если я с недоверием отношусь ко всяким сказкам, и в данном случае к только что услышанной вами (кстати, я ее слышал не один раз), то лишь потому, что причисляю себя к разряду людей здравомыслящих, признающих только факты. А все эти россказни не больше, чем плод воображения.

— Отрицать легче всего, — заметил Василий Петрович. — Но

то, что ты говоришь, просто несолидно. В любом споре нужны доказательства, а ты — «не верю», и все тут.

— Да, Андрей Петрович, — согласился я, — позиция ваша, прямо скажу, слабая. Начисто отрицая общепринятую версию происхождения названия Ялта, вы ничего ей не противопоставляете.

— Почему не противопоставляю? — усмехнулся он. — Извольте. Я тоже проделал кое-какие изыскания. Правда… — Андрей Петрович на секунду замялся, — правда, все это получилось вроде бы случайно… Понимаете, перечитывая «Иудейскую войну» Фейхтвангера, я обратил внимание на строки, в которых упоминается местечко Йалты или Ялты в Палестине, около священного целебного источника того же названия. И мне подумалось: не связано ли происхождение названия нашей Ялты с палестинской? Ведь вблизи нашей Ялты находится водопад У чан-су (по-татарски — летучая вода), влага которого в старину считалась тоже священной, целебной. В легенде же говорится о речке Кремасто-Неро, что в переводе, как сообщил Василий, означает «висячая вода». Наименования по смыслу как будто сходны. Не был ли назван водопад У чан-су по имени целебного источника в Палестине, тем более что, согласно той же легенде — об этом, правда, брат не упомянул, — старик Анагности побывал в Иерусалиме, совершив туда паломничество…

— Ага! — торжествующе воскликнул Василий Петрович. — Все равно без легенды ты никуда. Не спорю, мысль любопытная, но скажу лишь одно: подтверждения ей ты не найдешь ни в одном историческом источнике, касающемся прошлого Тавриды. Зато все авторы в один голос сходятся на том, что Ялта как название происходит от слова «ялос». Конечно, с полной уверенностью утверждать это трудно, так как неопровержимых доказательств пока еще не найдено, но, повторяю, одно совершенно бесспорно: все исследователи удивительно единодушно отдают предпочтение этой версии. Никакая другая, насколько мне известно, не упоминается в многочисленных трудах, посвященных истории Крыма.

— Как много в истории еще нераскрытых тайн, — задумчиво произнес я, — и как интересно докопаться до истины. А в этом споре, мне кажется, преимущество на стороне Василия Петровича, во всяком случае пока не появятся какие-либо новые данные. Могу обещать, что, как только в моем распоряжении окажутся такие новые данные, я немедленно дам вам знать.

— Вы меня очень обяжете, — обрадованно кивнул Василий Петрович. — Но разве вы?..

— Вот именно, — с улыбкой сказал я, догадываясь, о чем

хотел спросить старик. — Происхождение географических названий — тема моей книги, над которой я работаю уже третий год.

— Каково! — расхохотался Андрей Петрович. — Арбитр-то наш оказался докой по части географических имен! Сдаюсь, сдаюсь! Против двух знатоков выступать не осмелюсь.

— Но я надеюсь, Василий Петрович, мы еще вернемся к этой теме, — сказал я. — У вас, вероятно, в запасе есть какие-нибудь интересные истории о крымских названиях?

— С большой охотой, когда угодно, — ответил старик. — Кое-что найдется.

— Только, чур, не сейчас, — заявил безапелляционно Андрей Петрович. — Предлагаю перенести разговор на вечер. Прежде не мешает отдохнуть, чтобы вести беседу на свежую голову.

Если бы я не боялся показаться назойливым, то охотно продолжил бы беседу — так мне не терпелось услышать что-либо новое, что можно было бы включить в свою книгу. Но, не желая быть невежливым, я поддержал предложение Андрея Петровича, и мы разошлись по своим комнатам.

Понт Эвксинский

Предсказание Василия Петровича сбылось: к вечеру ветер усилился, небо заволокло свинцовыми тучами, хлынул ливень. Море грохотало, сверкали молнии, раскаты грома то сливались с ревом волн, то чередовались с ним.

Сокрушаясь, что не можем расположиться в излюбленном месте в саду, под навесом из виноградных лоз, мы устроились на застекленной террасе.

— Бр-р — повел я плечами, — не завидую тем, кто сейчас в открытом море. На суше и то неуютно себя чувствуешь, а там…

— Что и говорить, — согласился Василий Петрович, — в такой шторм морякам нелегко приходится, но…

— Но, — подхватил его брат, — для тех, кто навсегда связал свою жизнь с морем, никакие бури не страшны. Привычка и опыт!

— Да и оснащены теперь корабли так, что могут успешно противостоять самому жестокому шторму, — добавил Василий Петрович.

— А каково было древним грекам, представляете? — воскликнул я. — Ну, тем самым, которые гибли на своем утлом суденышке и кричали «ялос!». Наверное, они попали в такую же

бурю, какая сейчас бушует за окнами.

— Беднягам пришлось туго, — сочувственно вздохнул Андрей Петрович. — И в конечном счете они поплатились жизнью, попав в такую передрягу.

— Недаром греки, когда они впервые проникли за Босфор, назвали море Понт Аксинский, то есть негостеприимное море, — задумчиво произнес Василий Петрович.

— Вы полагаете, что бурливость моря послужила поводом для такого наименования? — спросил я.

— Такая точка зрения бытует в известных мне литературных источниках, — развел руками старик. — А у вас есть иное мнение?

— Несомненно, — живо ответил я. — Впрочем, это не столько мое мнение, сколько некоторых исследователей, к голосу которых я присоединяюсь.

— Что вы имеете в виду?

— Не бури и штормы, которые приходилось испытывать древним во время их плаваний по нашему Черному морю, побудили их назвать его негостеприимным. Отнюдь не это. Причина совершенно в другом.

— В чем же? — с внезапно проснувшимся интересом спросил Андрей Петрович, откладывая в сторону «Курортную газету», которую он бегло просматривал.

— Она очень проста. И состоит она в том, что для древних греков негостеприимным было не само море, а его берега. А еще точнее, не берега, а жители, их населявшие…

Андрей Петрович недоуменно пожал плечами, брат его не пошевельнулся, весь обратившись в слух.

— Да, да, именно жители, — продолжал я. — Они, мягко выражаясь, не очень любезно встречали чужеземцев, вступая с ними в сражения, убивая пришельцев, а взятых в плен приносили в жертву своим богам, чтобы умилостивить их.

Вот почему древние греки назвали море негостеприимным, а вовсе не из-за его бурливости. И добавлю к этому, что в те времена создавались легенды примерно такого содержания: «Тот считался погибшим, кто осмелился проникнуть в этот страшный бассейн, ибо за ним живут люди на вечнозеленых равнинах, где все сверкает золотом, серебром и драгоценными каменьями, а само море заколдовано и губит всех без исключения чужестранцев, которые пытаются туда проникнуть, чтобы они не смогли завладеть этой страной и поведать миру о богатствах Тавриды».

— Все это в высшей степени занятно — и легенда, и ваши рассуждения, — заметил Андрей Петрович. — Но пока я не вижу,

чтобы ваши доводы были более убедительны, чем те, против которых вы выступаете. Хоть убейте, не вижу.

— Минуточку терпения, Андрей Петрович, минуточку терпения, и я постараюсь разрешить ваши сомнения.

— Что ж, послушаем, — с явным сомнением произнес Андрей Петрович, удобнее располагаясь в кресле и закидывая ногу на ногу.

— Я уже привык к лихим наскокам моего брата, — извиняющимся тоном сказал Василий Петрович, — и не принимаю их близко к сердцу. И вам советую отнестись к ним точно так же.

— Что вы, что вы! Напротив. Мне всегда импонировали агрессивные собеседники, именно такие, как ваш брат… Итак, я повторяю, что море древние греки назвали негостеприимным не из-за его бурливости. Иначе как вы объясните то обстоятельство, что позднее те же греки переименовали море, дав ему противоположное по смыслу название — Понт Эвксинский, то есть море гостеприимное? Неужели оно с тех пор изменилось, стало более спокойным? Неужели его поверхность более не возмущали никакие бури и штормы? Согласитесь, что дело не в этом. Море оставалось столь же бурным в определенные времена года, каким оно было и прежде, каким оно бывает и в наши дни.

Как бы в подтверждение моих слов терраса осветилась вспышкой молнии и почти одновременно грянул громовой раскат невероятной силы.

— И тем не менее из негостеприимного оно превратилось в гостеприимное, — продолжал я после минутной паузы. — А почему? Да потому, что греки со временем укрепились на берегах моря, создали там свои колонии — словом, обжились на новых местах.

— Резонно! — в восхищении вскричал Андрей Петрович. — Что на это скажет мой брат? Послушаем, а? — И он заговорщически подмигнул мне.

— Право, не знаю, что вам на это ответить, — тихо сказал Василий Петрович. — Спорить с вами было бы бессмысленно, так как все, что вы сказали, очень логично и убедительно. Но… я остаюсь при своем мнении. Давайте проследим, какие изменения претерпевало название моря в различные времена…

— Не знаю, для чего вам это понадобилось, — перебил я его, — но извольте, пожалуйста… Одно время оно именовалось Судгейским или Сурожским по имени богатейшего города Судгеи, располагавшегося там, где стоит нынешний Судак; известно оно было и как Русское море; упоминалось под именем Хазарского; итальянцы, которые обзавелись в Крыму торговыми факториями,

называли его Mare magnum — Большим морем. Дали они ему такое имя, очевидно, потому, что оно представлялось им значительно большим, нежели Пропонтида, нынешнее Мраморное море…

— А турки, — подхватил Василий Петрович, — назвали море Фанар Кара-денгиз — Злое Черное море. И тут мы волей-неволей вынуждены вернуться к тому, с чего я начал, а именно к бурному характеру его, которому море и обязано, уверен, своим названием. Нет, нет, не прерывайте меня, — продолжал старый экскурсовод, заметив мой протестующий жест. — Мне хочется рассказать вам одну из многочисленных легенд, бытовавших у турок и крымских татар в свое время. Я ее услышал много лет назад от одного местного старожила…

— Опять легенда, — страдальчески простонал Андрей Петрович. — Спаси нас бог и помилуй! Мне кажется, на сегодня достаточно и одной. — Он с надеждой посмотрел на меня, видимо рассчитывая, что я его поддержу, но, тут же вспомнив, какую заинтересованность я выказал ко всяким преданиям и сказаниям в разговоре за обедом, махнул рукой и с обреченным видом уселся поглубже в кресле.

— Продолжайте, пожалуйста, Василий Петрович, — рассмеялся я. — Ваш брат с не меньшим интересом, чем я, выслушает эту историю. Я вижу, что он не на шутку заинтересовался нашим спором и только делает вид, будто ему скучно.

— Если говорить правду, то вы правы, — в свою очередь рассмеялся Андрей Петрович.

— Этот поэтический вымысел, содержание которого я попытаюсь коротко изложить, — начал Василий Петрович, — как нельзя лучше объясняет, мне кажется, природу названия, данного турками морю. Вот он.

…Пророк Аали, зять Магомета, обладал тем самым мечом дуль-факар, который был ниспослан Магомету аллахом. С помощью этого меча Магомет мог одерживать победы не только над людьми, но и над злыми джиннами. Оружие бога — дуль-факар обладал чудесным свойством выполнять волю своего владельца, поражая врагов на любом расстоянии. Посланный хозяином, он летел с быстротой молнии, так что глаз человеческий не в состоянии был проследить его полета.

Аали неусыпно хранил драгоценный дар Магомета, пока не пришла пора ему расстаться с земной жизнью. Задумался он тогда, как быть с дуль-факаром, кому он достанется после его смерти. Долго размышлял Аали и в конце концов решил, что ни

его сыновья, ни вообще никто из людей не должен владеть этим чудесным мечом. Утвердившись в этой мысли, старик приказал позвать сыновей и сказал им:

— Дети мои, возьмите этот меч, назначение которого вам неизвестно, садитесь на корабль и плывите до самой середины моря. Когда вы достигнете середины моря, бросьте меч в волны, и он опустится на самое дно и будет там покоиться вечно.

Повинуясь приказанию умирающего отца, сыновья взяли меч и пустились в дальний путь. Достигнув берега моря, они стали совещаться, как им поступить. Один сказал, что безрассудно топить меч, который, наверное, представляет большую драгоценность, другие согласились с ним: зачем лишаться столь необыкновенного меча, если можно закопать его до времени в определенном, известном только им одним месте, а отцу сказать, что повеление его исполнено в точности.

Так и было сделано. Но когда они возвратились и предстали перед отцом, тот в ярости поднялся с постели (гнев придал ему силы) и, обличив их в непослушании, воскликнул, потрясая руками: «Я не умру до тех пор, пока дуль-факар не окажется на дне моря. И помните, что никакие ваши ухищрения не помогут. Аллах просветлил мой взор, и от него ничего не скроется!»

Посрамленные сыновья, удостоверившись в невозможности сохранить для себя таинственный меч, вынуждены были снова отправиться в дорогу. Дуль-факар был извлечен из тайника, куда был ими запрятан, и доставлен на середину моря. Воля отца — пророка Аали — была ими исполнена: чудесный меч с легким всплеском опустился в морскую глубь. И с этого мгновения тихие дотоле воды моря закипели, заволновались, тщетно силясь выбросить из недр своих страшное оружие…

— Фу, чепуха какая! — с неподдельным возмущением воскликнул Андрей Петрович. — И вы с серьезным видом можете выслушивать подобные бредни? — Этот вопрос адресовался, конечно, мне.

Я улыбнулся и хотел было ответить, но Василий Петрович предупредил меня.

— Разве я не сказал в самом начале, что это чистейший вымысел? Само собой разумеется, я рассказал легенду не для того, чтобы сразить вас неопровержимым доводом. Но пойми же наконец, что даже сказки порой могут служить подспорьем в исторических изысканиях. В данном случае авторы легенды попытались как-то объяснить бурный характер моря, и сделали они это так, как могли, на уровне своих возможностей, своего развития, своих знаний, наконец. Так что сказка сказкой, а бурливость моря на протяжении веков волновала воображение

жителей его берегов. Это для меня совершенно бесспорно.

— И вы полагаете, что в эпитете «черное» люди отразили эту бурливость? — спросил я. — Боюсь, что не смогу с вами согласиться. Турки назвали море Фанар Кара-денгиз — Злое Черное море, и первое слово до некоторой степени соответствует его особенностям, но черное… Мне думается, причина возникновения этого наименования кроется в другом.

— Еще какая-нибудь легенда? — с наигранным испугом спросил Андрей Петрович.

— На этот раз нет, — рассмеялся я. — Не легенды, а некоторые факты и соображения, с помощью которых можно, мне кажется, сделать кое-какие выводы.

— Что ж, послушаем, — сказал Андрей Петрович и принял свою излюбленную позу, закинув ногу на ногу.

— Заслуживает внимания следующая догадка. Название Черное море произошло оттого, что будто бы татары, долгое время господствовавшие в Крыму, имели обыкновение все темноватые цвета называть черными.

Но есть и другое предположение: моряки, плывшие от Эгейского моря через проливы Дарданеллы и Босфор к берегам Тавриды и Колхиды, находили, точнее, усматривали большой контраст между светлыми, лазурными красками вод Греческого архипелага и более темными оттенками поверхности моря, именуемого ныне Черным. Я склонен согласиться с последним предположением; оно мне кажется наиболее правдоподобным.

— Вам кажется? — иронически повторил Андрей Петрович. — Только кажется? А ведь говорят, что в споре рождается истина… Где же ваша истина, я вас спрашиваю? Один говорит одно, другой совершенно иное утверждает. А кто из вас прав? Кому из вас прикажете верить? Вам или брату?

— Нет, вы только послушайте его, Василий Петрович! — не на шутку возмутился я. — Подавай ему истину в получасовой беседе! Как будто это так просто. Можно подумать, что в его математике все проблемы решаются в два счета. Истина! Мы ее ищем, милейший Андрей Петрович, понимаете? Ищем! И со временем найдем! А пока довольствуемся тем, что удается обнаружить в книгах, преданиях, архивных материалах. Сравниваем, сопоставляем и… спорим. И право, я не знаю занятия, более интересного и увлекательного!

— Ищущие да обрящут! — заключил шутливо Андрей Петрович. — Преклоняюсь перед всеми и всяческими исследователями. И умолкаю. И готов слушать сегодня легенды сверх программы.

Мы все рассмеялись. Я подошел к двери террасы и чуть

приотворил ее. Вместе с влажным воздухом на террасу ворвался шум непогоды: грозные удары волн, свист ветра в листве деревьев, шелест дождевых струй, отдаленные раскаты грома — гроза уходила на юг, в море.

Аргонавты и Одиссей.

Кутаиси и Одесса

— Льет как из ведра, и никаких проблесков, никаких намеков на прекращение грозы. — Прикрыв плотно дверь, я возвратился к своему месту.

— Ну и пусть себе льет, — беззаботно откликнулся Андрей Петрович. — Люблю в такую погоду сидеть дома и под барабанную дробь дождевых капель читать, размышлять, разговаривать и… слушать занимательные и поучительные истории, в том числе легенды.

— Иронизируете? — усмехнулся я.

— Ничуть, — самым серьезным тоном заявил Андрей Петрович. — Не такой уж я безнадежный скептик и рационалист, как вам могло показаться по моему поведению сегодня. Просто у меня такая манера. Ничего не могу поделать со своим характером. Нет, в самом деле я не шучу, когда прошу вас рассказать еще что-нибудь о ваших географических названиях: оказывается, это чертовски увлекательная штука.

— Что я слышу? — изумился Василий Петрович. — Поразительная метаморфоза! Мой брат обращен в нашу веру! Чудеса, да и только!

— Ну что ж, я польщен этим, — сказал я. — Но о чем же нам рассказать Андрею Петровичу? Может быть, вы сами подскажете? — обратился я к нему.

Ответ не замедлил последовать.

— Нет ничего легче. Вот вам тема: Одесса. Не знаю почему, но в моем представлении название этого города всегда ассоциируется с именем небезызвестного Одиссея.

Андрей Петрович смущенно улыбнулся и продолжал:

— Помнится, в юности я читал гомеровскую «Одиссею», и некоторые строки этой поэмы сохранились в моей памяти. Ну например, вот эти, которыми она, кажется, и начинается.

И он продекламировал:

«Гнев, о богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына…»

— Все перепутал, — расхохотался Василий Петрович. — Это же не «Одиссея», а «Илиада».

— Возможно, — нисколько не смутившись, сказал Андрей Петрович. — Во всяком случае если стихи я и перепутал, то довольно хорошо запомнил, как Одиссей обманул циклопа Полифема и выжег ему единственный глаз, чтобы спастись от неминуемой гибели, как благополучно миновал остров Сирен, томился в плену у Цирцеи и нимфы Калипсо и после долгих лет отсутствия возвратился наконец на родной остров Итаку к своей верной жене Пенелопе.

— Э, любезный друг, — не скрывая удивления, заметил я. — У вас неплохая память, вы сами прекрасно все знаете. Да и не имеет смысла тратить время на более обстоятельный рассказ о странствиях Одиссея, потому что, как бы тщательно мы ни вникали в подробности, связи его имени с нашей Одессой нам не найти.

— Жаль, — разочарованно протянул Андрей Петрович. — А я как-то даже привык к этой мысли. И мне очень нравилось такое объяснение.

— Что поделаешь. Приходится вас огорчить, — с улыбкой ответил я.

— Не беда, попробую пережить, — беспечно рассмеялся Андрей Петрович. — Однако я требую компенсации. С легендой или без легенды, как угодно, но вы должны объяснить, откуда появилось название Одесса.

— В той мере, насколько это возможно, постараюсь удовлетворить ваше любопытство, если только… — я вопросительно взглянул на Василия Петровича, — если только ваш брат, давнишний черноморский житель, не пожелает сам взять слово.

— Нет! Нет! — замахал тот руками. — Мои знания об Одессе очень скудны, и я с величайшей охотой выступлю на этот раз в роли слушателя, а не рассказчика. Продолжайте, прошу вас.

— Что ж, будь по-вашему, — согласился я. — Итак, повторяю, что Одиссей здесь ни при чем. С названием Одесса не следует связывать никаких преданий, мифов, легенд, и поэтому мой короткий рассказ будет несколько суховат. Проделаем небольшой исторический экскурс.

Если бы вы могли заглянуть сейчас в «Перипл Понта Эвксинского», составленного Аррианом в 137 году нашей эры, то обнаружили бы там упоминание, что место, занимаемое нынешней Одессой, было известно и заселено еще в те далекие времена, с которых начинается счет новому летосчислению. Затем в III и IV веках гавань была разрушена варварами, и

проходит большой период, прежде чем снова можно встретить в исторических источниках упоминание об этом участке Черноморского побережья.

В XIV столетии польские хронисты упоминают селение Качибей, или Коцюбиево. Косвенные сведения свидетельствуют о том, что Качибей в XV веке находился под покровительством Литвы, а впоследствии подвергся разрушению войсками турецкого султана Мухаммеда II. Еще позднее Качибей был восстановлен и стал известен под именем Хаджибея. По Ясскому миру в 1792 году Хаджибей переходит к России, а в начале 1795 года наименование Хаджибей навсегда исчезает из обихода, уступая место новому названию — Одесса.

— Все это великолепно, что вы рассказали! — нетерпеливо воскликнул Андрей Петрович. — Но откуда это название взялось? Не придумали же его!

— Вот именно придумали! Точнее, пожалуй, не выразишься.

— Но кто? Как? И почему Одесса? Ведь должно же быть какое-то объяснение?

— Разумеется, оно существует. Утверждают, что город своим названием обязан Российской императорской академии наук, которая предложила это наименование в память древнего эллинского селения Одессоса, или Одиссоса, располагавшегося некогда в пятидесяти с лишним километрах от нынешнего города к северу, на левом берегу Тилигульского лимана.

— А почему древнее селение называлось Одессос? — продолжал атаковать меня вопросами Андрей Петрович. — Может быть, все-таки Одиссей?

— Чего не знаю, того не знаю, — ответил я. — Но с Одиссеем его связывать нет никаких оснований, по моему мнению. Для этого нет даже косвенных причин, сколько бы вы ни искали… А вот название другого города, который, правда, не лежит на берегу Черного моря, но находится сравнительно неподалеку от него, по предположению некоторых исследователей, имеет прямое отношение к другому общеизвестному древнегреческому мифу — об аргонавтах. Вы его, конечно, знаете?

— Город или миф? — лукаво спросил Андрей Петрович.

— Само собой разумеется, не город, а миф, потому что вам вряд ли известно, какой город я подразумеваю, — ответил я.

— Как вам сказать, — замялся Андрей Петрович. — Я помню миф очень смутно, в самых общих чертах. У Джека Лондона, по-моему, есть песенка в одном из рассказов. Погодите… Как это в ней говорится?.. Ага… вспомнил:

Как аргонавты в старину,

Покинули мы дом,
И вот плывем тум-тум-тум-тум
За золотым руном…

— Действительно, в самых общих чертах, — иронически заметил Василий Петрович.

— Но я не прочь воскресить в памяти содержание этого мифа, если он, как вы говорите, объясняет происхождение какого-то названия. Тем более что за вами сегодня осталась еще одна легенда. Как вы на это смотрите?

Сказано это было со столь обезоруживающей веселостью, что мы только переглянулись с Василием Петровичем и согласно наклонили головы.

— Вот и прекрасно! — продолжал Андрей Петрович. — Попросим моего брата рассказать об этом. Его хлебом не корми, только дай поговорить о всяких там легендах и сказаниях.

— Но я, право, не знаю, о каком городе пойдет речь, поэтому, быть может, лучше, если вы… — смущенно пробормотал старик.

— Напротив, — возразил я, — так будет даже интереснее, неожиданнее, что ли.

— Хорошо, пусть будет так, — согласился Василий Петрович. — Рассказывать с самого начала?

— Непременно с самого начала, это очень важно, — подтвердил я.

— Извольте, я начну, а вы продолжите.

— Оставляю за собой право прервать вас в нужном месте, — предупредил я. Василий Петрович кивнул головой и приступил к повествованию.

…Давным-давно, в незапамятные времена, в Орхомене, что находился в средней части Греции, царствовал сын бога ветра Эола Афамант. Первая его жена, богиня облаков Нефела, подарила ему двух детей — сына Фрикса и дочь Геллу. Потом он женился вторично на дочери Кадма — Ино.

Афамант души не чаял в своих детях, а Ино возненавидела их всем сердцем. Днем и ночью ее ум был занят единственной мыслью, как бы погубить ненавистных ей детей. В конце концов она составила план и тут же принялась за его осуществление. С помощью подарков ей удалось подговорить всех женщин Орхомена иссушить семена, приготовленные для посева. И когда настала пора снимать урожай, жители Орхомена не увидели на своих полях не только ни одного колоса, но даже чахлых всходов.

Страшная опасность голода надвинулась на царство

Афаманта. Обеспокоенный царь снарядил посольство к оракулу Аполлону в Дельфах, чтобы узнать, в чем причина бесплодия земли Орхомена.

Хитрая, жестокая Ино предвидела это и подкупила послов, повелев им привезти из Дельф следующий ответ оракула:

— Боги вернут плодородие твоим полям и нивам, если ты принесешь им в жертву своего сына Фрикса.

Опечалился Афамант, сердце его разрывалось от горя, но ради благополучия народа он решил исполнить повеление богов и принести им в жертву любимого сына.

Ино ликовала в душе: задуманный ею злодейский план был близок к осуществлению.

И вот приготовления к жертвоприношению закончены. Юный Фрикс подведен к жрецу, в руках которого сверкает жертвенный нож. Со слезами бросается Гелла к брату, чтобы в последний раз обнять его. Афамант тяжко вздыхает, по лицу его тоже струятся слезы. Сейчас произойдет непоправимое — нож жреца вонзится в сердце его юного сына. Но что это? Не сон ли он видит? С неба спускается золотой овен[1], Фрикс и Гелла усаживаются на его шелковистую спину, и животное с драгоценной ношей взвивается вверх. Изумленная толпа безмолвно взирает на это чудо.

Быстро несется златорунный овен и вскоре исчезает в безоблачном небе. Он летит на север, потом поворачивает на восток. Далеко внизу мелькают сады, леса, нивы, вздымаются горы, между которыми змеятся ленты рек.

Испуганные Фрикс и Гелла, судорожно уцепившись за руно, смотрят вниз, и уже нет ни гор, ни полей, ни лесов, а одно бескрайнее море простирается во все стороны. Ужас охватывает Геллу, кружится у нее голова, бессильно разжимает она руки и падает в морскую пучину, прежде чем Фрикс успевает подхватить ее. Бережно принимая в свои объятия, смыкаются на ней вечно шумящие морские волны.

А златорунный овен, почувствовав, что ноша стала легче, еще быстрее несется над морем. Уже впереди в дымке виднеются очертания громадных гор. Туда, к этим горам, держит путь спаситель Фрикса. Вот море остается позади, овен замедляет свой полет и опускается на берегу реки, в цветущей долине. Это Колхида, омываемая водами реки Фасиса[2]. Здесь правит царь Эет, сын бога Гелиоса[3]. Он радушно принимает Фрикса. Пораженный рассказом о чудесном спасении юноши, Эет приносит в жертву царю богов Зевсу овна, а его золотое руно велит повесить на дереве в священной роще бога войны Ареса. Отныне никто не посмеет к нему прикоснуться, ибо сторожить золотое руно будет огнедышащий дракон, не знающий сна ни

днем, ни ночью.

Слух о том, что Фрикс благополучно достиг Колхиды и что золотое руно как святыня охраняется страшным драконом, донесся до берегов Греции. Знали родичи царя Афаманта, что благополучие всего их рода зависит от того, будет ли кто-либо из них обладателем золотого руна. Так предсказал оракул. И все помыслы их были направлены на то, чтобы любым способом завладеть этим руном…

— Стоп! — остановил я рассказчика. — Мне думается, нет никакой надобности столь же подробно рассказывать всю дальнейшую историю: это отнимет много времени, но не прибавит ничего существенного. Но чтобы не обрывать легенду на полуслове, я с вашего разрешения, Василий Петрович, очень коротко изложу дальнейшее ее содержание. Не возражаете?

— Конечно, он согласен, — поспешил заявить Андрей Петрович. — И я тоже. Продолжайте, пожалуйста.

— Да, да, продолжайте, — подтвердил его брат.

— Так на чем мы остановились? — я сделал минутную паузу, собираясь с мыслями. — Ах, да… Итак, кому-то из рода Афаманта предстояло похитить золотое руно у царя Эета из священной рощи. Боги предназначили совершить этот героический подвиг внуку брата Афаманта — Ясону. Когда Ясон достиг возмужания, он решил вернуть себе власть над городом Иолком, отнятую у его отца коварным Пелием. Ясон потребовал от Пелия, чтобы тот возвратил ему, как законному наследнику, царство. Пелий дал согласие, но поставил условие. Он заявил, что вернет царство только после того, как Ясон привезет золотое руно. Давая такое обещание, Пелий полагал, что немногим рискует, ведь гибель дерзкого юноши неминуема.

Но Ясон был полон сил и уверенности в успехе задуманного дела. Он кликнул клич по всей Греции, приглашая прославленных ее героев принять участие в походе за золотым руном к берегам Колхиды. Многие откликнулись на его зов и прибыли в Иолк. К тому времени был выстроен корабль «Арго», названный так по имени его строителя.

После жертвоприношений богам и прощального пиршества аргонавты пустились в путь. Много опасностей и невзгод пришлось им перенести на всем протяжении этого долгого плавания, всего не перечесть. Но, хранимые покровительствующими им богами, они наконец благополучно прибыли в царство Эета на берега Фасиса. Здесь с помощью младшей дочери царя волшебницы Медеи, которая горячо полюбила юного героя, Ясону удалось похитить золотое руно и вернуться на родину.

Вот, собственно, и весь миф об аргонавтах. Но для нас представляет интерес только первая его часть, где говорится о золотом руне, как таковом. И вот почему.

Царство мифического царя Эета в Колхиде находилось, как предполагают, там, где ныне стоит город Кутаиси. Этот город известен давно, и у древних писателей он упоминается под различными наименованиями, например, такими, как Кита, Китаис, Котезион, Котиейон, Кутатисий, Котаис и т. д. И самое любопытное заключается в том, что все эти названия в известной степени созвучны с греческим словом «куйтос», то есть кожа, шкура. Естественно, напрашивается предположение, что в названии города следует искать связь с древнегреческим мифом о золотом руне, потому что золотое руно овна — это в просторечии шкура барана.

Вы скажете, догадка? Согласен. Несомненно, только догадка. Но пока за неимением ничего более определенного приходится довольствоваться этой догадкой…

— Да-а-а, — протянул Андрей Петрович, — нелегкое это дело — расшифровка географических названий, оказывается. Но чертовски интересное! Очень интересное! Знаете что? Расскажите еще что-нибудь в этом роде, я начинаю входить во вкус все больше и больше!

— Нет, на сегодня хватит, — решительно сказал я. — Уже поздно, первый час ночи, пора спать. К тому же гроза кончается. А завтра, если хотите, мы вернемся к этой теме.

Мы пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись.

Теплые воды

Но разговор наш возобновился лишь через день, потому что Василий Петрович уехал утром следующего дня по делам в Ялту и возвратился домой лишь поздним вечером. Прощаясь, он просил в его отсутствие не затевать беседы.

Я заверил его, что он может не беспокоиться, а Андрей Петрович со своей стороны обещал не задавать мне ни единого вопроса в отсутствие брата не только о географических названиях, но и вообще по географии, истории, филологии, языкознанию и т. д.

Мы мирно провели с Андреем Петровичем весь день на море, обсуждая проблемы рыболовства, а вечером коротали время за шахматной доской.

Следующее утро застало всех нас троих на берегу моря. Расположившись в тени большой скалы, мы лениво обменивались впечатлениями о погоде, о море, о наших соседях по пляжу, число которых увеличивалось буквально с каждым мгновением.

Вдруг Андрей Петрович вскочил и замахал руками, кого-то приветствуя и приглашая.

К нам направился высокий худой мужчина в очках. Он был в плавках и купальной шапочке. Его белое тело резко выделялось на фоне загорелых фигур, усеивавших пляж.

— Приветствую вас, Сергей Михайлович, на берегу Черного моря, — пожимая руку бледнотелому незнакомцу, весело сказал Андрей Петрович. И, обращаясь к нам, добавил:

— Прошу любить и жаловать. Мой московский приятель Сергей Михайлович Королев, доцент, кандидат исторических наук, превосходный собеседник, гм… гм…

— Мне кажется, вы сказали более чем достаточно, — остановил его Сергей Михайлович, добродушна улыбаясь. — Давайте знакомиться.

Мы обменялись рукопожатиями. Завязался непринужденный разговор, и вскоре Сергей Михайлович, оказавшийся человеком общительным, чувствовал себя в нашей компании как рыба в воде, да простит мне читатель это избитое сравнение.

Андрей Петрович потащил своего друга купаться. Я последовал за ними. Накупавшись вдоволь, мы растянулись на горячей гальке, и Андрей Петрович со свойственной ему напористостью немедленно затеял разговор на интересующую его тему.

— Мы все в сборе, — заявил он, — и можем продолжить позавчерашнюю нашу беседу…

— Жарко, — проворчал Василий Петрович, подмигнув при этом мне, — настроения нет говорить…

— Э, нет, дорогой брат! — возмутился Андрей Петрович. — Уговор был? Был! Так будьте любезны держать слово!

— Ничего не поделаешь, Василий Петрович, — сказал я, тяжело вздохнув, — придется выполнять обещанное…

— Ах вы лицемеры! — расхохотался Андрей Петрович, немедленно разгадав нашу нехитрую игру. — Небось сами рады-радешеньки поговорить, а туда же… делают вид, что с их стороны это большое одолжение…

Я и Василий Петрович в свою очередь засмеялись, а Сергей Михайлович недоуменно поднял брови:

— Может быть, вы меня посвятите?..

— Разумеется, посвятим, — подхватил неугомонный Андрей Петрович, — и, сверх того, попросим принять самое деятельное

участие в нашей беседе, которая, думаю, будет для вас небезынтересной.

— О чем же у нас сегодня пойдет речь? — в раздумье спросил я. — Вы имеете в виду что-нибудь определенное?

— Еще бы! К вашему сведению, я не сидел сложа руки и приготовил кое-какие вопросы, — не без самодовольства ответил Андрей Петрович. — И вот вам первый из них: Тбилиси!

— Ого! — не удержался я от восклицания. — Должен признать, что у вас неплохой вкус к названиям, Андрей Петрович.

— В каком смысле?

— Названия все выбираете такие, о которых есть что рассказать. В тот раз Одесса, нынче Тбилиси.

— Пустое! Чистая случайность! — махнул рукой Андрей Петрович с равнодушным видом, стараясь не показать, что польщен моим замечанием. — Однако не будем тратить драгоценного времени…

— Не будем, — согласился я. — Василий Петрович, вам что-нибудь известно о происхождении названия города Тбилиси?

— Очень немногое. Не припомню сейчас, где читал, но там было сказано примерно следующее: «тбили» или «тпили» — по-грузински означает «теплый», и Тбилиси переводится как «место теплых вод»…

— Серные источники подразумеваются, видимо? — перебил его брат.

— Да, по всей вероятности, — подтвердил Василий Петрович. — У грузин есть легенда, которая связывает возникновение города и его названия с этими теплыми источниками, но я, к сожалению, не смогу ее воспроизвести… — он смущенно хмыкнул, — запамятовал…

— Это дело поправимое, — пришел я на выручку, — я ее помню во всех подробностях…

— Послушаем, — потирая руки от удовольствия, сказал Андрей Петрович. — Обожаю всяческие легенды!

— Недаром говорится, что от ненависти до любви один шаг, — усмехнулся я. — Позавчера вы придерживались совершенно иного мнения о легендах и сказаниях…

— Кто прошлое помянет, тому глаз вон, — беспечно отозвался Андрей Петрович.

— Ваша правда, — согласился я. — Ну так слушайте, о чем гласит предание. Попробую воспроизвести его как можно более обстоятельно.

…Близился полдень. Густая листва деревьев почти не пропускала жгучих солнечных лучей, и все же воздух в глубине

леса, напоенный испарениями земли и растительности, был зноен и душен.

Птицы лениво перепархивали с ветки на ветку, стрекотали цикады, под ногами лошадей потрескивал бурелом.

Шумная кавалькада медленно пробиралась сквозь лесную чащу, нагруженная охотничьими трофеями. К седлам всадников были приторочены пестрые связки фазанов и другой дичи. Слуги, следующие в арьергарде, везли трех косуль и двух кабанов, подвешенных за ноги к толстым жердям. Рядом бежали собаки, высунув длинные розовые языки и искоса поглядывая на лакомую добычу.

Всадники оживленно переговаривались, вспоминая охотничью потеху — каждую меткую стрелу, удачный удар ножом, и неустанно восхваляли твердую руку и зоркий глаз царя.

Сам царь Вахтанг Горгосал не принимал участия в веселом разговоре. Отпустив поводья, он со снисходительной улыбкой прислушивался к болтовне спутников, небрежно перебирая гриву своего скакуна пальцами, унизанными перстнями.

На левом плече у него сидел нахохлившись любимый сокол, готовый в любое мгновение устремиться в погоню за добычей. Всякий раз, как раздавался взрыв хохота, которым сопровождалась очередная шутка веселых охотников, сокол недовольно поводил головой, как бы осуждая беспечность и легкомыслие этих странных существ.

Вдруг впереди, где-то высоко в листве, раздалось тяжелое хлопанье крыльев. Крупный фазан, вспугнутый шумом, поднялся в воздух, сверкая ярким оперением.

Царь Вахтанг напрягся, взгляд его сделался сосредоточенным и острым, рука схватилась за лук. В тот же миг сокол стрелой взвился в небо и погнался за удаляющейся от лесной чащи птицей.

Царь натянул поводья и привстал на стременах.

— Вперед! — воскликнул он, охваченный охотничьим азартом. — Этот красавец от нас не уйдет!

И, пришпорив коня, Вахтанг поскакал в том направлении, куда устремляли свой полет фазан и преследующий его сокол.

Охотники последовали за своим повелителем, оглашая воздух лихим гиканьем. Земля задрожала, сотрясаемая тяжелым конским топотом. В испуге заметались в вышине птицы; юркнула в дупло белка; попрятались в норки мелкие зверушки; поджав уши, из-под копыт выскочил заяц и пустился наутек под веселое улюлюканье охотников.

Царь Вахтанг, возбужденный преследованием, скакал впереди через редкий кустарник, не спуская глаз с двух удалявшихся

птиц.

Расстояние между преследователем и жертвой — соколом и фазаном — заметно сокращалось. Сокол настигал фазана, и тот, чувствуя приближение хищника, заметался из стороны в сторону. Несколькими взмахами крыльев сокол поднялся еще выше в небо и, поравнявшись со своей жертвой, ринулся на нее. Еще мгновение — и обе точки слились в одну и камнем упали вниз.

С гиканьем и победными возгласами кавалькада помчалась к месту падения птиц. Впереди неслись собаки, науськиваемые ловчими.

Охотники рассыпались цепью и обшаривали каждый кустик в поисках упавших птиц. Царь, остановившись под раскидистым деревом, нетерпеливо наблюдал за ними, раздраженно покусывая пышный ус.

Но вот с левой стороны донесся звонкий собачий лай и торжествующие крики людей. Глаза царя радостно сверкнули, и он властным движением руки, державшей поводья, послал своего скакуна вперед. Несколько минут спустя конь вынес седока на поляну, где столпилась группа всадников.

Один из них, спешившись около небольшого водоема и засучив рукава куладжи[4], сосредоточенно рассматривал фазана, распластавшегося неподвижно на дне источника. Тут же рядом покоилось и тело сокола.

— Оба мертвы, — подняв голову, сообщил он. — Сейчас я их достану. — Он погрузил правую руку в воду, но тотчас же выдернул ее обратно.

— Вода горячая! — в крайнем изумлении воскликнул молодой охотник. — Чудо! Вода горячая, — в суеверном страхе повторил он.

Окружающие разом заговорили, выражая недоверие к словам товарища. Двое или трое из них соскочили с лошадей и опустили пальцы в воду. На их лицах отразилось удивление, смешанное с суеверным страхом.

— Он прав! В самом деле! Вода и правда горячая! — перебивая друг друга, закричали они, невольно пятясь от таинственного источника.

— Чего вы страшитесь? — презрительно бросил царь Вахтанг. — Неужели среди вас не найдется ни одного, кто решился бы вытащить из воды мертвых птиц? В таком случае я сам… — и он сделал движение, намереваясь спрыгнуть на землю.

— Нет, царь! — вскричал тот самый молодой охотник, что первый обнаружил чудесные свойства водоема. — Прости минутное малодушие и дозволь сделать мне самому то, что следовало сделать с самого начала, — достать птиц!

Царь милостиво улыбнулся и кивнул головой в знак согласия.

Ободренный этим знаком, юноша стремительно бросился к источнику и, погрузив в него обнаженную руку, вытащил сначала фазана, а потом и сокола. Держа обеих птиц за ноги, он вернулся к царскому скакуну и протянул их Вахтангу со словами:

— Это твой трофей, доблестный царь, что прикажешь с ним делать?

— Сокола пусть закопают в землю рядом с источником. — Вахтанг вздохнул с сожалением. — Он был мне верным помощником и мог бы еще не раз послужить, если бы не увлекся так… А фазана возьми себе. Отвезешь домой, пусть мать сварит его или поджарит…

— Прости, царь, — почтительно заметил юноша, — но фазана варить не надо, он уже сварился…

— Как? — воскликнул Вахтанг. — Так это правда, что вода в источнике столь горяча?!

— Да, господин, — вмешался в разговор седоусый телохранитель царя, — Автандил (так звали молодого охотника) не погрешил против истины. Вода горячая, от нее пар поднимается, посмотри внимательно.

— Чудесный источник, — промолвил Вахтанг задумчиво. — Если бы он был здесь не один…

— Их несколько, государь, — подхватил телохранитель. — Мои молодцы обнаружили неподалеку еще три…

— Вот как? И воды в них так же горячи?

— Совершенно так же, господин.

— Тем лучше! — Вахтанг нахмурил брови, что-то обдумывая. Потом лицо его прояснилось, и он величественным жестом указал на поляну. — Решено! Здесь, у этих источников, я велю заложить город, и да прославится он в веках!

Под приветственные клики своей свиты царь пришпорил коня и поскакал, как и прежде, во главе кавалькады.

И город действительно вырос у теплых источников. Это был Тбилиси, впоследствии ставший столицей Грузии, — закончил я свой рассказ.

— Эта легенда мне даже больше нравится, чем все предыдущие, которые были рассказаны вами в прошлый раз. Она, по-моему, звучит довольно правдоподобно и… убедительно.

Андрей Петрович вопросительно посмотрел поочередно на меня, на брата, на Сергея Михайловича.

— А когда же происходили описанные вами события?

— Полторы тысячи лет назад, если не ошибаюсь, — не совсем уверенно сказал Василий Петрович.

— Да, — подтвердил я, — возникновение города Тбилиси

относят к 458 году нашей эры…

— Скажите, пожалуйста, — с уважением произнес Андрей Петрович. — Пятнадцать столетий! Вот это возраст! Позвольте, позвольте! — внезапно оживился он. — В таком случае грузины должны вскоре праздновать полуторатысячелетний юбилей своей столицы?!

— Несомненно. По всей вероятности, так оно и будет, — согласился я.

— Могу ответить на ваш вопрос более определенно, — вмешался Сергей Михайлович. — Я недавно побывал в Тбилиси по делам и слышал там много разговоров о юбилее от очень авторитетных лиц. Подготовка, оказывается, к нему идет полным ходом вот уже более года. Но… если вы не возражаете, мне бы хотелось кое-что сказать, вернее, выразить некоторые соображения по поводу даты возникновения Тбилиси…

И наш новый собеседник смущенно поправил на носу очки.

— Так, так! — возликовал Андрей Петрович. — Вот и дискуссия открывается! Давайте, дружище, выкладывайте ваши соображения. Мы с удовольствием их послушаем. Верно?

— Конечно, конечно! Любопытно узнать вашу точку зрения! — почти в один голос сказали мы с Василием Петровичем.

— Видите ли, — еще раз поправляя очки, тихим голосом начал Сергей Михайлович, — я не собираюсь оспаривать легенду, которая была только что здесь рассказана весьма обстоятельно, хотя… хм-хм… существуют и другие, так сказать, версии…

— Вы подразумеваете вариант легенды с раненым оленем, упавшим в источник и сварившимся в нем? — полюбопытствовал я.

— Совершенно верно. Но это так, к слову пришлось. Я думаю, что для истории Тбилиси не так уж существенно, кто сварился в горячем источнике — фазан или олень, да и вообще были ли в действительности такие факты…

— Погодите, погодите, Сергей Михайлович, — опять не утерпел и вмешался Андрей Петрович. — Если я правильно вас понял, вы подвергаете сомнению то, что говорится в предании?

— Пожалуй, — согласился тот, — то есть не то чтобы подвергаю сомнению, а… как бы это точнее сказать… э-э-э… думаю, что народ создал эту легенду уже впоследствии, когда город уже существовал. Связь названия города с теплыми источниками несомненна, здесь двух мнений быть не может, для меня это бесспорно. А вот что касается времени его возникновения, то в различных исторических документах об этом толкуется по-разному…

— Прошу прощения, — заметил я, — вы имеете в виду, очевидно, упоминания о том, что в 380 году нашей эры здесь была основана крепость Шурисцихе, вокруг которой впоследствии образовался город?

— Не совсем, хотя приведенный вами пример может также служить предметом обсуждения. Я, собственно, хотел сказать о другом.

— О чем же? — поинтересовался Василий Петрович.

— Вот именно, о чем же? — нетерпеливо повторил его брат.

Сергей Михайлович улыбнулся с таким видом, как будто просил у нас извинения:

— Право, не знаю, стоит ли об этом говорить… мне пришло только что в голову…

— Нет, почему же, — ободрил я его. — Мы с большим вниманием выслушаем ваше мнение. Оно тем более ценно, что будет исходить от специалиста-историка. Ведь каждый вправе отстаивать свои взгляды на тот или иной факт.

— О, это не взгляды, а лишь некоторые сомнения… мои личные… — покачал головой Сергей Михайлович. — Мне просто вспомнилось, что Картлис-цховреба[5] сообщает о существовании селения Тбилиси, называя дату… 237 год до нашей эры…

— Ишь ты! — восхитился Андрей Петрович. — Вон в какие дебри истории мы забрались. Того и гляди, до Ноева ковчега доберемся!

— А почему бы и нет? — невозмутимо заметил я. — Покончив с Тбилиси, можно будет потолковать и о нем, если угодно.

— Угодно, очень угодно, — подхватил Андрей Петрович и полюбопытствовал: — Опять какие-нибудь названия?

Я утвердительно кивнул головой.

— Послушаем! Послушаем! — обрадовался Андрей Петрович, требовательно глядя на меня и на Сергея Михайловича. — Но… я, кажется, прервал рассказчика. Каюсь! Продолжайте, пожалуйста.

Тот пожал плечами:

— Собственно, больше мне нечего добавить. Я хотел лишь обратить ваше внимание на то, что дата возникновения Тбилиси, на мой взгляд, спорна, только и всего…

— Да-а-а, — согласился я. — Действительно, высказывались по этому поводу некоторые сомнения. Но ныне отдается предпочтение Вахтангу Горгосалу как основателю Тбилиси, а следовательно, признается и дата, приуроченная к легенде. Об этом с очевидностью свидетельствует подготовка к юбилею, который, как я полагаю, будет отмечаться с большой торжественностью. Не так ли?

Сергей Михайлович подтвердил:

— Да, готовятся грузины с большим размахом.

— Все ясно! — безапелляционно заявил Андрей Петрович. — Город Тбилиси образовался полторы тысячи лет назад, а название его происходит от теплых серных вод…

— Которые, вероятно, привлекли к себе внимание не только своими целебными свойствами, но и возможностью использовать их при устройстве бань и для выделки кожи, — добавил Василий Петрович.

— Несомненно, — подтвердил я. — А теперь…

— А теперь, — перебил меня Андрей Петрович, — прежде чем вы поведаете нам о Ноевом ковчеге, я предлагаю искупаться. Право, это нам не повредит.

Предложение было как нельзя более своевременным. Увлекшись разговором, мы не заметили, как солнечные лучи подкрались к нам и теперь немилосердно жгли наши обнаженные тела. Подпрыгивая по раскаленной гальке, мы добежали до воды и окунулись в ее прохладную свежесть.

— Блаженство! — отфыркиваясь, прокричал Андрей Петрович. — Плывем до той скалы, — он указал на камень, едва возвышающийся над поверхностью моря, метрах в двухстах от берега.

Резвясь, словно мальчишки, мы наперегонки поплыли к камню и, сделав около него круг, повернули к берегу.

— Ну вот, — растягиваясь около брата на полотенце, сказал Андрей Петрович, — теперь можно и поговорить с новыми силами, со свежими мыслями…

Гибель Ара и первая стоянка Ноя

— Ну и хватка же у вас, Андрей Петрович, — с невольным восхищением заметил я. — Не даете ни вздохнуть, ни охнуть. Воображаю, каково приходится вашим подчиненным.

— Да-а-а, уж я выжимаю из них все, что только можно, — не без доли самодовольства ответил Андрей Петрович, усмехаясь. — Однако мы, кажется, отвлеклись от темы. Давайте-ка лучше вернемся к всемирному потопу. Ведь о нем вы хотели нам рассказать?

— Натиск вашего брата столь стремителен и неотразим, что я покоряюсь, — сказал я, обращаясь к Василию Петровичу. — Извольте, поговорим о библейской легенде, коли уж я сам

напросился на это. Полагаю, что содержания легенды рассказывать нет нужды, она достаточно всем известна?!

— Конечно, не стоит, — согласился Андрей Петрович. — Кто не знает сказки о старике Ное и его сыновьях Симе, Хаме и Иафете, чудесно спасшихся на вершине Арарата от всемирного потопа и затем пустившихся в плавание на ковчеге… Семь пар чистых… семь пар нечистых… словом… — он сделал замысловатый жест рукой, — ну и так далее…

— Вот об этом вашем «и так далее» и следует поговорить, — сказал я. — Итак, Ноев ковчег со всеми своими обитателями покинул вершину Арарата и пустился в плавание, как вы совершенно справедливо заметили. Легенда повествует, что первая стоянка ковчега была у подножия горы, примерно там, где ныне находится город Нахичевань…

— Ну и что из этого следует? — прервал меня нетерпеливый Андрей Петрович. — Какое отношение имеет Нахичевань к ковчегу, Ною и всемирному потопу?

— Если бы вы меня не прерывали, я бы смог вам объяснить, — невозмутимо продолжал я. — В том-то и дело, что армянская этимология производит название города Нахичевань от двух слов: «нах» и «ичеван». «Нах» означает в переводе «первый», а «ичеван» — «стоянка Ноя». Здесь как раз и подразумевается, что на месте нынешнего города некогда остановился Ноев ковчег, после того как он начал спускаться с Арарата.

— Ну, уж это слишком, — не выдержал опять Андрей Петрович и рассмеялся. — И вы можете серьезно говорить о таких вещах?

— А почему бы и нет, — вмешался Сергей Михайлович, неожиданно приходя мне на помощь. — Любое предположение имеет право на существование до тех пор, пока оно не будет квалифицированно и доказательно опровергнуто.

— Да, но… — несколько растерялся Андрей Петрович, — ведь мы же серьезные люди…

— Тем более, — спокойно продолжал Сергей Михайлович. — А разве неразумные мальчишки создали христианское учение, Библию и тому подобное? Разве им не верили миллионы и миллионы весьма серьезных людей?

— И следовательно, могли увековечить в географических именах тот или иной эпизод библейской истории, — подтвердил я. — Одним словом, такая версия происхождения названия Нахичевань существует, о чем я и довел до вашего сведения.

Андрей Петрович поднял руки:

— Сдаюсь! Сдаюсь!

Вид у него был при этом такой обескураженный, что я сжалился над ним.

— Могу вас утешить, есть и другое объяснение этого наименования. Некоторые трактуют его следующим образом. «Нахич» или «нахуч», по их мнению, — это имя собственное, а «аван» переводится как место, местечко. Иначе говоря, получается в сочетании селение Нахича или Нахуча… Вижу, вижу, Андрей Петрович, что уже готовитесь опять меня прервать. Не трудитесь! Угадывая ваш вопрос, отвечаю: ничего о личности, по имени Нахич или Нахуч, мне не известно. Ведь вы об этом хотели спросить?

— Ничуть! — вновь обретая самоуверенность, весело сказал Андрей Петрович. — Вот и не угадали. Прах с ним, с этим вашим Нахичем, да и с ковчегом заодно. Вы лучше расскажите об Арарате, коли уж о нем зашла речь…

— Помилосердствуйте! — вскричал я. — Да есть ли у вас наконец совесть? Василий Петрович, сделайте милость, уймите вашего брата. Это же не человек, а форменный паук-эксплуататор!

Старик безнадежно махнул рукой и с нежностью посмотрел на Андрея Петровича:

— От него все равно не отвяжешься. Пиявка!

— Ха-ха-ха, — закатился «паук-эксплуататор», победоносно глядя на меня. — Какова аттестация? Положение у вас безвыходное, дорогой друг, поэтому не томите любознательных людей и излагайте все, что вам известно. Вот так-то!

— Василий Петрович, голубчик! — взмолился я. — Выручайте! Дайте передохнуть человеку. У меня во рту пересохло.

— Вы хотите, чтобы я, как и о Тбилиси, начал первым?

— Да, очень вас прошу.

— Извольте, — пожал плечами Василий Петрович. — Только заранее предупреждаю, что о происхождении названия Арарат мне известно еще меньше, чем о Тбилиси…

— Скромность всегда была отличительной чертой моего старшего брата, — шутливо заметил Андрей Петрович. — И кроме разницы в годах это качество существенным образом различало нас с ним.

— Будет тебе, — добродушно отозвался Василий Петрович. — Что же я могу сказать об Арарате? Никаких легенд по этому поводу мне не встречалось в литературе. Знаю лишь, что армяне называли эту гору Масис, что означает «великий», а турки именуют ее Агридаг, то есть Крутая гора, Трудная гора. Вот и все, что мне известно. В заключение могу лишь высказать предположение, что название Агридаг со временем каким-то образом трансформировалось в Арарат.

— И это все? Не густо, однако, — разочарованно протянул Андрей Петрович и с надеждой посмотрел на меня.

— Ладно, ладно, не огорчайтесь, — успокоил я его. — К тому, что сказал Василий Петрович, можно кое-что добавить. — Я достал из портсигара папиросу и закурил. — Ну, прежде всего вам следует знать, что помимо названий, упомянутых Василием Петровичем, у турок бытовали и другие имена этой горы: Беюкдаг — Большая гора, Дагирдаг — Гора гор. Но не в этом суть. Все эти наименования не проливают света на происхождение слова «Арарат», как вы сами, несомненно, догадываетесь…

— Ну и к лешему их тогда, — бесцеремонно перебил меня Андрей Петрович.

— К лешему, так к лешему, — согласился я. — По мне, так и название Агридаг также следует отправить к лешему, хотя небезызвестный венецианец Марко Поло производит Агридаг от Аркадаг, полагая, что «арка» означает «ковчег»…

— Гора ковчега? — спросил Василий Петрович.

— Совершенно верно, — подтвердил я. — А некоторые исследователи даже высказывали мысль, что «агри» — это

искаженное «арго» — название корабля аргонавтов, о которых мы уже имели удовольствие вспоминать, толкуя о Кутаиси. Но все это кажется мне натянутым, да и не дает прямого ответа на интересующий нас вопрос.

— А что дает ответ? Или ответа нет? — верный себе в своем нетерпении спросил Андрей Петрович.

— Если вы проявите такую же выдержку, выслушивая меня до конца, какую я проявляю, слушая все ваши бесконечные вопросы…

— Молчу, молчу! — виновато воскликнул Андрей Петрович.

— Так вот, — продолжал я, — существует легенда…

— Ага! — Андрей Петрович торжествующе посмотрел на своего брата и тут же осекся. — Виноват, я, кажется, опять не удержался…

— Вот именно опять, — многозначительно подчеркнул я. — Повторяю. Существует легенда или предание, если угодно, которые связывают наименование горы Арарат с гибелью одного из армянских царей, правившего в очень и очень отдаленные времена. Краткое ее содержание таково.

…Слава о царе Аре I, о его благородстве и красоте разнеслась далеко за пределы армянского государства. Недаром все, упоминавшие его имя, прибавляли к нему еще одно слово — «Прекрасный». Ара I Прекрасный — под таким именем он упоминается и в исторических летописях.

Слух о прекрасном царе достиг ушей могущественной царицы Семирамиды, правившей в Ниневии и Вавилоне[6].

— Той самой, чьи сады считаются одним из семи чудес света? — спросил Андрей Петрович.

Я кивнул головой и продолжал:

— Гордая царица воспылала страстью к Аре Прекрасному и предложила ему свою любовь. Гонцы, посланные царицей, принесли ответ, в котором армянский царь давал понять, что он не склонен отвечать царице взаимностью и отвергает ее притязания.

Оскорбительный для женщины и царицы ответ привел Семирамиду в ярость. Ослепленная ненавистью столь же сильно, как до того была ее любовь к дерзкому армянскому царю, она призвала своих военачальников и, не скрывая обуревавших ее чувств, приказала готовить войско к походу в Армению.

— Я накажу этого смазливого грубияна! — восклицала царица, судорожно ломая пальцы и бросая бешеные взгляды на почтительно склонившихся перед нею полководцев. — Он осмелился пренебречь моей благосклонностью! Он нанес мне

смертельное оскорбление! Мне, царице Семирамиде, перед которой трепещут цари и народы! Смерть ему! Вы слышите? Смерть!

Военачальники воздели руки кверху и повторили за своей повелительницей: «Смерть оскорбителю!»

Затем старший из полководцев преклонил колено и сказал:

— Твоя воля, царица, священна. Дозволь нам удалиться, чтобы собраться в путь.

Семирамида величественным жестом отпустила прославленных воинов.

— Идите, — еще прерывающимся от гнева голосом сказала она. — И берегитесь, если не исполните моего повеления! Мне нужна голова этого наглеца. Помните, от исхода войны зависит ваша жизнь и благосостояние!

Полководцы, устрашенные угрозой Семирамиды, поспешили удалиться.

Спустя несколько дней войско уже находилось в дороге.

Не знаю, как долго продолжался переход полчищ Семирамиды, но наконец они достигли долины реки Аракса и, словно огромный поток, заполнили ее пространство. Здесь их встретила армия армянского царя, оповещенного о приближении к границам его царства враждебных сил.

Во главе армянского войска стоял сам Ара I Прекрасный. Получив известие о том, что чужеземцы перестраиваются в боевой порядок, он взмахнул мечом, дав тем самым сигнал к началу сражения.

Закипела битва. Воины с ожесточением разили друг друга мечами, копьями, палицами. Звон оружия, воинственные возгласы, стоны, предсмертный хрип раненых — все смешалось в один непрерывный гул.

Ара I бесстрашно носился среди сражающихся, наводя ужас на вражеских воинов. Он, казалось, был неуязвим, а вокруг него образовывались горы трупов. Но силы были слишком неравны, и мужество царя армян не могло изменить конечного исхода битвы: войска Семирамиды превосходили противника численностью во много раз. Они все более теснили армянские ряды, подбадривая себя воинственными криками.

Вдруг Ара Прекрасный покачнулся в седле и схватился за горло. Из-под пальцев его показались алые капли крови. Вопль отчаяния вырвался из груди его воинов. Увидев, что царь их падает, сраженный стрелой, они дрогнули и обратились в бегство.

Торжествующие победители окружили умирающего армянского царя, тогда как передовые отряды продолжали сражение, преследуя отступавшего в панике противника.

Ара I Прекрасный был мертв. Битва выиграна. Повеление грозной Семирамиды выполнено.

С тех самых пор, гласит предание, гора, близ которой происходило сражение, получила наименование Арарат от словосочетания Арай-арат, означающего в переводе «гибель Ара».

— Когда же это случилось? — спросил Андрей Петрович.

— Описанное событие произошло в 1747 году до нашей эры.

— Давненько же это случилось, — задумчиво произнес Андрей Петрович. — И что же, можно считать объяснение ваше единственным и достоверным?

— Я этого не утверждаю, — возразил я. — Более того, у меня есть совершенно определенное мнение относительно происхождения названия Арарат, а легенду я рассказал как одну из возможных версий. Я полагаю…

— Простите, — вмешался Сергей Михайлович, — я в топонимике дилетант, поэтому могу сказать что-нибудь не так, но не кажется ли вам, что происхождение наименования Арарат позволительно объяснить с помощью семитических языков?

— Что вы имеете в виду?

— Мне припомнилось, — продолжал Сергей Михайлович, снимая очки и щурясь под яркими лучами солнца, — что на этих языках «ар» означало «высота», а удвоение слова по духу этих языков выражало усиление его значения. Иначе говоря, удвоение слова «ар» означало весьма большую высоту. Не отсюда ли возникло наименование Арарат?

— Вполне возможно, — согласился я. — Предположение ваше не лишено остроумия… Но… с моей точки зрения, вероятнее всего, название Арарат стоит в связи, я бы сказал в прямой связи, с древним государством Урарту, некогда существовавшим на территории, окружающей гору Арарат.

— Арарат — Урарту, Урарту — Арарат, — дважды повторил Андрей Петрович. — Что ж, пожалуй, последняя ваша версия звучит наиболее правдоподобно. Я удовлетворен, и теперь можно заняться выяснением причин появления других названий на географической карте. У меня припасено для вас еще несколько вопросов…

— Ну нет! Довольно на этот раз! — сказал я. — Давайте переменим тему и в оставшееся время поговорим о чем-нибудь другом.

— Хорошо, хорошо! — замахал руками Андрей Петрович. — Если вы утомились, сейчас я не стану вас больше мучить расспросами. А вечером…

— Вечером, пожалуй, — согласился я. — Впрочем, я могу вам предложить нечто иное…

— Любопытно, что же?

— Я захватил с собой в отпуск мою рукопись с несколькими рассказами на интересующую вас тему. Если хотите, я извлеку ее из чемодана и вручу вам для ознакомления. Вас это устроит?

— Что же вы сразу не сказали!

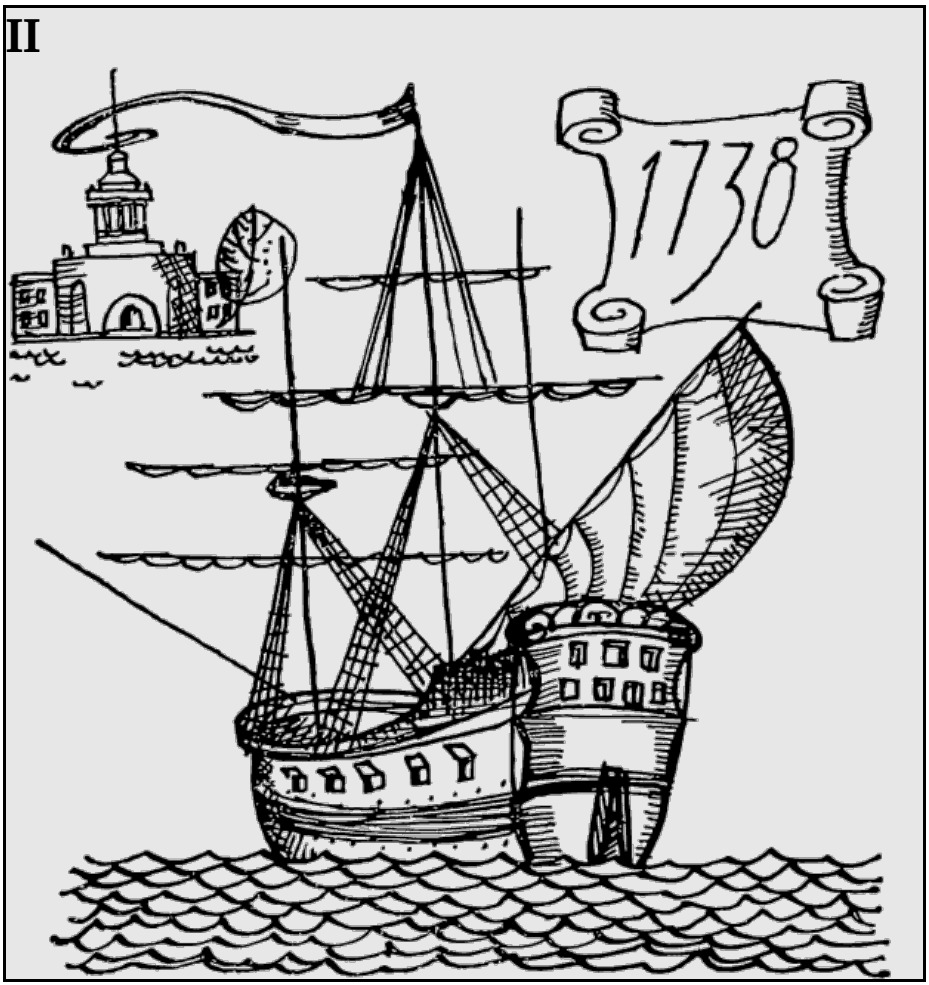
Обрадованный Андрей Петрович вскочил на ноги.

— Еще как устроит! Тотчас же по возвращении домой я у вас ее забираю. А теперь предлагаю искупаться в последний раз перед тем, как идти обедать.

Возвратившись с пляжа, я, как и обещал, вручил рукопись неотступно следовавшему за мной Андрею Петровичу, и он удалился в свою комнату.

С содержанием этой рукописи читатель ознакомится на последующих страницах.

II



Море Лаптевых

Санкт-Петербург. Февральское утро 1738 года.

В приемной президента Адмиралтейств-коллегии адмирала Николая Федоровича Головина людно.

Небольшими группами стоят или прохаживаются морские офицеры, чиновники в партикулярном платье, просители. Их голоса сливаются в ровный гул. Все в ожидании.

В стороне от толпы, прислонившись к колонне, стоит военный моряк средних лет. Лицо его, покрытое бронзовым загаром, задумчиво. Время от времени он оставляет облюбованную им позицию и делает несколько шагов к соседней колонне, бросая при этом нетерпеливые взгляды на высокие, замысловато инкрустированные двери адмиральского кабинета.

Назначенный ему для аудиенции час давно миновал, а президент Адмиралтейств-коллегии все не принимает. Идет, как разъяснил ему адъютант адмирала, какой-то важный консилиум[7].

Моряк меряет шагами пространство между двумя колоннами и в который раз уже мысленно повторяет то, что скажет адмиралу во время аудиенции.

Большие стенные часы размеренно отбивают бронзовым звоном двенадцать ударов. Полдень.

В ту же минуту двери президентского кабинета распахиваются и из него не спеша выходят участники консилиума. Впереди высшие морские чины, сановники, несколько позади следуют офицеры и чиновники рангом пониже.

Один из офицеров, вышедший в числе последних, кинул рассеянный взгляд по сторонам и, увидев одиноко прохаживающегося моряка, на мгновение остановился, а затем бросился к нему с распростертыми объятиями.

— Харитон! — чуть ли не кричит он, обращая на себя внимание всех присутствующих. — Ты ли это, друг мой?

— Брат?! Дмитрий?! — произносит тот, замирая на месте. Губы его сами собой расплываются в радостную улыбку, а руки тянутся навстречу рукам брата.

Они обнимаются и троекратно целуются. Потом, держа друг друга за плечи, долго смотрят один на другого, не говоря ни слова.

Но вот Дмитрий берет брата под руку, и они не спеша прогуливаются по залу, увлеченные беседой, не обращая внимания на окружающих.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает Дмитрий. — Почему

не на корабле?

— Жду аудиенции. Адмирал назначил мне явиться сегодня. Но обо мне потом. Расскажи лучше о себе. Как ты? Давно ли из дальних краев? Успешны ли дела? Здоров ли?

— Здоров, здоров! Как видишь! — весело отвечает Дмитрий, но тут же лицо его становится серьезным. — А насчет дел… рассказывать долго… но, если хочешь…

— Конечно, очень хочу. Ты даже не подозреваешь, как для меня это важно. — Харитон нетерпеливо и в то же время просительно заглядывает в лицо брату. — Говори же!

— Ну что ж, изволь.

Дмитрий снова улыбается и пожимает плечами. Ему хорошо знакома манера брата добиваться своего во что бы то ни стало. Еще в юности он имел неоднократно случаи в этом убедиться.

— Так с чего ж начать? Впрочем, лучше начну с самого начала! — Он заразительно смеется каламбуру, и Харитон вторит ему. — Итак, тебе, наверное, известно, что по первоначальной диспозиции капитан-командора Беринга мне надлежало находиться в его отряде, который направлялся к берегам Америки, или же принять участие в плавании Шпанберга в Японию…

— Да, ты об этом меня известил письмом.

— Помню, помню… Но потом все переменилось. Пока я по поручению капитан-командора вел суда с имуществом экспедиции по рекам Алдану, Мае и Юлдоме как можно ближе к Охотскому морю и возвращался обратно в Якутск, произошли события, которые совершенно переменили мою фортуну.

Отряд под командованием лейтенанта Ласиниуса, посланный в 1735 году для описи побережья Ледовитого моря от устья Лены на восток, вскоре оказался в тяжелом положении. Тридцать семь человек умерло от цинги, и одним из первых сам Ласиниус. После смерти Ласиниуса отряд возглавил штурман Ртищев, но капитан-командор Беринг, будучи извещен об этом, а также о том, что и Ртищев, и его подчиненные пребывают в весьма плачевном состоянии, приказал им возвращаться в Якутск и поручил мне командование новым отрядом, с тем чтобы я продолжил работы, начатые лейтенантом Ласиниусом, упокой господь его душу.

— О смерти Ласиниуса я уж наслышан, — перебивает рассказчика Харитон. — Весть о его гибели, а также о смерти капитан-лейтенанта Прончищева опечалила всех нас весьма.

— Вот как?! Так, может быть, тебе известны и все прочие обстоятельства и нет нужды их пересказывать?

— Нет, пожалуйста, продолжай, я слушаю тебя с величайшим вниманием, потому что никаких подробностей не знаю.

— В мое распоряжение был отдан тот же бот «Иркутск», на котором плавал отряд Ласиниуса, — продолжает повествование Дмитрий. — До зимовки, где находились остатки отряда покойного лейтенанта, я добрался только в середине 1736 года, предварительно послав им на помощь несколько человек во главе со штурманом Щербининым. На зимовке в живых они застали всего десять человек. Да и те были очень плохи.

Только 11 августа нам удалось выйти в море, взяв курс на северо-восток, но уже на третьи сутки бот попал в сплошные льды, преградившие ему дальнейший путь. Еще сутки мы пытались найти какой-нибудь проход, однако усилия наши оказались тщетными, а льды сжимали бот все сильнее, так что порой управлять им становилось невозможно.

Я созвал, согласно инструкции, консилиум, и все участники консилиума высказались за то, чтобы возвратиться на зимовку, поскольку проход от устья Лены к Колыме представлялся немыслимым.

С зимовки мной был направлен рапорт капитан-командору, где писано было о решении консилиума и запрашивались дальнейшие распоряжения.

И вот я в Петербурге.

Адмиралтейств-коллегия рассмотрела мои предрассуждения и не согласилась с ними. И адмирал Головин, и другие полагают, основываясь на исторических сведениях, что суда могут пройти морем от Лены до самой Камчатки, только для этого надлежит выбирать наиболее благоприятное время, когда льды отгоняет от берега к северу.

— И что же дальше? — спрашивает Харитон. — Ты получил новое назначение?

— Все остается так же, как и было, — спокойно отвечает Дмитрий. — Я вновь возвращаюсь в Якутск, а затем к устью Лены, чтобы продолжить попытки пройти морем или любым другим способом к Камчатке. Одним словом, работы будут продолжаться. Вот и все. А ты, Харитон? Поговорим о тебе. Где нынче проходит твоя служба? Вот уже несколько лет жизнь моя протекает вдали от Петербурга и Кронштадта, вдали от родных и близких. Я ровно ничего не знаю, ничего не слышал. Так где же ты служишь?

— Не знаю… Право, не знаю, что и ответить тебе, — смущенно произносит Харитон. — Все так неопределенно. Вот уже больше недели это длится…

— Не понимаю, что ты хочешь сказать?

— Но сегодня, я надеюсь, все должно решиться окончательно. Все зависит от аудиенции, которой я дожидаюсь с утра…

— Ты говоришь загадками, друг мой, — в недоумений

говорит Дмитрий. — Не томи, объясни, что с тобой стряслось…

— Да ничего особенного не произошло, Митя. Беспокоиться нет причин. Просто… получил назначение на придворную яхту командиром…

— Как? Тебя назначили командиром «Декроне»?

— Представь себе. Так вот, получив это назначение, я совершенно случайно узнал о том, что в отряды капитан-командора Беринга нужны морские офицеры…

— Ты, конечно, изъявил желание быть зачисленным туда, а не на яхту! — весело подхватывает Дмитрий. — Узнаю лаптевскую повадку! Ну и что же? Удалось тебе осуществить свое намерение?

— Я подал рапорт, в котором изложил свои соображения. В придворных кругах были крайне удивлены моим стремлением сменять службу на яхте на суровую и трудную жизнь в Сибири…

— Еще бы, — иронически замечает Дмитрий. — Им этого не понять. Ведь карьера делается не там, откуда я приехал, а здесь, при дворе государыни. А их, кроме карьеры, светских сплетен и пересудов, ничего больше в жизни не интересует.

— Как это верно, Митя, ты сказал! — с чувством говорит Харитон. — Я мыслю точно так же и полагаю, что там, во льдах северных, принесу больше пользы отечеству, нежели здесь, на придворной яхте.

— Нисколько в этом не сомневаюсь, брат, — горячо подхватывает Дмитрий и обнимает Харитона, а тот между тем продолжает:

— Сегодняшний разговор с адмиралом решит наконец мою судьбу. Если он соблаговолит дать свое милостивое согласие и удовлетворит мою просьбу, тогда…

— Тогда поедем вместе!

— Непременно!..

Громкий голос прерывает их беседу:

— Господин адмирал просит пожаловать господина Лаптева в кабинет!

— Это меня! Наконец-то! — чуть сиплым от волнения голосом произносит Харитон, одергивая форменный камзол. — Сейчас все должно решиться. Если ты не спешишь никуда, Митя, прошу тебя, дождись меня здесь. Наш разговор еще не окончен.

Просьба Харитона Лаптева была уважена, и вскоре он вместе с братом выехал в Якутск.

Случилось так, что их пути совпали не только до Якутска, но и до самого устья Лены. Дмитрию предстояло возобновить обследование и описание берегов Северного Ледовитого океана

на восток от устья этой реки, а Харитона назначили начальником отряда, который должен был произвести опись берегов океана к западу от Лены. Харитон Лаптев оказался преемником погибшего Прончищева и продолжателем его дела.

19 июля 1739 года дубель-шлюпка[8] «Якутск», на которой находился отряд Харитона Лаптева, вышла из устья Лены на просторы Северного Ледовитого океана и взяла курс на запад.

Через месяц, с огромным трудом преодолевая сопротивление льдов, которое изо дня в день становилось все более упорным, дубель-шлюпка сумела достигнуть мыса Фаддея на полуострове Таймыр. Далее на запад простирались неподвижные ледяные поля, непроходимые до самого горизонта. Не оставалось ничего иного, как повернуть обратно и, выбрав подходящее место, зазимовать. Выбор места для зимовки пал на зимовье нескольких семей безоленных эвенков, находившееся на реке Хатанге при впадении в нее притока — речки Блудной.

На следующий год, как только Хатанга очистилась ото льда, дубель-шлюпка «Якутск» снова отправилась в плавание вдоль берегов полуострова Таймыр. Но и на этот раз ледяные поля стали преградой, которую отважные исследователи не в силах были преодолеть, несмотря на все их упорство и настойчивость.

Сплошные льды без конца и края тянулись от берега на северо-запад. В надежде найти между ними проход Харитон Лаптев повел шлюпку вдоль кромки льдов, и вскоре судно очутилось в западне. Ледяные громады окружили со всех сторон хрупкое суденышко, сжимая его в своих холодных объятиях.

Не теряя присутствия духа, командир отряда отдавал распоряжения, зорко наблюдая за маневрами дубель-шлюпки. Но люди бессильны были противостоять стихии. Судьба судна была решена.

Не помогла и его разгрузка, и, когда Харитон Лаптев удостоверился окончательно в невозможности спасти «Якутск», он приказал покинуть дубель-шлюпку и двигаться по льдам к берегу, захватив часть груза, в первую очередь продовольствие.

Около двух недель члены отряда переносили грузы на берег, где была наскоро выстроена землянка, а спустя еще некоторое время отряд двинулся к зимовке на реке Блудной.

Здесь Харитон Лаптев созвал консилиум, в котором приняли участие его ближайшие помощники: штурман Челюскин, геодезист Чекин и боцманмат[9] Медведев. Командир отряда высказал мнение, сославшись на опыт своего предшественника Прончищева, а также на свой двухлетний опыт, что производить опись побережья полуострова Таймыр с моря невозможно, а поэтому надлежит осуществлять обследование только с суши.

Консилиум согласился с мнением Харитона Лаптева, после чего командир отряда составил рапорт в Адмиралтейств-коллегию и отправил его с матросом Козьмой Суторминым.

Адмиралтейств-коллегия рассмотрела рапорт и разрешила производить опись с суши.

Последующие два года, 1741 и 1742, сухопутные партии Чекина, Челюскина и Харитона Лаптева обследовали и описали побережье полуострова Таймыр вплоть до устья реки Енисея. А в сентябре 1743 года Харитон Лаптев представил в Адмиралтейств-коллегию полный отчет о проделанной работе на одном из самых трудных участков побережья Северного Ледовитого океана.

В том же году возвратился в Петербург и Дмитрий Лаптев, которому удалось пройти морем на восток от Лены до устья реки Колымы и далее до мыса Большой Баранов. Дальше судно не смогло проникнуть: не пустили льды.

Завершив опись на этом участке морского берега, Дмитрий Лаптев, видя невозможность достижения Камчатки морским путем, решил добраться по сухопутью до острога, построенного в свое время казаками на реке Анадыри, а оттуда спуститься по этой реке до побережья Охотского моря.

Это намерение ему удалось осуществить, после чего работу свою он мог считать завершенной.

Четыре года отряды Харитона и Дмитрия Лаптевых штурмовали суровую природу арктического Севера, неуклонно продвигаясь вперед намеченным путем по морю и по суше, планомерно описывая и нанося на карту берега Северного Ледовитого океана от устья Енисея и до мыса Большой Баранов, что находится к востоку от устья реки Колымы.

Имена участников Великой Северной экспедиции[10], двоюродных братьев Харитона Прокофьевича и Дмитрия Яковлевича Лаптевых по предложению известного русского ученого Ю. М. Шокальского были увековечены в названии моря, берега которого они с такой тщательностью и самоотверженностью описали и положили на карту.

И не только море ныне носит их имя. Если повнимательнее приглядеться к географической карте в районе их исследований, нетрудно обнаружить другие названия, связанные с именами этих смелых людей.

На полуострове Таймыр вы найдете берег Харитона Лаптева и мыс Харитона Лаптева, а пролив, соединяющий море Лаптевых с Восточно-Сибирским морем, самый ближний к материку, носит имя Дмитрия Лаптева. Перечень можно было бы продолжить, но и приведенных примеров вполне достаточно.

Пролив или залив?

Серый, пасмурный день. Небо обложено тучами. Моросит дождь, выбивая беспорядочную дробь по одежде моряков и с тихим шелестом сливаясь с морской поверхностью.

Вельбот и две шлюпки медленно пробираются между многочисленными мелями и банками. Справа и слева сквозь густую завесу из дождевых капель вырисовываются неопределенными, расплывчатыми силуэтами берега. Они то появляются, то исчезают в отдалении. Размеренно скрипят весла в уключинах, с легкими всплесками опускаясь в воду.

На кормовой банке вельбота капитан-лейтенант Невельской и мичман Гроте. Не спуская глаз с водной поверхности, капитан-лейтенант дает команды рулевому и ведет разговор с молодым офицером.

— Посмотрите, Геннадий Иванович, — говорит мичман, — как тесно сходятся впереди берега. Они вот-вот совершенно сомкнутся. И эти мели, которым нет ни конца, ни края… Разве все это не свидетельствует о том, что Сахалин соединен с материком?..

— Не спешите с выводами, мичман, не спешите. Еще немного терпения, и, если ваше предположение верно, оно подтвердится в самом скором времени — мы недалеки от цели.

— Никак не возьму в толк, Геннадий Иванович, для чего вы затеяли все это? Стоит ли тратить время на бесплодные поиски. Ведь главное уже сделано: доказано, что лиман Амура судоходен, что в него могут входить морские суда достаточно большой осадки…

— Мой юный друг, — в голосе Невельского слышится ласковая усмешка, — я счастлив, что нам удалось сделать столь важное для нашей страны открытие, но согласитесь со мной, что этого могло и не быть, если бы мы с вами не проявили должной настойчивости и упорства…

— О да! — пылко восклицает мичман.

— А теперь предположите на мгновение, что, посадив наш «Байкал» на мель один раз, другой, мы отказались бы от дальнейших попыток проникнуть в лиман и повернули обратно. Что тогда? Не трудитесь, я сам отвечу на поставленный вопрос… Мы бы уподобились нашим предшественникам, свидетельства которых (теперь мы можем уже смело утверждать — ошибочные) побудили в свое время государя-императора начертать на рапорте правителя Российско-Американской компании Фердинанда Петровича Врангеля резолюцию… Вы знаете, мичман, ее

содержание?

— Насколько мне известно, его величество написал следующее: «Весьма сожалею, вопрос об Амуре, как реке бесполезной, оставить».

— Слово в слово, любезный друг. И все лишь потому, что в рапорте утверждалось, будто устье Амура доступно только для мелкосидящих шлюпок. Каково?!

— Но, Геннадий Иванович…

— Нет, нет, не возражайте, мичман, я заранее предвижу, что вы скажете. Вы будете сейчас ссылаться на Лаперуза, Браутона, наконец, на Крузенштерна, что вот, мол, они пытались…

— Вы угадали, именно об этом я и хотел сказать…

— Да, да, разумеется, — все с большим воодушевлением продолжает Невельской, слегка при этом заикаясь. — Но посудите сами, мичман, разве теперь, после того как мы исследовали лиман и нижнее течение Амура, можно говорить, что они доступны лишь для мелкосидящих шлюпок? Кому-кому, а нам с вами хорошо известно, что имеется широкий фарватер глубиной двадцать девять футов[11]. И этот фарватер обнаружили вы, мичман Гроте! А устье Амура, разведанное Петром Васильевичем Казакевичем?! Ведь ширина его, по нашим предварительным подсчетам, составляет около девяти миль, а глубины там вполне достаточны для того, чтобы принимать стопушечные корабли!

— Все это так, Геннадий Иванович, и у меня не хватает слов для того, чтобы выразить радость по случаю такого нашего успеха. Но позволю все же заметить, что о невозможности прохода между Сахалином и материком утверждают такие авторитеты, с свидетельствами которых невозможно не считаться…

— Позволю в свою очередь напомнить вам, мичман, — невозмутимо говорит Невельской, — что я чрезвычайно уважаю Ивана Федоровича Крузенштерна, имя которого весьма прославлено не только у нас в России, но и в Европе. Его авторитет для меня очень высок. Вот, если угодно, его доподлинные слова, имеющие касательство к обсуждаемому нами вопросу: «Испытания, учиненные нами, не оставляют сомнения, что Сахалин есть полуостров, соединяющийся с Татарией перешейком…» И тем не менее я продолжаю поиски и не успокоюсь, пока не удостоверюсь собственными глазами, что это действительно так!

— Против этого трудно что-либо возразить, — соглашается мичман.

Потом он некоторое время молчит, и на лице его отражается

усиленная работа мысли. Вдруг он хлопает себя по лбу и восклицает:

— А, вспомнил!

— Что это, позвольте полюбопытствовать?

— «Великая река… великая река Амур, гористая и лесистая…» — как это дальше?.. Да… — «Великая река Амур, гористая и лесистая, впала одним своим устьем, и против того устья есть остров великой…» — мичман удовлетворенно улыбается. — Это из записок Спафария, который приводит свидетельство наших землепроходцев. Речь ведь идет здесь о Сахалине, насколько я понимаю.

— У вас превосходная память, мой друг, — одобрительно произносит Невельской. — Такой памяти можно позавидовать. Вы правы. Действительно, я придаю этой заметке почтенного Спафария немаловажное значение. Заметьте, мичман, у него сказано: «…остров великой». Не полуостров, а остров! — Капитан-лейтенант подчеркивает последние слова особо. — Следственно, если остров, тогда не залив, а пролив Татарский!

— Я понимаю, что с этим обстоятельством нельзя не считаться, — соглашается мичман, — но… впрочем, нет смысла возражать, лучше проверить на деле, правильно ли это сообщение. Подождем. А пока мне бы очень хотелось услышать ваше мнение. Я давно уже собирался вас спросить, да все как-то не приходилось к слову.

— Спрашивайте, мичман, охотно вам отвечу, если смогу.

— Скажите, Геннадий Иванович, что вы полагаете о названии Татарский? Какими судьбами оно появилось здесь, на самом краю земли нашей?

— Точно ответить на ваш вопрос затрудняюсь, сударь, могу лишь высказать некоторые предположения. Причем самые скромные. Я полагаю… — он внезапно прерывает начатую фразу и спрашивает: — Какова глубина?

— Двенадцать сажен[12], Геннадий Иванович, — отвечает мичман.

— Вот видите, мичман, — торжествующе говорит Невельской. — Двенадцать сажен! И это, обратите внимание, в малую воду! А ведь мы, по моим расчетам, уже недалеки от косы песчаной, соединяющей, по свидетельству Браутона, Сахалин с материком!

— Но это пока еще ничего не доказывает, Геннадий Иванович. Здесь глубоко, а дальше снова пойдут мели, и мы упремся в перешеек.

— Экий вы, однако, Фома неверный, мичман. — В голосе Невельского слышится нотка досады. — Конечно, все может быть.

Так на чем мы с вами прервали разговор? Да, о названии Татарский… Гм-гм… Ну-с, попытаюсь объяснить, как я понимаю… гм-гм… По-моему, здесь нет ничего особенно мудреного… Вы карты небось смотрели не раз, те карты, на которых показаны здешние места?

— Как можно иначе! — пожимает плечами молодой офицер. — Это моя обязанность!

— А коли так, должны были заметить, что на многих из них восточные окраины наши именуются Тартарией или Татарией, где как.

— И вы полагаете?..

— Да, имею смелость высказать догадку, что отсюда и залив…

— А может быть, пролив?! — весело подхватывает мичман.

— А может быть, пролив, — соглашается Невельской, — имя свое приобрел. — Белые ровные зубы Геннадия Ивановича обнажаются в улыбке. Он пристально всматривается вперед и вдруг командует матросам:

— Шабаш, ребята! Суши весла!

Матросы перестают грести.

Отдав распоряжение, Невельской глубоко вздыхает, словно с его сердца свалился непосильный груз. Голос его звенит от возбуждения:

— Смотрите, мичман, смотрите! Вот вам и перешеек! Где он?! Это же пролив! Самый настоящий пролив! Нет, вы только полюбуйтесь, какое широкое горло! На глаз миль этак… э-э-э… Сколько, вы полагаете, будет здесь ширина, мичман?

— Пожалуй, миль пять…

— Недурно, мичман, недурно, — чрезвычайно довольный, говорит Невельской. — Мне кажется, глазомер вас не подвел. Я бы назвал точно такую же величину. Что ж, ширина для пролива вполне достаточная, чтобы по нему могли пройти любые суда… Как вы думаете, друг мой?

— Какова-то будет еще глубина, Геннадий Иванович…

— Сейчас узнаем, мичман, сейчас узнаем, — радуясь, как ребенок, нараспев произносит капитан-лейтенант. — Послушаем, каков очередной замер.

— Шесть сажен, — доносится монотонный голос лотового, — шесть с четвертью…

— Что скажете на это, сударь? Вот вам и второй фарватер из Амурского лимана! Проход для кораблей есть! И на север, и на юг!

В избытке чувств Невельской обнимает за плечи молодого офицера.

— Вы не представляете, мичман, как я бесконечно счастлив! Сбылись мои надежды! Это все-таки пролив, а не залив, и притом пролив судоходный! Теперь следует как можно быстрее возвращаться на «Байкал»…

— Позвольте, Геннадий Иванович, разве мы дальше на юг не пойдем?

— Зачем? В этом нет никакой необходимости.

— Да, но, может быть, южнее как раз и находится песчаная коса, соединяющая Сахалин с материком?

— Этого как раз быть и не может, мичман, потому что мы уже сейчас находимся примерно на той широте, до которой доходили Лаперуз и Браутон с юга, а следовательно…

— А следовательно, — восторженно подхватывает молодой офицер, — пролив судоходен на всем своем протяжении. Я вас понял, Геннадий Иванович!.. Какой блестящий успех! Надо поспешить в Аян, известить об этом важном открытии генерал-губернатора! Для него это будет совершеннейшей, приятной неожиданностью…

— Так же как и для Петербурга. Вы тысячу раз правы. Подобное известие не терпит никакого промедления. Думаю, мне нет надобности объяснять вам, мичман, насколько важны добытые нами сведения для России?

— Я вполне понимаю, Геннадий Иванович, вполне. И я счастлив вдвойне, потому что теперь никто не взыщет с вас за то, что вы нарушили приказ и отправились в плавание, не дожидаясь официальной инструкции. Ведь победителей не судят?!

— Милый мой друг, — растроганно говорит Невельской, пожимая руку мичману. — Спасибо на добром слове. Но скажу вам откровенно, что меня это обстоятельство меньше всего тревожит. Я уверен, что генерал-губернатор Муравьев поймет меня правильно и не осудит за проявленную нами инициативу. Ведь я поступил так, руководствуясь исключительно интересами дела.

— Кто может усомниться в этом, Геннадий Иванович?

— Вот и прекрасно. А теперь лево руля, ложись на обратный курс. Возвращаемся на «Байкал»! — Капитан-лейтенант улыбается и громким голосом командует матросам:

— Веселей навались, ребята!

Порт Аян на Охотском море. Дом начальника порта. В одной из комнат, окна которой выходят на море, удобно расположившись в креслах, сидят генерал-губернатор Восточной Сибири Николай Николаевич Муравьев и хозяин дома.

У Муравьева расстроенное выражение лица. Он говорит

своему собеседнику:

— Никак не могу смириться с мыслью, что такой опытный морской офицер, как Невельской, мог погубить судно. Совершенно не укладывается в моей голове.

— Так выходит, по слухам, ваше превосходительство, — почтительно отвечает начальник порта. — Местные жители, у которых мы торгуем меха, принесли эту печальную весть. По их словам, «Байкал» разбился на камнях перед входом в лиман.

— А может быть, они того… — Муравьев делает жест пальцами, выражая тем самым сомнение в правдоподобности принесенных известий.

— Затрудняюсь утверждать, Николай Николаевич, — пожимает плечами хозяин дома. — Они клянутся мне, что видели обломки корабля собственными глазами. У меня нет оснований им не доверять, но тем не менее я послал для удостоверения своего служащего. Я жду его возвращения со дня на день, и тогда мы будем знать наверное…

— Ах, Невельской, Невельской, — сокрушенно качает головой Муравьев. — Не хочется верить… Впрочем, довольно об этом. Поговорим о дальнейшей вашей службе на Камчатке…

Его речь прерывает появление адъютанта — молодого человека лет двадцати трех — двадцати пяти, чем-то чрезвычайно взволнованного. Генерал-губернатор с недоумением поднимает брови:

— Что случилось, штабс-капитан?

— Ваше превосходительство… Николай Николаевич… Виноват, что побеспокоил вас… но… в море показался корабль!..

— Какой корабль? — Муравьев с сомнением смотрит на начальника порта. — Василий Степанович, разве вы ждете в это время в Аян какое-либо судно?

— Нет, ваше превосходительство.

— В таком случае что бы это могло быть? — Генерал-губернатор переводит взгляд с хозяина дома на адъютанта, лицо которого светится надеждой. — Под каким флагом корабль?

— Флаг андреевский, Николай Николаевич, — радостно отвечает адъютант.

— Вот оно что. Андреевский, говорите вы? Неужели «Байкал»? Значит, он не погиб?

— Не сомневаюсь, это «Байкал», ваше превосходительство, — возбужденно подтверждает адъютант и протягивает генерал-губернатору подзорную трубу. — Взгляните, Николай Николаевич, и удостоверьтесь сами…

Муравьев стремительно подходит к окну и нетерпеливым движением распахивает его.

— Конечно… вы правы, штабс-капитан… это несомненно «Байкал». Вот и надпись… Славно… Значит, слухи были ложными…

Он отворачивается от окна, возвращает подзорную трубу адъютанту и повелительно произносит:

— Немедленно вельбот! Я еду навстречу Невельскому!..

— Вельбот уже подан, Николай Николаевич.

— Благодарю. Вы образец предусмотрительности и исполнительности, штабс-капитан. Поспешим же к «Байкалу».

Слышен плеск воды под веслами и скрип уключин. Затем команда: «Суши весла!» — и легкий стук вельбота о борт корабля.

Муравьев поднимается на палубу, где для его встречи выстроена команда судна.

— Нет, нет, рапорта не нужно, дорогой Геннадий Иванович, — добродушно говорит он, подходя к Невельскому и протягивая руки. — Позвольте мне вас обнять от всей души и порадоваться, видя вас в полном здравии и благополучии. Мне так не терпелось это сделать, что я не стал дожидаться на берегу и явился к вам на «Байкал», которого уже не чаял больше увидеть.

— Очень тронут вашим вниманием, Николай Николаевич, и готов незамедлительно представить вам полный отчет о плавании и добытых нами результатах.

— Я сгораю от нетерпения как можно скорее ознакомиться со всеми документами, но прежде скажите, Геннадий Иванович, успешными ли были ваши поиски?

— Более чем успешными, ваше превосходительство, — с воодушевлением отвечает Невельской, начиная, как всегда в таких случаях, слегка заикаться. — Мы исследовали вход в Амурский лиман и осмотрели устье реки. С севера мичман Гроте обнаружил глубокий фарватер. Позвольте вам представить, ваше превосходительство, этого способного офицера…

— Охотно, — улыбаясь, говорит Муравьев, — охотно позволяю. Рад с вами познакомиться, господин Гроте. Вы отлично исполняете службу.

— Благодарю, ваше превосходительство, — с легким поклоном отвечает польщенный мичман. — Служить под начальством капитан-лейтенанта Невельского для меня большая честь.

— Полно, полно, мичман, — морщится Невельской. — Рекомендую вам, Николай Николаевич, старшего офицера Казакевича, который обследовал нижнее течение реки с большим тщанием…

— Я много наслышан о вас как об опытном морском офицере,

господин Казакевич.

— Мне лестно об этом узнать, ваше превосходительство.

— Таким образом, — продолжает Невельской свой рассказ, — мы удостоверились в том, что Амурский лиман судоходен и с севера в него могут свободно заходить корабли…

— И вы, конечно, сделали подробную опись и составили карты? — перебивает его генерал-губернатор.

— Опись и карты находятся в моей каюте вместе с судовым журналом, и вы, Николай Николаевич, можете немедленно с ними ознакомиться.

— Нет, нет, это я сделаю несколько позже, а сейчас я прошу вас продолжать, если, разумеется, ваше повествование имеет, как я догадываюсь, продолжение…

Невельской широко улыбается.

— Ваше превосходительство не ошиблись. Это еще не все. Чтобы завершить дело, оставалось проверить, есть ли из лимана выход на юг, иначе говоря, удостовериться в том, полуостров ли Сахалин или остров…

— И что же? — В голосе генерал-губернатора сквозит явное нетерпение.

— Николай Николаевич! — торжественно говорит Невельской. — Результаты наших поисков превзошли все мои ожидания. Нам удалось установить, что Сахалин — остров! Теперь это несомненный факт! Между ним и материком существует пролив, самая узкая часть которого никак не менее четырех-пяти миль, а глубина даже при малой воде достигает шести сажен и более.

— Это же превосходно, дорогой Геннадий Иванович! Это просто невероятно! — заражается энтузиазмом Невельского Муравьев. — По вашим сведениям, выходит, что в Амур корабли смогут входить не только со стороны Охотского моря, а и со стороны Японского!

— Совершеннейшая истина, ваше превосходительство!

— Да это же открытие первостепенной важности, Геннадий Иванович! И какие необозримые выгоды сулит оно России!

Генерал-губернатор берет под руку Невельского и прогуливается с ним по палубе. — Я тщательно ознакомлюсь с описью и картами, после чего намереваюсь известить о результатах ваших обследований Петербург. Прошу вас, Геннадий Иванович, подготовить обстоятельный рапорт и вручить его мне с прочими документами.

— Рапорт уже написан, Николай Николаевич, и после вашего просмотра может быть отправлен в любое время.

— Тем лучше, друг мой, тем лучше. Я очень, очень рад

успешному завершению вашего плавания. Итак, до вечера. Жду вас и всех ваших офицеров на берегу, где мы отпразднуем ваше благополучное возвращение. Захватите непременно все документы. До вечера! — Он делает знак сопровождающим его лицам и направляется к трапу.

Описанные выше события происходили в 1849 году.

Открытая Невельским самая узкая часть Татарского пролива, ширина которой составляла 7,4 километра, впоследствии получила наименование пролива Невельского.

Объяснение, данное Геннадием Ивановичем Невельским в разговоре с мичманом по поводу происхождения названия Татарского пролива, следует считать пока что единственно вероятным. Действительно, прежде на картах наши дальневосточные территории обозначались словом «Татария» или «Тартария». Возможно, это наименование возникло в связи с тем, что жителей Сахалина и противолежащего побережья материка в прошлом называли татарами, относя к ним все народности, населяющие те места.

Благодать

С Иваном Фомичом я познакомился в гостинице «Большой Урал» в Свердловске, куда меня забросила моя кочевая жизнь изыскателя. Волей судеб мы оказались на несколько дней соседями по небольшому двухместному номеру и, как часто бывает в таких случаях, познакомившись, довольно скоро нашли общий язык.

Нашему сближению способствовали два обстоятельства. Как выяснилось при первом же разговоре, Иван Фомич подобно мне принадлежал к беспокойному племени географов (он уже много лет учительствовал в старинном уральском городе металлургов Нижнем Тагиле, откуда приехал в Свердловск на областное совещание школьных работников). Кроме того, оба мы были не прочь покоротать время за шахматной доской.

Шахматные баталии наши проходили с переменным успехом и время от времени перемежались разговорами на самые разнообразные темы, по преимуществу, конечно, географические.

О чем мы только не говорили, о чем не спорили в долгие зимние вечера! И больше всего меня восхищало в Иване Фомиче то, с каким пылом и поистине юношеским энтузиазмом он отдавался беседе. А ведь ему было уже за шестьдесят. Сколько гордости и нежности, именно нежности звучало в его голосе, когда он говорил о своих родных местах. Иван Фомич был коренным уральцем, большую часть своей жизни провел в Нижнем Тагиле и с полным на то основанием считал себя знатоком ближних и дальних окрестностей своего города, которые исходил буквально вдоль и поперек.

А сколько исторических сведений и преданий уральской старины хранила его память! Каждый вечер я только диву давался, откуда все это берется, и в конце концов стал в шутку называть моего знакомца ходячей уральской энциклопедией.

В ответ он только пожимал плечами и добродушно посмеивался, как бы говоря: отдавать свои знания и опыт — мой долг и моя радость, чему же вы удивляетесь?

Должен признаться, что с первого же дня нашего совместного жительства я стал самым беззастенчивым образом пользоваться безотказностью моего собеседника и засыпал его всевозможными вопросами, представлявшими для меня непосредственный интерес.

Так было и в тот вечер, о котором я намерен рассказать особо.

Начался он, как обычно, с шахмат. Мы сыграли две или три

партии, надымили в комнате нещадно, и я поднялся, чтобы приоткрыть форточку.

С улицы на меня пахнуло свежим морозным воздухом; я глотнул его, как глотает воду истомленный жаждой странник, блаженно потянулся и удовлетворенно произнес:

— Благодать-то какая! А мы с вами, Иван Фомич, чахнем в табачном дыму и сознательно лишаем себя этакой прелести.

Иван Фомич тоже подошел к окну, молча постоял несколько секунд, подставив лицо живительной струе, и возвратился к столу, приглашая меня последовать за ним.

— А знаете ли вы, мой юный коллега (Иван Фомич с высоты своего возраста относил меня к категории молодых, хотя мне уже перевалило за четвертый десяток), — он хитро прищурился, — что, не ведая того, ваши уста произнесли слова в некотором роде исторические?

Я недоуменно взглянул на него:

— Какие слова?

— Да вот вы только что изволили воскликнуть: «Благодать-то какая!»

— Ох, Иван Фомич, — погрозил я ему пальцем. — Опять вы меня интригуете.

Однако я тут же насторожился, так как сообразил, что вслед за неожиданным замечанием моего собеседника должна последовать какая-то история, под стать тем, которыми он вот уже несколько дней потчевал меня, к нашему обоюдному удовольствию.

— Ишь ты, значит, заинтриговал? — с довольным видом рассмеялся старик. — Ну, коли так, не буду вас мучить и сразу же задам вопрос: что вы знаете о горе Благодать?

— Очень мало, — ответил я, начиная смутно догадываться, о чем пойдет речь, и в то же время стараясь воскресить в памяти скудные сведения, известные мне о предмете возникшего разговора. — Если не считать того, что эта гора издавна богата железными рудами, высота ее как будто триста пятьдесят метров или что-то в этом роде. Открыты были в ней месторождения магнитного железняка в первой половине восемнадцатого столетия, во времена царствования императрицы Анны Иоанновны, почему, собственно, и получила гора такое название, так как Анна в переводе с древнееврейского означает «благодать».

Вот, пожалуй, и все, что мне известно. К этому можно еще добавить, что содержание железа в руде весьма высокое — от пятидесяти до шестидесяти процентов — и вокруг этого месторождения возникла целая группа металлургических заводов…

— Э, батенька, — откровенно расхохотался Иван Фомич, — или вы скромник необыкновенный, или законченный лицемер. И это вы называете очень мало? Да мне, собственно, и добавить почти что нечего к тому, что вы сообщили.

— Так уж и нечего, — в тон ему ответил я, заметив лукавые искорки в глазах старого учителя. — Сознайтесь, что просто вам захотелось перещеголять меня в скромности или, если вам так больше нравится, в лицемерии.

Иван Фомич снова разразился смехом:

— Не находите ли вы, коллега, что мы расточаем друг другу слишком много комплиментов и отвлекаемся от темы нашего разговора? — Лицо его стало серьезным. — Шутки в сторону, однако. Должен вам заметить, что я действительно не покривил душой, когда сказал, будто мне почти нечего добавить к тому, о чем вы рассказали…

— Но ваше «почти» звучит так многозначительно, — перебил я его.

— Вы так думаете? — с наигранным простодушием откликнулся Иван Фомич.

— Не только думаю, но глубоко в этом убежден. Не томите меня, Иван Фомич, и выкладывайте вашу историю. Небось самому не терпится ее рассказать.

— Придется, ничего не поделаешь, сам напросился, — как бы сдаваясь на мои уговоры, согласился старик, всем своим видом показывая, что он делает мне величайшее одолжение.

Ему отлично было известно, с каким исключительным интересом я отношусь ко всему, что касается происхождения географических наименований, и он всякий раз подшучивал надо мной.

— Извольте, поговорим о Благодати, коли вам так приспичило… Итак, вы утверждаете, что название свое гора получила в честь императрицы Анны Иоанновны?

— Ничего подобного, — горячо возразил я, — я ровным счетом ничего не утверждаю, а просто повторяю общеизвестные факты, почерпнутые мной из литературных источников.

— Факты! Источники! — ворчливо повторил Иван Фомич. — А где они, эти ваши факты и источники? Мимолетные упоминания в каком-нибудь справочнике или энциклопедии? Предположения, построенные на весьма зыбкой почве? Вот и все ваши факты и источники!

— Позвольте… — заикнулся было я.

— Нет, батенька, не позволю! — вошел в азарт старый учитель. — Сначала извольте выслушать до конца, коли уж сами напросились, а потом, если сочтете возможным, возражайте себе

на здоровье.

Я покорно склонил голову, по опыту зная, что в запальчивости Иван Фомич может обидеться, и тогда пиши пропало, не слыхать мне этой истории, которая, я почему-то был в этом уверен, обещала быть весьма интересной.

— Сказать по правде, — задумчиво продолжал Иван Фомич, — я большую веру придаю различным сказам, которые бытуют в народе и передаются из поколения в поколение… Об одном из них, толкующем происхождение названия горы Благодать, я и хочу вам рассказать.

Дело это давнее, восходит, как вы справедливо заметили, ко временам царствования Анны Иоанновны; иные сказители даже год называют — одна тысяча семьсот тридцать пятый.

Итак, приглашаю вас мысленно перенестись в восемнадцатое столетие. Время действия, как говорят драматурги, 1735 год, место действия — Уральские горы, истоки реки Туры.

…Сквозь лесные заросли пробирается человек. Он один. Вокруг шумят, колеблемые ветром, вековые деревья. Они мерно раскачиваются, поскрипывая и шевеля мохнатыми ветвями. Воздух напоен пряным ароматом хвои.

Человек идет быстро, зорко посматривая вокруг и ловя привычным слухом знакомые лесные шорохи и звуки. Но вот шаг его несколько замедляется: начинается подъем в гору. Все выше и выше взбирается он; деревья становятся реже, и в просветах между ними мелькают силуэты облесенных соседних гор — скоро вершина.

Внезапно человек останавливается, приседает на корточки и начинает внимательно что-то рассматривать.

Перед ним голая каменистая земля, усеянная многочисленными осколками горной породы. Он берет поочередно эти осколки в руки, тщательно их разглядывает, покачивая головой и цокая языком, пробует на зуб и снова разглядывает. И так много раз.

Удовлетворенный наконец результатами осмотра, он распрямляется и продолжает путь, время от времени снова наклоняясь и подбирая обломки породы. Покачивание головой и цоканье языком повторяются всякий раз.

Обойдя довольно большой участок, человек на минуту застывает на месте, обводит загоревшимся взглядом склоны горы и громко восклицает: «Благодать-то какая!» Потом, как будто что-то вспомнив, бросается бегом вниз по склону горы, с шумом продираясь сквозь кустарник. Трещит под ногами сухой валежник, вспархивают испуганные неожиданным шумом птицы.

Человек спешит. Скорее, скорее сообщить о находке, пока никто его не опередил. Скорее, скорее, и тогда он, вогул[13] Степан, будет щедро награжден русскими хозяевами огнедышащих железоделательных заводов, получит много припасов, а может быть, и деньги.

Слух об удаче Степана, обнаружившего прямо на поверхности ничем дотоле не примечательной горы несметные залежи железной руды, с невероятной быстротой разнесся среди рабочего люда и окрестных жителей — его соплеменников. Слова Степана «благодать-то какая» передавались из уст в уста. Одни произносили их с удивлением, другие — с завистью, третьи — с затаенной злобой.

И уже некоторое время спустя никто иначе и не называл гору, как Благодать.

Но, увы, не довелось Степану попользоваться плодами своей удачи. Участь его была решена.

Шаманы, затаившие лютую злобу на русских пришельцев, подорвавших их влияние на собратьев по племени, лишивших их почти неограниченной власти над умами и имуществом вогулов, не пожелали примириться с этим. И они решили избрать своей жертвой Степана, обвинив его в кощунственном преступлении перед богами.

Посланные шаманов подстерегли ничего не подозревавшего счастливца, когда он возвращался с охоты, схватили его и привели в селение, где все уже было приготовлено для свершения обряда жертвоприношения.

Напрасно Степан, догадавшийся сразу же о грозившей ему участи, молил о пощаде, увещевая своих палачей сжалиться над ним. Шаманы оставались глухи к его просьбам. В ответ он слышал одни и те же слова: «Ты разгневал богов, рассказав русам об открытых тобою богатствах. Эти богатства боги предназначали нам. Ты предал богов и нас и потому должен умереть».

Тщетно пытался Степан объяснить своим соплеменникам, что он ничем не провинился перед ними, сообщив пришельцам о находке. Его речи заглушались воплями и заклинаниями шаманов, которые призывали шайтанов обрушить гнев на нечестивца; вогулы то замирали в суеверном ужасе, то подхватывали крики шаманов. Они плотной стеной окружили костер, около которого лежал связанный по рукам и ногам Степан…

А шаманы все вертелись и вертелись вокруг костра, издавая крики и творя заклинания. Но вот один из них подскочил к пленнику. На миг в багровых отблесках пламени сверкнуло лезвие ножа и вонзилось в грудь ни в чем не повинной жертвы.

Убийца издал торжествующий вопль, два других шамана подхватили его, продолжая кружиться вокруг костра в каком-то диком танце, неистово размахивая руками и делая невероятные скачки.

Толпа безмолвствовала в благоговейном страхе…

— Какое варварство, — передернул я плечами.

— Служители культа во все времена были беспощадны к тем, кто становился на их пути, — философски заметил Иван Фомич.

— Да, — согласился я, — не вижу большой разницы между этими шаманами и современными деятелями из всевозможных религиозных сект… До чего же жаль беднягу, погиб ни за что ни про что.

— Что и говорить, бессмысленная гибель, — подтвердил Иван Фомич. — Однако должен заметить, что благодарные потомки не забыли героя рассказанной мной истории.

— Что вы хотите этим сказать? — полюбопытствовал я.

— А то, что спустя девяносто лет на одной из вершин горы Благодать были сооружены памятник и часовня, увековечившие деяние этого вогула.

Воцарилось минутное молчание.

— Может быть, сыграем еще партию? — предложил Иван Фомич.

— Охотно, — согласился я, — только ответьте мне на один вопрос: считаете ли вы эту историю достаточно достоверной?

— Если вас интересует мое личное мнение, я вам скажу: история, которую вы только что услышали, представляется мне весьма правдоподобной и наиболее вероятной версией происхождения наименования горы Благодать. Кстати, в этой мысли я не одинок, и в числе своих единомышленников могу назвать Петра Петровича Семенова-Тян-Шанского, — не без самодовольства ответил Иван Фомич. И, считая тему разговора исчерпанной, принялся расставлять фигуры на шахматной доске.

В честь близнецов

Рассвет настойчиво пробивался сквозь густые кроны деревьев.

Все в лагере пришло в движение. Загонщики выбирались из шалашей, сооруженных из сосновых ветвей, или не без сожаления покидали насиженные места у весело потрескивающих костров. Они перебрасывались короткими отрывистыми фразами и исчезали за красноватыми в отблесках пламени стволами столетних сосен, погружаясь в предрассветную мглу.

Ловчие деловито расставляли стрелков по обе стороны большой поляны в самом центре Мазовецкой пущи: сюда, на эту поляну, загонщики вскоре погонят зверя.

Предстояла большая охота. Князь Конрад Мазовецкий прибыл сюда накануне в сопровождении всех своих приближенных. Страстный любитель охотничьей потехи, он, не скрывая нетерпения, вышел из своего шатра, держа в руке самострел. За ним следовали его оруженосец и телохранители с тяжелыми топорами на плечах. Оруженосец нес рогатину князя.

Многочисленные охотники из свиты князя, также вооруженные самострелами и рогатинами, высыпали из шатров и заняли места за стрелками или между ними, застыв в ожидании.

Сам князь расположился в облюбованном месте, левее линии стрелков, ближе к той стороне поляны, откуда можно было ожидать появление зверя. Чуть поодаль остановился оруженосец, за ним расположились телохранители, готовые в любую минуту прийти на помощь своему господину. Оруженосец прислонил рогатину князя к стволу соседнего дерева. Не выпуская из рук самострела, Конрад напряженно прислушивался к лесным шумам и не сводил глаз с поляны.

Позади послышалось ржание. Это подвели княжеского коня и коня его оруженосца.

Где-то вдали прозвучали сигналы рога. Потом снова наступила тревожная тишина, нарушаемая лишь криками соек.

Спустя некоторое время звуки рога повторились. Они были уже ближе. Им ответили дудки.

Все насторожились: ждать оставалось недолго. Вот-вот должны были появиться звери, направляемые к поляне искусными загонщиками.

Еще несколько томительных минут ожидания — и из лесной чащи, ломая сучья, выскочили несколько поросших густой шерстью кабанов. Они стремительно неслись через поляну, подгоняемые собаками и криками загонщиков.

Встреченные стрелами охотников, кабаны захрюкали,

завизжали и повернули назад, но были осыпаны новым градом стрел и, истекая кровью, один за другим валились на траву, забившись в предсмертных судорогах.

Вслед за кабанами на поляне появились олени. Раздувая ноздри, они бежали, почти не касаясь земли, закинув назад головы с ветвистыми рогами.

Опять зазвенели стрелы, вонзаясь в бока и головы обезумевших от страха животных. Смертельно раненные олени с хрипом валились на землю под победные клики охотников.

Начало потехи было удачным.

Князь Конрад разгоревшимся взглядом следил за увлекательной охотой, но сам не принимал в ней участия. Он берег свои силы и охотничий азарт для более серьезного противника. Туры, зубры, медведи — вот с кем он жаждал помериться силами, вот кого он считал достойными для себя противниками.

Между тем звуки рогов, лай собак и усилившиеся крики загонщиков возвестили о приближении новых зверей. Охотники снова насторожились, застыли в нетерпеливом ожидании. Все явственнее слышался мерный топот.

— Туры! — торжествующе воскликнул князь, изготовив самострел и оглянувшись на прислоненную к дереву рогатину.

Тяжело продираясь через густой кустарник, на опушку выбежали один за другим четыре тура. Их огромные бородатые головы были низко наклонены к земле. Возглавлявший группу гигантский самец свирепо поводил глазами. Из ноздрей его валил пар, слышалось хриплое дыхание.

Князь натянул самострел, и стрела, прожужжав в воздухе, вонзилась в бок вожака стада.

Тур взревел от боли и ярости и заметался по поляне в поисках невидимого врага. Другие быки заревели в ответ и последовали за своим вожаком.

— Моего не трогать! — повелительно вскричал князь. — Я сам с ним справлюсь! — Он снова прицелился, и вторая стрела настигла раненого тура, угодив ему в шею.

Остальные охотники тем временем осыпали тучей стрел других быков и добивали упавших животных топорами.

А вожак не хотел сдаваться. Вторично раненный, он на мгновение застыл на месте, а затем, еще ниже нагнув голову, стремительно бросился в сторону цепи стрелков, разметал несколько человек и устремился в глубь леса, сокрушая все на своем пути.

— Коня! — в страшном возбуждении закричал Конрад. — Скорее коня!

Мгновение спустя князь, сопровождаемый верным оруженосцем, уже мчался вдогонку за раненым туром, оставлявшим за собой кровавые следы. «Далеко не уйдет, — успокаивал Конрад сам себя, — слишком много теряет крови».

Следы уводили преследователей все дальше и дальше в гущу леса. Пробираться через нее становилось все труднее и труднее. Кони тяжело дышали, роняя на хвою белые хлопья пены.

— Вот он, господин! — радостно вскрикнул вдруг молодой оруженосец, показывая рукой на небольшую полянку, неожиданно показавшуюся в самой глубине пущи.

Князь глянул туда и увидел грузную тушу тура, придавившую своей тяжестью кусты можжевельника и молодую поросль сосняка.

— Еще дышит, — с невольным восхищением произнес оруженосец.

В самом деле, в страшном звере еще теплилась жизнь. Редкие хриплые вздохи вздували его живот, и тогда на ноздрях появлялась кровавая пена.

— Довольно ему мучиться, — с мрачным сочувствием сказал князь. Он спешился, выхватил из ножен кинжал и, подойдя к умирающему животному, несколькими ловкими ударами перерезал ему горло.

Тур захлебнулся в хрипе, забил ногами и затих.

Конрад опустился на ствол сломанного дерева и большим расшитым платком вытер вспотевший лоб.

— Уф! — вздохнул он. — Пусть кони отдохнут немного — и в обратный путь. Загнал их этот бородатый дьявол. Видишь, какие мокрые.

Князь прилег на траву, положив под голову услужливо поданную оруженосцем волчью шкуру, и добавил: — Да и я посплю немного, а ты постереги. Чуть что случится — разбудишь.

Не прошло и минуты, как он уже спал крепким сном.

Очнулся он от каких-то криков и рычания. Раскрыв глаза, князь увидел грозное зрелище.

Громадный медведь, переваливаясь на задних лапах и растопырив передние, направлялся к нему, оглашая лес яростным ревом. В стороне, обливаясь кровью, лежал верный оруженосец, тщетно силившийся подняться и преградить зверю путь к своему господину. Одежда на нем была разорвана во многих местах, рогатина лежала в нескольких шагах от него, а в слабеющих руках он силился сжать топор.

Князь схватил лежащий рядом с ним самострел и, натянув его, пустил стрелу, целясь в сердце косолапого хищника. Затем подбежал к валявшейся рогатине, схватил ее и отважно пошел

навстречу медведю, рычащему от боли и ярости.

Зверь продолжал двигаться на него, расставив передние лапы. Грудь его была открыта, и князю было видно, как подрагивала среди шерсти стрела, пущенная им из самострела.

Уловив момент, когда между ним и медведем оставалось не более трех-четырех шагов, Конрад, напрягшись, сделал два стремительных прыжка и, подскочив к зверю, с силой вонзил рогатину ему в грудь.

Медведь попытался достать лапами человека, но рогатина не пускала и все глубже проникала в его тело. Испытывая нестерпимую боль, зверь страшно заревел и схватил лапами древко рогатины.

Отделенные друг от друга длиной этого древка, князь и медведь медленно двигались: зверь наступал, человек отходил, выжидая, когда медведь обессилеет, чтобы окончательно его добить. Но борьба один на один с могучим противником, раненым, но еще достаточно сильным, начинала изматывать Конрада, хотя он славился своей силой и выносливостью. В довершение ко всему правая нога его оказалась зажатой между корнями деревьев.

Тщетно пытался князь высвободить ее. Напрягая все свои силы, он с трудом сдерживал натиск ослепленного болью зверя, сознавая, что надолго его не хватит и тогда смерть. «Смерть! И никто не может в этой глуши оказать мне помощь. Никто. Один, совсем один!» — лихорадочно проносилось в мозгу.

Внезапно он услышал чей-то голос: «Держись!» В грудь медведя вонзилась вторая рогатина. Затем раздался глухой удар, и зверь всей своей тяжестью грянулся о землю, ломая рогатины. Тело его судорожно задергалось и вскоре замерло.

Князь глубоко вздохнул и распрямился. Его блуждающий взгляд остановился на человеке, так неожиданно пришедшем ему на помощь. В руках у этого человека он увидел окровавленный топор.

Выпростав ногу из зажавших ее корней, Конрад оперся на обломок рогатины, оставшийся в его руках.

— Кто ты, добрый человек? И какой счастливый случай привел тебя сюда, в эту глушь? — спросил он.

— Я здешний житель, — непринужденно ответил незнакомец, человек средних лет, с открытым лицом, обрамленным густой бородой. — Мой дом находится неподалеку. А ты кто такой? — в свою очередь задал он вопрос. — По твоему обличию видно, что ты не из простых.

— Ты не ошибся, глаз у тебя острый, — усмехнулся князь. — Мое имя Конрад, я князь Мазовецкий.

Человек низко поклонился:

— Чем могу служить великому князю?

— Я и так у тебя в неоплатном долгу, друг, — ответил Конрад. — Взгляни, что с моим оруженосцем. Косолапый, видно, сильно помял его. Жив ли он?

Незнакомец подошел к распростертому телу и, опустившись на колени, склонился над ним, приложив ухо к груди.

— Дышит, — подняв наконец голову, спокойно сообщил он и принялся тщательно осматривать раны пострадавшего. — Правая рука сломана, несколько рваных ран, а в остальном целехонек. Ничего, парень молодой, крепкий, скоро очнется.

— Надо оказать ему помощь, — князь вопросительно посмотрел на своего спасителя. — Если не ошибаюсь, ты сказал, что твой дом находится неподалеку отсюда?

Тот утвердительно кивнул головой и, почтительно поклонившись, промолвил:

— Коли доблестный князь не побрезгает посетить мой скромный очаг, я тотчас же перенесу несчастного малого туда и женщины поухаживают за ним.

— Охотно, друг, охотно буду твоим гостем, — весело согласился Конрад. — Показывай дорогу, я следую за тобой. Но прежде назови мне свое имя.

— Меня зовут Ясько, великий князь, и я твой преданный слуга.

— Нет надобности об этом говорить, добрый Ясько, ты это доказал на деле. И я никогда не забуду оказанной тобой услуги. Проси любой милости, и я исполню твое желание. А теперь веди меня в твой дом.

Ясько взвалил на плечи раненого и, ловко лавируя между деревьями, быстрым шагом углубился в чащу леса. Князь неотступно следовал за ним, с тревогой думая о том, что конь его, испуганный появлением медведя, ускакал и вряд ли вернется и поэтому ему придется, вероятно, пешком добираться до своего лагеря, где, наверное, уже встревожены его долгим отсутствием.

Между деревьями показался просвет. Запахло дымом.

— Вот мы и пришли, — сказал Ясько, указывая рукой на дом, из трубы которого валил дым. — Гей! Ганнуся! Янек! — громко крикнул он, подходя к крыльцу. — Выходите быстро, принимайте высокого гостя!

Дверь дома распахнулась, и на порог выбежали, весело улыбаясь, юноша и девушка.

— Кланяйтесь великому князю и благодарите его за милость, которую он нам оказывает своим посещением.

Молодые люди дружно поклонились и, не произнося ни

слова, с любопытством, присущим юности, переводили взгляды с князя на хозяина дома и на его ношу.

— Что уставились? — добродушно проворчал Яcько. — Забирайте раненого и несите в дом. — Он осторожно передал им тело оруженосца и уже вдогонку спросил: — Как там моя Анеля? Не родила ли, часом?

— Разрешилась, братец, разрешилась! — затараторила сразу девушка. — Сейчас кормит обоих.

— Как обоих? — изумился Яcько. — Неужто двойня?!

— Бог наградил тебя близнецами, дорогой братец, — лукаво засмеялась девушка, краснея и прикрываясь рукой. — Возблагодари его за сына и за дочь, которых он тебе послал.

Яcько радостно ухмыльнулся и горделиво расправил плечи.

— Добрая весть, — произнес князь Конрад, поглаживая усы и одобрительно поглядывая на счастливого отца.

— Истинная правда, доблестный князь, — ответил тот, — прибавление семейства — божий дар. Окажи великую честь, господин, отпразднуй со мной и моими домочадцами это счастливое для меня событие. Прошу тебя от чистого сердца!

Растроганный простыми искренними словами Яcька, князь согласно кивнул головой:

— Я не только охотно приму участие в празднестве, но, если хочешь, буду крестным отцом твоих близнецов.

Яcько упал на колени и в избытке благодарности поцеловал Конраду руку, которую тот ему милостиво протянул. Потом вскочил и зычно крикнул:

— Гей, Янек!

Когда юноша появился на крыльце, Яcько распорядился:

— Скажи Ганнусе, чтобы готовила к столу, а сам полезай в погреб. Там есть кабаньи и медвежьи окорока, лосятина, а в баклагах и бочках — мед и пиво. Великий князь разделит с нами праздничную трапезу!

— Лучше пошли своего брата на поляну, — перебил его Конрад, — пусть отрежет лучшие куски от тура и принесет сюда. Для пира они пригодятся, я думаю.

— Ты слышал, Янек, что повелел добрый князь? Беги стрелой и поскорее возвращайся, а я сам помогу Ганнусе.

Спустя некоторое время все сидели за празднично накрытым столом — все, кроме пострадавшего оруженосца, которого положили в соседней комнате.

Даже молодая мать, здоровая и миловидная женщина, восседала рядом с мужем, покачивая привязанную к потолку люльку с обоими младенцами.

Яська почтительно ухаживал за князем, подкладывая ему лучшие куски и подливая в кубок мед и пиво. При этом не забывал и себя, челюсти его энергично двигались, перемалывая огромные куски мяса.

Князь время от времени одобрительно поглядывал на своего спасителя, любуясь его здоровьем и аппетитом. Он сам любил поесть в свое удовольствие и высоко ценил это качество в сотрапезниках.

Окинув взглядом сидящих за столом, князь Конрад поднялся со своего почетного места и, держа в руке наполненный медом кубок, подошел к люльке. Он ласково посмотрел на безмятежно спавших младенцев и торжественно произнес:

— Да будут они счастливы в жизни. Пусть мальчик вырастет таким же смелым и сильным, как его отец, а девочка — такой же красавицей, как ее мать!

При этих словах Яська закашлялся от удовольствия, а его жена стала пунцовой от смущения. Князь между тем продолжал:

— Назовем девочку Савой, а мальчика — Варшем. А чтобы все люди знали о том, что отважный Яська пришел на помощь своему князю и вызволил его из беды, я велю заложить на этом месте город, который назову по имени близнецов, моих крестников!

Восхищенные милостью князя, Яська, Анеля, Янек и Ганнуся бросились на колени и начали благодарить высокого гостя за

оказанную честь.

Конрад, довольный впечатлением, произведенным на его бесхитростных хозяев, наклонил кубок и уронил несколько капель в люльку, затем вернулся на свое место и залпом выпил вино.

В это время за окнами послышался шум: крики людей, конское ржание, собачий лай, бряцание оружия. Дверь распахнулась, и в горницу ввалились приближенные князя.

Увидев мирную картину застолицы и восседавшего во главе ее своего повелителя, они остановились на пороге и оторопело переглянулись.

— Проходите, панове, — милостиво произнес Конрад, — садитесь, угощайтесь. Наш гостеприимный хозяин сегодня отмечает появление на свет божий новорожденных. Он был настолько любезен, что пригласил меня принять участие в празднестве. С его позволения я хочу предложить вам выпить за здоровье его сына и дочери — моих крестников.

…Долго еще длилось пиршество. Много раз спускались Ганнуся и Янек в погреб и приносили оттуда яства и новые баклаги с пивом и медом. Только поздним вечером князь распрощался со своим спасителем и его домочадцами, заверив Яська в своем неизменном покровительстве.

* * *

Примерно так или, по другим версиям, несколько иначе повествует легенда о происхождении названия столицы Польской Народной Республики города Варшавы, связывая его с именем двух близнецов, крещенных князем Мазовецким Конрадом — основателем Варшавы, властвовавшим в Мазовии в XII–XIII столетиях.

Вместе с тем существует также предположение, что название Варшава возникло в XI веке, когда на берега Вислы якобы переселилась бежавшая из Чехии семья Варшовцев или Варшев и основала там поселение, которое с течением времени выросло в крупный город, именуемый ныне по прозвищу этой семьи.

Курящаяся бухта

Уже несколько кораблей норманнов побывало у берегов большого острова, лежащего к северо-западу от Фарерских островов. В 867 году один из жителей этих островов, Наддод, случайно во время бури оказался в тех краях и увидел большую гористую землю, покрытую снегом. Он так и назвал ее — Снежная земля.

Спустя два или три года несколько викингов[14] во главе с Гардаром, плавая в северных водах Атлантического океана, приблизились к той же земле и вынуждены были в силу обстоятельств на ней перезимовать. Им удалось обойти ее на судах и установить, что это значительный по размерам остров. По возвращении в Норвегию викинги яркими красками описали его богатства: сочные пастбища, обширные леса, рыболовные и охотничьи угодья.

Рассказы эти не остались без внимания, и вскоре после возвращения Гардара и его спутников к берегам вновь обнаруженного острова отправилась следующая экспедиция, возглавляемая конунгом[15] Флоки Фильгерварссоном. Норманны достигли острова и остались на зимовку в одном из его фьордов, изобиловавших рыбой.

Однако на Флоки остров не произвел такого благоприятного впечатления, как на его предшественников. И он дал ему суровое название Исланд (Ледяная земля), которое сохранилось до сего времени, хотя спутники Флоки совершенно не разделяли мрачных впечатлений своего предводителя об этой земле.

Здесь я прерву краткую справку о первооткрывателях Исландии, чтобы рассказать небольшую историю о первых ее колонистах, основавших постоянное поселение там, где ныне стоит столица этой северной страны.

…Они были неразлучны. Сильные, безудержно смелые, полные молодой энергии, Ингольф и Лейф носились по морю на своих быстрых судах, совершая дерзкие набеги на прибрежные селения и города, и никогда не возвращались домой без богатой добычи. Их связывали не только родственные отношения, но и крепкие узы дружбы и товарищества. Недаром они называли друг друга побратимами.

В совершаемых ими морских походах и буйных набегах нередко принимали участие их соседи — сыновья ярла[16] Атлэ.

Как-то раз после успешного набега, принесшего им многочисленные трофеи, побратимы устроили большой пир, в

котором приняли участие и все три сына ярла Атлэ. Столы ломились от яств, мед лился рекой, буйное веселье не затихало ни на мгновение.

Сыновьям ярла, сидевшим на почетных местах, в знак особого уважения подносила кубки с медом сама Хельга — юная и прекрасная сестра Ингольфа. Она бесшумно двигалась вдоль стола и с поклоном подавала кубок то одному, то другому из гостей, скромно, не поднимая головы, выслушивая комплименты пораженных ее красотой, изяществом и скромностью бражников.

Огрубевшие в бесконечных морских походах воины не спускали глаз с Хельги и шумно выражали свое восхищение достоинствами сестры хозяина дома.

— Клянусь Одином[17]! — не в силах сдержаться громогласно воскликнул младший из сыновей ярла Атлэ, Эйрик. — Эта девушка создана для меня! И я женюсь только на ней! Другой жены мне не нужно! — И он ударил кулаком по столу так, что стоявшие вокруг блюда с едой подпрыгнули.

— Не слишком ли ты самонадеян, что так быстро решаешь участь моей сестры? — насмешливо крикнул Ингольф с другого конца стола. — Ее судьбой распоряжаюсь я, она моя сестра! Я никому не позволю вмешиваться в дела моей семьи, честь которой я всегда сумею защитить мечом!

— А я повторяю, что только Хельга будет моей женой! — с пьяной настойчивостью продолжал Эйрик. — В присутствии всех сидящих за этим столом даю торжественный обет жениться на ней и ни на какой другой женщине!

Он залпом выпил содержимое кубка и швырнул его через плечо.

— Мне нет никакого дела до твоего обета, — последовал надменный ответ Ингольфа. — Я давно уже дал торжественную клятву, что не допущу раздела наследства моего отца и что мужем Хельги станет мой побратим Лейф! Призываю всех в свидетели, что это мое решение неизменно!..

— А я клянусь! — подхватил Лейф, — что буду во всем достойным дружбы моего родича и побратима Ингольфа и любви его прекрасной сестры и сделаю все, чтобы умножить славу нашего рода!

Спор разгорался и грозил перейти в потасовку. Разгоряченные выпитым медом, гости и хозяева выкрикивали угрозы, размахивали кубками, похвалялись своими дружинами, богатством, могуществом, хватались за оружие.

— Не будем омрачать веселого пира пререканиями и раздорами, — примирительно сказал старший сын ярла Хальстен. Он славился по всей Норвегии своей рассудительностью и

знанием обычаев и законов. — Давайте сегодня пить и веселиться, а в будущем, если ваш спор не удастся уладить миром, я предлагаю свое посредничество, и, клянусь богами, вы найдете во мне беспристрастного судью, несмотря на родство, связывающее меня с Эйриком.

Пирующие одобрительными криками приветствовали слова Хальстена…

Миновала зима. С наступлением первых весенних дней Лейф собрал своих дружинников, посадил их на корабль и отправился в поход на поиски добычи.

Где-то в шхерах, которыми столь богато Северное море, судно Лейфа задержалось по какой-то надобности и было внезапно атаковано врагом, превосходившим его по численности. В предводителях напавших на него норманнов Лейф без труда узнал двух сыновей ярла, одним из которых был Эйрик.

Завязалось сражение. Бой был неравный. Лейф и его люди яростно сопротивлялись, но их было значительно меньше, и победа начинала клониться на сторону противника. Сподвижники Лейфа один за другим падали под ударами мечей воинов сыновей ярла. Сам Лейф, уже дважды раненный, теряя последние силы, был недалек от гибели.

Но в тот момент, когда он уже оставил всякую надежду на спасение, в шхерах неожиданно появились два новых судна. На полном ходу они врезались между сражавшимися кораблями, воины молниеносно перебрались на палубы, где кипело сражение, и вступили в схватку на стороне Лейфа. Нежданная помощь поспела вовремя.

Вновь прибывшие со свежими силами дружно напали на дружинников сыновей ярла и вскоре заставили их обратиться в бегство. Эйрику удалось спастись, а его брат с раскроенным черепом остался на палубе корабля Лейфа.

Чудесным спасением Лейф был обязан своему дальнему родственнику, плывшему мимо шхер и случайно услыхавшему шум сражения.

Эйрик поспешно скрылся с остатками своей дружины, затаив еще более лютую злобу против Лейфа и всех его родичей и друзей. Возвратившись в свои владения и оправившись от ран, он составил план мщения, собрал своих приверженцев и зимой предпринял попытку напасть на Лейфа и Ингольфа, с тем чтобы убить ненавистных врагов, завладеть всем их имуществом и жениться на прекрасной Хельге, о которой он не забывал ни на минуту.

Быть может, план его и увенчался бы успехом, если бы друзья не известили заблаговременно Ингольфа и Лейфа о готовящемся

против них заговоре. Побратимы тотчас же приняли необходимые меры, собрали спешно войско и выступили навстречу злоумышленникам, оставив женщин и детей под надежной охраной.

И на этот раз воинское счастье улыбнулось Ингольфу и Лейфу. Сражение закончилось их полной победой, было захвачено много трофеев, а Эйрик, младший сын ярла Атлэ, из-за которого возникла эта вражда, нашел свою смерть от меча Ингольфа.

Оба побратима, помня уговор на пиру, решили призвать справедливого Хальстена, дабы он рассудил, кто же был прав в этой распре и кто виноват.

Хальстен не замедлил явиться на зов. Он уже знал обо всем, что произошло: о гибели двух своих братьев и о том, при каких обстоятельствах они расстались с жизнью. Молва донесла к нему все подробности.

Он долго, глубоко задумавшись, сидел в пиршественном зале Ингольфа и после длительного молчания, которое не решались нарушить ни хозяин дома, ни Лейф, наконец произнес:

— Я не вправе винить вас в гибели моего брата, который вероломно напал на Лейфа в шхерах, рассчитывая на численное превосходство своей дружины. С его стороны это был нечестный поступок. Лейф мужественно защищался и в честной битве вышел победителем. Но гибели брата моего Эйрика я простить вам не могу. Вы устроили ему засаду, что недостойно благородных викингов. Его смерть на вашей совести, и во искупление содеянного вы должны отдать все свои владения и по истечении трех зим навсегда покинуть Норвегию.

В душе Ингольф и Лейф не согласились с судом Хальстена, ибо не чувствовали за собой никакой вины. Правда, они устроили засаду людям Эйрика, но ведь и тот задумал против них хитрость, осуществление которой привело бы их к гибели. Побратимы считали, что они просто сквитались с Эйриком. Но столь велика была в стране слава о справедливости суждений Хальстена, что они вынуждены были покориться его решению.

И вот в 871 году побратимы отправились на разведку в Исландию, рассчитывая в случае благоприятных результатов сделать этот недавно открытый остров местом своего постоянного жительства.

Они без особых приключений пересекли океан и высадились на восточном берегу Исландии, где и зазимовали. А весной следующего года пустились в обратный путь, чтобы забрать всех своих людей и имущество и окончательно переселиться на этот остров, прибрежные воды которого изобиловали рыбой, а земля

была покрыта сочными пастбищами.

По пути в Норвегию корабль Лейфа отделился и поплыл на юг, держа курс на Ирландию. Воинственный норманн не мог смириться с мыслью, что он вернется из похода без добычи. И едва вдали показались берега Ирландии, Лейф привел своих воинов в боевую готовность.

Как вихрь пронеслись норманны вдоль побережья, сея смерть и разрушение. Много добра захватил Лейф, а взятых в плен ирландцев, мужчин и женщин, он превратил в рабов, рассчитывая забрать их с собой в Исландию.

…Прошло два года. Истекал трехгодичный срок, данный мудрым Хальстеном. Сборы для окончательного переселения наконец были закончены, и два судна, нагруженные до пределов, покинули берега Норвегии.

На одном из них находилось общее имущество побратимов; вел его Ингольф. На другом разместились Лейф с молодой женой Хельгой; здесь же находилась вся его ирландская добыча и рабы.

Норманны плыли по уже знакомому пути; корабли держались в виду друг у друга. И только когда на горизонте появились очертания гористого острова, суда разошлись в разные стороны в поисках удобных мест для поселения.

Вскоре после того, как корабль Лейфа скрылся за выступающим в море мысом, Ингольф приказал разобрать сооруженное специально для него сиденье на палубе и выбросить в море поддерживающие его столбы.

— Пусть боги укажут мне путь! — торжественно провозгласил он. — Мы навсегда остановимся и поселимся на том берегу, к которому волны прибьют эти столбы.

Норманны одобрительными возгласами приветствовали решение вождя.

— А пока, — продолжал Ингольф, — мы высадимся для отдыха в первой удобной бухте.

Так и было сделано. Отыскав подходящее место на восточном берегу острова, близ которого находилось в то время судно, норманны сошли на землю и принялись располагаться на длительный отдых, необходимый всем после напряженного плавания.

Когда люди как следует отдохнули, Ингольф позвал двух рабов и повелел им немедленно отправиться на поиски брошенных в море столбов.

— Пока не найдете столбов, не возвращайтесь! — сурово наказал он.

Не прошло и трех дней, как рабы возвратились.

Вид у них был испуганный и растерянный.

Они бросились на колени перед Ингольфом и, перебивая друг друга, торопливо заговорили:

— Прости, господин, за нарушение твоего повеления, — начал первый. — Но мы не могли поступить иначе…

— Печальную и страшную весть принесли мы тебе, — продолжал второй.

— Говорите толком, что случилось! — гневно возвысил голос Ингольф.

— Отважный Лейф… — заикаясь, сказал первый раб, — благородный Лейф…

— Говори ты, — наливаясь яростью, приказал Ингольф второму рабу, — а то эта баба не в состоянии связать двух слов от страха.

— Не гневайся, милостивый господин, — с опаской поглядывая на Ингольфа, пролепетал второй раб. — Мы тщательно обследовали все побережье и достигли южного конца острова. Столбов мы не нашли там, но обнаружили построенный недавно дом. Он был пуст. Тогда в поисках людей мы обошли вокруг него и неподалеку обнаружили труп человека, лежавшего вниз лицом. Мы перевернули тело и опознали в погибшем твоего родича и друга Лейфа! В груди его торчал кинжал. И… и мы поспешили вернуться, чтобы сообщить тебе эту скорбную весть…

— А остальные? А моя сестра Хельга?! — в дикой ярости, судорожно сжимая рукоять меча так, что пальцы его побелели от напряжения, вскричал Ингольф.

— Там больше никого не было, милостивый господин, — боязливо ответили в один голос рабы.

— Презренные! — в бешенстве закричал Ингольф, и глаза его налились кровью. — Я их из-под земли достану, этих ирландских убийц, и они все заплатят своей кровью за жизнь Лейфа и моей сестры. Это их рук дело! — Он вскочил с места и начал метаться взад и вперед. — Эй, кто там! Готовьте корабль, я отправляюсь на поиски и не сойду с него, пока не отыщу сестру, живую или мертвую!

Долгие месяцы разыскивал Ингольф бежавших рабов Лейфа, и наконец ему улыбнулась удача. Он обнаружил беглецов на небольшом островке у южных берегов Исландии. Там же он нашел и свою сестру Хельгу, и других женщин, похищенных рабами после убийства Лейфа и его товарищей.

Напрасно несчастные молили о пощаде, обещая служить ему верой и правдой, напрасно объясняли, что на убийство их толкнула жестокость Лейфа, который за неимением рабочего скота впрягал рабов в плуг и возделывал землю. Ингольф был

неумолим. Он поклялся отомстить за смерть побратима.

Все ирландцы были умерщвлены по его приказанию дружинниками. Забрав освобожденных женщин, Ингольф возвратился к месту своей стоянки.

Только спустя три года после прибытия на Исландию ему удалось отыскать брошенные некогда в воду столбы. Их прибило к берегу в самой южной бухте западной части острова.

Местность вокруг бухты оказалась довольно удобной для поселения. Это была постепенно повышающаяся в глубь страны долина. Тут и там в облаках пара из земли били теплые ключи.

Исполняя данный им обет, Ингольф основал здесь постоянное поселение, а бухту назвал Рейкьявик, что на староскандинавском языке означало «бухта дыма», «курящаяся бухта» — из-за клубов пара, поднимающихся над гейзерами.

Селение, заложенное Ингольфом, которого почитают как первого колониста Исландии, впоследствии разрослось и превратилось в город Рейкьявик — столицу государства Исландии.

Атлас

В городе Дуйсбурге, крупном промышленном центре Западной Германии, есть старинная лютеранская церковь Сальваторкирхе. Вступив под ее мрачные своды, вы среди многих других достопримечательностей обнаружите фамильный склеп, возле которого на колонне укреплена черная каменная доска.

На доске, прекрасно гармонирующей своим цветом и массивностью с внутренним обликом церкви, высечен барельеф, а под ним — текст, рассказывающий о жизни похороненного в склепе человека.

Последние строки надгробной эпитафии гласят:

«Кто бы ты ни был, прохожий, не думай, что этот небольшой ком земли давит на погребенного Меркатора; ибо земля не бремя для человека, который подобно Атласу нес на своих плечах всю ее тяжесть».

Герард Меркатор, жизненный путь которого начался в первые годы XVI столетия и завершился на исходе того же века, был знаменитым картографом, автором многочисленных географических карт. Его доныне с полным на то основанием именуют королем картографов.

О нем и о мифическом Атласе, с которым столь образно сравнивается этот выдающийся ученый, пойдет речь дальше.

…Меркатор уже стар. Чрезмерное напряжение многолетней работы не могло не сказаться на его здоровье; незаметно подкрались болезни — непременные спутники преклонного возраста. Мучает подагра, распухшие суставы постоянно напоминают о себе; слезятся глаза, и часто, очень часто строгие линии географической карты расплываются, погружаясь в какую-то пелену. Но Меркатор не прекращает работы. Он спешит закончить давно задуманный капитальный труд — итог своей большой жизни.

Вот и сейчас он сидит за широким столом, уставленным всевозможными астрономическими инструментами, глобусами, заваленном картами, книгами, и беседует со своим сыном Румольдом. Одновременно он просматривает рукопись и делает в ней пометки.

Румольд — единственный из близких Меркатора, связавший свою судьбу с его делом. Он помогает отцу изготавливать карты и инструменты и проявляет живейший интерес к его планам и замыслам. Это надежный и исполнительный помощник, на которого можно во всем положиться.

— Дни мои уже сочтены, — говорит Меркатор и мягко улыбается в ответ на протестующий жест сына. — Мы, старики, с годами постепенно привыкаем к мысли о смерти, и предстоящий переход в мир иной не кажется нам столь ужасным, как вам, молодым. Но прежде чем переступить порог вечности и предстать перед лицом всевышнего, я должен закончить свои земные дела. Ты знаешь, что я подразумеваю, Румольд. Это собрание карт, над которыми я работаю много лет.

— Но, отец, — говорит в ответ Румольд, и в голосе его проскальзывает сомнение, — разве мало издано подобных собраний карт?

Он подходит к большому, во всю стену, книжному шкафу.

— Взгляни, все они здесь, на полках. Вот «Зеркало мореходства», изданное в Лейдене голландцем Лукой Вагенером, а вот «Зрелище шара земного» твоего старого друга Авраама Ортелия; здесь я вижу «Зеркало шара земного» Герарда де Иоде, собрание карт итальянца Антонио Лафрери, «Города земного шара», изданные в Кельне Георгом Брауном… Впрочем, тебе они известны лучше, чем мне, и нет нужды перечислять все вышедшие издания… Их так много, не говоря уж о твоих собственных…

— И ты хочешь сказать, что не видишь смысла в том, что я затеял? — перебивает его старый картограф. — Что ж, твое сомнение вполне закономерно. В самом деле, зачем бы мне на склоне лет повторять то, что уже сделано до меня многократно?

Меркатор оживляется и продолжает:

— Но в том-то и дело, что я не намерен подражать моим предшественникам! Мы с тобой и раньше толковали об этом, но, видимо, тогда я не смог достаточно четко сформулировать свою идею. Попытаюсь сделать это сейчас. Видишь ли… Собрание карт, над которым мы сейчас с тобой трудимся, будет совсем иным по сравнению с теми, что уже изданы. Я мыслю его не простым сборником одинаковых по формату карт, как это сделано и у почтенного Ортелия, и у других достославных космографов. Они ограничивались тем, что собирали уже изданные карты и заключали их в общий переплет. Кстати, некоторые из них, например Лафрери, не удосуживались даже приводить включаемые в сборник карты к одному размеру. Нет! Меня такой подход к делу никак не может удовлетворить. Я глубоко убежден, что собрание карт только тогда принесет истинную пользу людям, когда все его части будут выполнены в одной манере, в одном и том же формате и будут связаны единым содержанием…

— О отец! — восхищенно восклицает Румольд. — Какой грандиозный замысел! — И тут же добавляет упавшим голосом: — Но ведь еще так много нужно сделать…

— Я понимаю, мой мальчик, почему ты не договариваешь. У тебя доброе сердце, и ты не хочешь меня расстраивать напоминанием о моих недугах и утраченных силах.

Меркатор растроганно смотрит на сына, потом достает из кармана халата платок и осторожно вытирает слезящиеся глаза.

— Потому-то я и спешу, что хочу увидеть дело своей жизни осуществленным. Нет для меня большей радости, чем лицезреть мое собрание карт, заключенное в переплет, и прочитать на титульном листе: «Атлас, или космографические соображения о сотворении мира и вид сотворенного». Поверь, Румольд, это не пустая блажь старика. Для меня «Атлас» — плод всей жизни, такое же дорогое детище, как и ты, мой сын.

Старый картограф тяжело вздыхает.

— А если судьба не судила мне дожить до этого радостного дня, ты, мой наследник, довершишь начатое мной.

— Не надо предаваться горьким мыслям, отец, — взволнованно говорит Румольд, заботливо прикрывая ноги старика пледом. — Будем надеяться на лучшее. Я не сомневаюсь, что ты проживешь еще много лет и успеешь сделать все, что задумал, да хранит тебя бог… Ответь мне лучше на такой вопрос: почему ты решил назвать свой труд «Атласом»? Мне понятны и привычны такие названия, как «Зрелище шара земного» или «Зеркало шара земного», но «Атлас»…

Румольд недоуменно пожимает плечами.

— Разве само имя Атлас тебе ничего не говорит? — со снисходительной улыбкой спрашивает Меркатор.

— Ты смеешься надо мной, отец! — со свойственной ему горячностью восклицает Румольд. — Конечно, я знаю, кто такой Атлас, для этого ты мне дал достаточно хорошее образование. Но какое отношение имеет эта легендарная фигура к твоему делу? Непонятно. Впрочем… погоди… Кажется, я начинаю догадываться, почему…

— Смелее, смелее, мой мальчик, — поощряет сына ученый-картограф, с любопытством наблюдая за выражением его лица. Ему не терпится узнать, сумеет ли Румольд разгадать его замысел.

А тот продолжает вслух рассуждать, вспоминая древнегреческие мифы о титане Атласе.

— Мне известны два варианта легенды, — задумчиво произносит он. — Одна повествует о том, что Атлас, брат Прометея, выступил вместе с ним и другими титанами против царя богов Зевса. Титаны потерпели поражение в этой борьбе и были сурово наказаны разгневанным громовержцем. Атлас, обладавший сверхъестественной силой, был обречен

поддерживать небесный свод; вся тяжесть неба легла на его могучие плечи.

Таков вкратце смысл этой легенды. Согласно же другой, Атлас царствовал в далекой от Греции стране, находящейся на краю света, — в Северо-Западной Африке. В его обширных владениях паслись тучные стада, цвели пышным цветом сады, зрели круглый год сочные плоды. И среди многочисленных фруктовых деревьев красовалась одна яблоня, ствол, ветви и листва которой были из чистого золота.

Атлас очень дорожил этим деревом и охранял его как зеницу ока, так как ему было предсказано, что волей судьбы золотые яблоки у него похитит один из сыновей царя богов Зевса.

Однажды во дворец Атласа явился герой Персей. Он прилетел сюда на крылатых сандалиях, очень утомленный длительным путешествием. В его сумке, подвешенной к поясу, хранилась отрубленная им голова морского чудовища — горгоны Медузы, один взгляд которой превращал все живое в камень.

— О Атлас, — обратился к царю герой. — Я сын Зевса Персей. Я очень устал и прошу твоего гостеприимства.

Испуганный словами пришельца, назвавшегося сыном Зевса, и опасаясь за сохранность своих золотых яблок, Атлас решил сделать вид, что он не верит словам незнакомца.

— Убирайся прочь! — грубо закричал он. — Я не терплю лжецов!

— Так вот как ты соблюдаешь священный закон гостеприимства! — в гневе воскликнул Персей. — Пеняй же на себя!

Он сунул в сумку руку, извлек оттуда голову Медузы и, отвернувшись, показал ее Атласу.

Едва увидел могучий титан голову горгоны Медузы, ее страшные глаза, как тотчас почувствовал, что не может пошевелить ни одним членом. В неподвижный камень превратился Атлас. Высокой вершиной уперлась в самое небо его голова, потухли глаза; лишь волосы, обратившиеся в густой лес, шевелились под порывами легкого ветра.

С тех пор гора Атлас служит опорой небесному своду с солнцем, луной и всеми созвездиями.

Румольд делает небольшую паузу и неуверенно добавляет:

— И в той, и в другой легенде одна и та же мысль: Атлас поддерживает небесный свод. Помнится, я где-то видел скульптуру, которая изображает Атласа, держащего небесный свод в виде земного шара. Может быть, эта аллегория и побудила тебя назвать именем титана свой труд?

Меркатор отрицательно качает головой:

— Нет, мой мальчик, ты не угадал. Я рад, что ты прекрасно помнишь древнегреческие мифы об Атласе, но должен тебя разочаровать: я имел в виду нечто иное. Подойди к шкафу, на второй полке снизу должен быть сборник морских карт генуэзского мастера Баттисты Аньезе.

После недолгих поисков сборник в руках у Румольда.

— Теперь открой последние страницы. На одной из них должно быть изображение человека, производящего измерения на земном глобусе. Нашел?

Получив утвердительный ответ, Меркатор продолжает:

— Вот чьим именем я решил назвать свое собрание карт…

— Но кто он, отец? — нетерпеливо перебивает его Румольд.

— Об этом я и хочу тебе рассказать. Имя его — Атлас, так же как и титана древнегреческих мифов. Предание, более позднее, чем те, которые ты только что вспомнил, утверждает, что некогда жил мавританский царь Атлас. Он обладал большими познаниями в области философии, математики и космографии, был мудрым правителем, отличался добротою и справедливостью по отношению к своим подданным.

В этом же предании говорится, что царь Атлас изготовил первый в мире небесный глобус. Не знаю, насколько это предание соответствует действительности, но для меня имя этого мудрого правителя неразрывно связано со всей моей деятельностью. Называя свое собрание карт «Атласом», я лишь воздаю ему должное, так как глубоко верю в то, что этот человек существовал и много сделал для развития науки.

— А не может ли случиться так, отец, что люди, которые будут пользоваться твоим «Атласом», ошибочно посчитают его название связанным с мифическим титаном?

— Твоя предусмотрительность меня радует, мой мальчик, — отвечает старый картограф. — Меня тоже беспокоит эта мысль. Но вот что я придумал, чтобы по возможности предупредить подобные ошибки. Мы изобразим на титульном листе нашего «Атласа» фигуру мавританского мудреца. В руках у него будет глобус и какой-нибудь измерительный инструмент. А кроме того, в предисловии я постараюсь объяснить читателю, почему я так назвал свой труд… Я напишу примерно так…

Обдумывая каждое слово, Меркатор продолжал: «Намереваясь посвятить все мои силы… и способности… изучению космографии с целью… отыскать… путем исследования предметов, еще… мало ведомых… какие-либо новые… истины, могущие… послужить успехам философии, я решился… подражать царю Атласу, столь же известному… своей ученостью, сколь добротой и мудростью…» Что ты скажешь?

— Отлично, отец! — восхищенно восклицает Румольд. — Повтори, пожалуйста, еще раз. — Он бросается к своему рабочему столу, берет перо и начинает записывать.

Кончив диктовать, старый Меркатор, кряхтя, поднимается из кресла.

— Что-то неможется мне, мой мальчик, — утомленно произносит он. — Пойду-ка прилягу, может быть, удастся заснуть на час-другой.

Румольд, поддерживая под руку, провожает отца до спальни, затем возвращается к своему столу и садится за работу…

* * *

А теперь я поясню, для чего понадобилось автору этих строк воскрешать силой воображения призраки давно минувших дней и заставлять их вести разговор.

Существует несколько значений слова «атлас». Атлас — это материя, гладкая, шелковистая (от нее пошло выражение

«атласный»). Атлас — это герой древнегреческого мифа, титан, брат Прометея; атлас — это собрание географических карт, а впоследствии этим словом стали обозначать и сборники других иллюстративных материалов (зоологический атлас, ботанический атлас и т. д.); наконец, Атлас — это горы на северо-западе Африканского материка.

Три последних значения тесно связаны между собой, как это очевидно из разговора Меркатора с сыном.

Опасения, высказанные Румольдом в беседе с отцом, оказались не лишенными основания, и многие издатели атласов, не придав значения ссылке Меркатора на мавританского царя Атласа, стали изображать на титульных листах титана Атласа, поддерживающего земной шар.

Название гор на северо-западе Африканского континента имеет непосредственную связь с именем титана Атласа, легенды о котором рассказал Румольд. Древние греки обожествили эти горы в образе окаменевшего великана, поддерживающего небесный свод, переделав местное название этих гор — Адрар — на свой лад, то есть Атлас.

Река крабов

В узкое створчатое окно косо падали солнечные лучи, освещая стоящий в углу комнаты большой стол, заваленный бумагами, и склонившегося над ним человека.

Купец-работорговец Фернан Гомиж внимательно просматривал свои торговые книги, время от времени делая на их полях пометки и выписывая какие-то цифры.

Пора было уже подводить итоги и подсчитывать барыши: представленный ему португальским королем срок монопольной торговли с африканскими странами, расположенными на берегах Гвинейского залива, истекал.

Судя по довольной улыбке, то и дело появлявшейся на лице купца, результаты его подсчетов были более чем утешительны для него. И это несмотря на то, что король ограничил возможности Гомижа, повелев всю собираемую в Гвинее слоновую кость продавать ему по твердой цене. Мало того, посылаемые Фернаном Гомижем корабли должны были в течение оговоренного пятилетнего срока обследовать побережье Гвинейского залива ежегодно примерно на протяжении пятисот километров.

Гомиж листал страницу за страницей, и за скупыми цифрами прибылей вставали события и факты, свидетельствовавшие о его предприимчивости и кипучей деятельности.

Каждый год, начиная с 1469, когда ему была предоставлена монополия, отмечался новыми открытиями, ознаменовывался умножением его богатств. Берег Слоновой Кости… Вслед за ним Золотой Берег… И еще дальше на восток — Невольничий Берег…

Каждое из этих названий говорило само за себя и служило как бы вехами торговой деятельности португальского купца.

Слоновая кость давала немалый доход, но приобретаемый в стране ашанти[18] за бесценок золотой песок был куда более прибыльным товаром. Не менее, а пожалуй и даже более, выгодным делом была торговля рабами — черными невольниками, невинными жертвами алчности португальцев, взамен которых в сундуки Гомижа неиссякаемой рекой текло золото.

Не случайно берег Гвинейского залива между реками Вольтой и Нигером получил выразительное название Невольничьего. Обилие укромных бухт, близость густонаселенных областей тропической Африки — все это облегчало деятельность работорговцев. Сюда прибывали их корабли и не отплывали обратно в Португалию, пока их трюмы не оказывались

заполненными живым товаром.

Эти места — свидетели деяний, позорящих человеческое достоинство, — получили и другое наименование, еще более выразительное, — Проклятые лагуны… Авторами этого названия были, несомненно, сами жертвы работорговли.

Но угрызения совести не мучили богатого лиссабонского купца, и если на его лице время от времени появлялось выражение тревоги, то оно было вызвано совершенно другой причиной.

«Что с Сикейрой? Почему он до сих пор не вернулся?» Гомиж возлагал большие надежды на свою последнюю экспедицию и имел все основания для беспокойства.

По его расчетам, корабль под командованием Сикейры должен был возвратиться в Португалию еще два месяца назад, а его все нет да нет. «Что могло с ним приключиться? Неужели кораблекрушение? Или, быть может, люди погибли в стычке с африканцами?»

Погруженный в размышления, Гомиж не расслышал осторожного стука в дверь. И только когда стук повторился, он крикнул:

— Войдите!

В дверь просунулась черноволосая голова его слуги. Глаза его блестели от возбуждения.

— Хозяин, — с трудом переводя дыхание, проговорил он, — капитан Сикейра…

— Что? Погиб? — упавшим голосом спросил Гомиж, не дожидаясь, пока слуга закончит фразу.

— Я бежал что есть духу, — захлебываясь, продолжал тот, — от самой гавани, чтобы первым сообщить вам известие…

— Да говори же наконец, что произошло! — раздраженно вскричал купец. — Не тяни ради всех святых!

— Ваша воля, хозяин, а только я и говорю, что сеньор Сикейра…

— Что? Что Сикейра? — не в силах сдержать нетерпение и гнев, опять перебил его Гомиж. — Скажешь ли ты наконец, что Сикейра?

— Я и хочу все время это сказать, да вы не даете мне закончить, — растерянно ответил слуга.

— Ну-ну, — внезапно успокаиваясь, сказал Гомиж, — говори, я тебя слушаю и перебивать больше не буду.

— Корабль сеньора Сикейры входит в Лиссабонский порт, ваша милость, и я поспешил вам об этом сообщить, как вы и приказывали мне не раз.

— Слава создателю, слава пресвятой деве Марии! — пробормотал купец, творя крестное знамение. — Эй! Кто там есть! Никого… все разбежались, бездельники. Ну ладно, я с ними еще поговорю.

Гомиж вышел из-за стола.

— Подай мне шляпу и плащ и следуй за мной. А вот этот золотой возьми за добрую весть.

И он швырнул слуге монету, которую тот ловко поймал и, кланяясь, сунул в карман камзола.

Спустя несколько минут, понадобившихся для того, чтобы запереть дверь и тщательно проверить засовы, купец уже шагал в сторону порта, да так быстро, что слуга едва поспевал за ним, хотя был вдвое моложе своего господина.

Еще издали Гомиж увидел знакомые очертания корабля, на котором прибыл Сикейра. Сгорая от нетерпения как можно скорее узнать, чем кончилось плавание, он не стал дожидаться, пока капитан съедет на берег, вскочил в одну из принадлежавших ему шлюпок и приказал грести к судну.

Поднявшись на палубу и небрежно ответив на приветствия экипажа, он поспешил уединиться с Сикейрой в каюте, чтобы выслушать его отчет.

— Вы доставили мне много беспокойства, Сикейра, — сказал он, грузно опускаясь в кресло и вытирая платком вспотевший лоб. — По моим расчетам, вы должны были вернуться значительно раньше, и я уже начал думать, что больше с вами не свижусь на этом свете. — Гомиж набожно сложил руки и закатил глаза. — Мысль о вашей гибели меня очень угнетала и не давала покоя, поверьте.

— Полагаю, что вас не менее беспокоила и судьба корабля и его содержимого? Не так ли, хозяин? — подмигнул Сикейра, фамильярно хлопая купца по плечу. — Мы здесь одни, и нет нужды изображать высокие чувства. Они для глупцов, а мы с вами, слава богу, деловые люди. Впрочем, вы были недалеки от истины, предполагая, что мы погибли. Обратная дорога была тяжела, ветер отнес нас далеко в сторону от привычного пути, и лишь благодаря создателю, покровительствовавшему нам в плавании, мне удалось спасти корабль и людей и привести его в Лиссабон.

— А там, на берегу, надеюсь, все было успешным? — с замиранием сердца спросил работорговец.

— О, в этом можете не сомневаться, сеньор Гомиж, — самодовольно покручивая длинный ус, ответил Сикейра. — Трюм набит до отказа, и товар весь отборный, первосортный.

— Превосходно, любезный капитан, превосходно! — потирая руки, воскликнул Гомиж, — вы будете щедро вознаграждены, можете не сомневаться.

Он был в восторге от того, что последняя экспедиция позволит ему еще более округлить свой капитал, и пришел в прекрасное расположение духа. — Рассказывайте же, что вам удалось повидать на этот раз. Но прежде мы должны с вами выпить по случаю вашего благополучного возвращения.

Сикейра разлил в бокалы вино, и они не спеша выпили янтарную влагу, после чего капитан приступил к рассказу.

— Не буду вам докучать, хозяин, повторением того, о чем вам уже известно по прежним моим плаваниям, — начал он. — Ограничусь лишь тем новым, что удалось мне открыть и увидеть.

…Миновав уже известные вам лагуны, мы продолжали плыть на восток вдоль берега, который по-прежнему был покрыт густой растительностью. Что ни день нам удавалось обнаруживать небольшие бухточки, хотя я уверен, что многие из них мы миновали, не заметив из-за густых лесных зарослей на берегу.

Погода все время нам благоприятствовала, не то что на обратном пути; небо оставалось безоблачным, ветер был попутным. Так мы плыли несколько суток, не встречая ничего примечательного и не высаживаясь на берег.

Как-то вечером, когда солнце вот-вот должно было скрыться за горизонтом, я обратил внимание на какую-то громаду, заслонявшую впереди чуть ли не полнеба. Я попытался было рассмотреть, что бы это могло быть, но мои усилия оказались тщетными: сумерки покрыли все вокруг темным пологом и стало невозможно различить не только отдаленные предметы, но даже и те, что находились в непосредственной близости, на судне. Мне

не оставалось ничего другого, как предупредить кормчего, чтобы он удвоил внимание, и вооружиться терпением до рассвета.

Наутро, выйдя на палубу, я удостоверился, что виденное мной накануне не было игрой воображения. Замеченная мной громада оказалась горой, ставшей еще больше оттого, что мы к ней приблизились.

Гора возвышалась над берегом, подняв высоко к небу свою остроконечную вершину. Клянусь честью, сеньор Гомиж, мне еще не приходилось встречать на своем веку гору такой невероятной высоты, а я побывал во многих странах и насмотрелся всякой всячины, смею вас уверить!

Вся команда столпилась у борта и разглядывала гору как какое-то чудо, испуская при этом возгласы изумления. Все были поражены открывшимся зрелищем.

Пока люди удовлетворяли праздное любопытство, я присматривался к берегу, пытаясь обнаружить устье какой-нибудь речушки. На корабле подходили к концу запасы питьевой воды, и необходимо было их пополнить. Но в густых зарослях невозможно было что-нибудь разглядеть. Тем не менее я решил попытаться раздобыть воду здесь и приказал зайти в одну из бухт и бросить в ней якорь.

Мы спустили три шлюпки, загрузили их пустыми бочонками и направились к берегу, выискивая место, где можно было удобнее пристать. Такое место вскоре было найдено. Там, оставив у вытащенных на песок шлюпок несколько человек охраны (предосторожность нелишняя в этих диких краях), я разделил своих людей на два небольших отряда, и мы разошлись в разные стороны в поисках какой-нибудь речки или ручья, где могли бы пополнить запасы пресной воды.

Отряду, который возглавлял я, искать пришлось совсем недолго. Не прошло и получаса, как на пути нашем возникла преграда в виде небольшой реки. Растительность, склонившаяся к самой воде, делала реку уже, чем она была на самом деле. Чтобы пробраться к воде и пронести бочонки, нам пришлось пустить в ход топоры: деревья, перевитые лианами, плотной стеной выстроились вдоль берега, как бы охраняя покой речного потока.

Естественно, мы все очень обрадовались, что так быстро нашли то, что искали.

Вода в реке оказалась чистой, прозрачной и очень вкусной. Набиравшие воду люди обратили внимание на то, что река изобилует рыбой. Подводные обитатели сновали взад и вперед целыми стаями, то уходя вглубь, то поднимаясь близко к поверхности, и не обращали на нас никакого внимания. Особенно много было крабов, которых в прозрачной воде без труда можно

было заметить между корневищами деревьев на дне реки.

Наполнив бочонки водой, матросы забавы ради принялись охотиться за крабами и за несколько минут наловили их целую кучу. Кто-то из них, один или два человека, сняли с себя рубахи и высыпали туда весь улов. Немного отдохнув, мы пустились в обратный путь, довольные и веселые.

Второму отряду повезло значительно меньше — он вернулся к шлюпкам только к вечеру, хотя поиски воды оказались также небезуспешными.

Изобилие в обнаруженной речке крабов подсказало мне мысль, что лучшего названия для этой реки, как и для вздымавшейся поблизости горы, о которой я перед этим рассказывал, не придумаешь. Река Крабов! Гора Крабов! Звучит, по-моему, совсем неплохо. Как ваше мнение, сеньор Гомиж?

Купец с важностью кивнул головой в знак согласия, хотя, по правде говоря, его мало интересовало, как назвал Сикейра какую-то там реку.

— Вот, собственно, и все заслуживающее внимания, хозяин, — заключил рассказчик. — Впрочем, есть еще одно обстоятельство, которое, на мой взгляд, представляет несомненный интерес. Мне бы хотелось, чтобы вы знали и сообщили королю о том, что после места нашей последней стоянки берег сразу же меняет свое направление и явственно поворачивает на юг. Как далеко он тянется в южную сторону, мне неизвестно, потому что вскоре я повернул корабль, полагая, что пришла пора возвращаться в Португалию.

— Вы привезли важные сведения, Сикейра, и я вами весьма доволен, — удовлетворенно произнес Гомиж. — Можете быть уверены, что я не забуду ваших заслуг. Ваше здоровье! — Купец налил в бокалы вина и снова выпил. — А теперь, — и он плотоядно облизнул губы, — покажите товар, который вы привезли, мне не терпится поскорее на него взглянуть.

Негоциант и моряк понимающе переглянулись и покинули каюту.

* * *

Примерно при таких обстоятельствах получила свое название небольшая река, протекающая в непосредственной близости от крупнейшей вершины на западном побережье Африканского материка, достигающей высоты более четырех тысяч метров.

Португальцы называли ее Rio des Camarões (в переводе с

португальского — река крабов). Одновременно или несколько позднее аналогичное название было присвоено и упомянутой вершине, оказавшейся, как установили с течением времени исследователи, вулканом. Камерун — под этим именем стали называть вулкан, а затем и всю страну.

На протяжении долгих столетий государство Камерун было сначала колонией, затем подопечной территорией, и только в 1960 году оно обрело независимость.

Местные жители издавна испытывали суеверный ужас перед снежной вулканической вершиной Камеруна и называли ее Маонго ма Лоба, что в переводе означает «небесная гора» или «божья гора».

Желтая, Белая, Оранжевая

Как-то вечером — был уже поздний час, что-то около одиннадцати — в дверь моей комнаты раздался осторожный стук.

— Входите! — крикнул я, продолжая делать выписку из толстого энциклопедического словаря.

Дверь тихонько скрипнула, и из-за портьер выглянул двенадцатилетний сын моего соседа по квартире — Ленька. В руках он держал карманный атлас мира.

— К вам можно, дядя Семен? — просительно сказал он, потихоньку приближаясь к письменному столу.

— Можно-то можно, — ответил я, — но, по-моему, тебе полагается в это время быть уже в постели? А?

Ленька шмыгнул носом и хитро посмотрел на меня:

— Папа с мамой ушли в гости, а я… вот… — он показал на атлас, — изучаю…

— Понимаю, — сказал я, с трудом сдерживая улыбку. — Так сказать, идеальные условия для исследований. Никто не гонит спать, можно продуктивно работать.

— Вы все шутите, дядя Семен, а я серьезно…

— И я серьезно говорю, дружок. Думаешь, я не понимаю, что, если бы не важное дело, ты не стал бы меня беспокоить? Ладно, показывай, что у тебя, да побыстрее, пока родители не вернулись, а то застанут тебя здесь, и будет нам на орехи.

— Они возвратятся поздно, — с заговорщическим видом сообщил Ленька, усаживаясь плотно на стул. — Так что вы не бойтесь, дядя Семен.

— Ты полагаешь, что мне нечего бояться? — с полной серьезностью заметил я. — Спасибо, что успокоил. Тогда все в порядке, опасность мне не грозит. Что ж, говори, я тебя слушаю.

— Я хотел спросить вас… вот тут… — Ленька протянул мне карманный атлас и начал его перелистывать, слюнявя палец.

— Беда мне с тобой, Леонид, — деланно ворчливым тоном сказал я, кидая в то же время одобрительный взгляд на смышленую мордашку моего маленького приятеля — мне нравилась его настойчивость. — У меня полно работы, а ты с вопросами. Право, мне сейчас не до них. Вечно у тебя вопросы. И когда только они кончатся! Ну да ладно, говори, что у тебя там.

— Вот тут, — Ленька заметно оживился, увидев, что я не собираюсь его выпроваживать. — Когда я просматривал все карты, то заметил, что некоторые моря и реки имеют названия… как бы это сказать… — он запнулся в поисках подходящего выражения, — ну, в общем… по краскам, что ли…

— Ну и что?

— По некоторым я сам разобрался, — солидно продолжал Ленька тоном исследователя. — Например, про Красное море… О нем я прочитал в энциклопедии, Большой Советской… Про Черное море вы мне сами недавно рассказывали, а про Желтое нам учительница на уроке говорила.

— Что же именно она говорила? — полюбопытствовал я.

— Да так, — небрежно махнул мальчуган рукой, — совсем немного. Про Хуанхэ — китайскую реку, которая несет много желтоватого ила… лёсса, что ли… и потому так называется… Хуанхэ по-ихнему, у китайцев, значит Желтая река. И что море от нее тоже так называется… Больше ничего.

— Гм. Объяснение твоей учительницы вполне правильно.

— Я знаю, дядя Семен, — досадливо поморщился Ленька. — Но ведь этого же мне мало. Понимаете? А про другие моря и реки? Почему они по цвету названы? Ведь должны же быть какие-нибудь на это причины?

— Что верно, то верно, — согласился я. — Причины, несомненно, имеются, и в каждом случае различные… Ну например, Белое море или, скажем, река Белая… Кстати, ты знаешь, где она находится?

— Спрашиваете! — уверенно тряхнул головой Ленька и, раскрыв атлас в нужном месте, ткнул пальцем. — Пожалуйста! В Башкирской Автономной Республике! Город Уфа на ней стоит!

— Да ты заправский географ, — похвалил я его. — Вот давай и сообразим, почему море Белое и река Белая.

— Я думал уже, дядя Семен.

— И что же ты надумал?

— Море, может, потому, что оно находится на севере и покрыто льдами и снегом? — высказал робкое предположение Ленька.

— Для начала недурно, — поощрил я его. — Действительно, некоторые исследователи, которые интересуются происхождением географических наименований, высказывают именно такое предположение. Но есть и другое толкование…

— Какое, дядя Семен? — Ленька так и впился в меня глазами.

— Считают, что море названо Белым по цвету его воды, который светлее по сравнению с другими морями.

— А почему?

— Гм-гм. Как бы это тебе объяснить попроще? Словом, из-за того, что в его воде есть множество таких микроорганизмов… Ты знаешь, что такое микроорганизмы?

— Ну, это в общем такие… самые маленькие живые существа… вроде микробов, — неуверенно ответил Ленька. — Мы

это еще в школе не проходили…

— Вот, вот! Такие мельчайшие организмы, которых в Белом море великое множество, рассеивают проникающие в море солнечные лучи. Поэтому и вода кажется светлее. Понял?

— Ага!

— А что касается реки Белой, то… впрочем, может быть, у тебя есть соображения на этот счет?

Ленька отрицательно помотал головой.

— В таком случае коротко расскажу. Считается, что это название произошло оттого, что берега реки во многих местах имеют беловатый цвет, так как они сложены белыми известняками. Это такая горная порода.

— А Белый Нил? — спросил Ленька. — Он тоже по цвету берегов назван?

— Нет, дружок, его наименование возникло из-за белесоватого цвета воды. Или, например, Красная река на полуострове Индокитай…

— Дядя Семен, а я знаю еще другую реку с таким названием.

— Вот как? Любопытно.

— Это потому, что я теперь изучаю английский язык, — с достоинством пояснил Ленька. — В Соединенных Штатах Америки есть такая река, Ред-ривер называется. «Ред» — по-английски красная, а «ривер» — река. Только почему она красная, я не знаю, — огорченно заключил он.

— Этому горю легко помочь, — ласково потрепав мальчика по плечу, сказал я. — Кстати, в Соединенных Штатах Америки есть еще река, тоже Красная. Известна она под именем Колорадо. Слыхал про такую, может быть?

— В какой-то книжке, кажется, читал, — неуверенно сказал Ленька, наморщив лоб и силясь что-то вспомнить.

— Колорадо, — продолжал я объяснять, — по-испански означает «красная».

— Вот это да! — восхитился Ленька. — И на английском, и на испанском, и на вьетнамском…

— И на многих других языках, — подтвердил я. — В этом нет ничего удивительного. Во все времена люди разных народов давали географические названия по каким-либо характерным особенностям. Так вот, и Красная, и Ред-ривер, и Колорадо получили свои наименования за красноватый цвет воды, который образуется из-за того, что они несут большое количество красной глины. Понятно?

— Само собой, — довольным голосом ответил Ленька. — Только вот… одна река какая-то подозрительная… по названию то есть, — пояснил он, нахмурившись.

— Давай ее сюда, — весело сказал я, — сейчас мы ее разоблачим.

— На юге Африки, дядя Семен! Оранжевая! Больно название чудное. — На Ленькином лице отразилась усиленная работа мысли. — А может… — он вопросительно взглянул на меня, — у нее берега оранжевые какие-то или еще что? Поэтому и имя такое?

Я отрицательно покачал головой и усмехнулся. — На сей раз, брат, ты не угадал. Тут совсем другая причина. Дело в том, что… хотя нет, прежде ответь мне на такой вопрос: ты читал «Капитан Сорви-голова» Луи Буссенара?

— Читал, совсем недавно! — глаза Леньки вдохновенно блеснули. — Ух и книжка интересная!

— Значит, помнишь хорошо ее содержание?

— Спрашиваете! Хотите, расскажу?

— Нет, нет, дружок, не утруждай себя, — поспешно остановил я его, опасаясь, что мой легко воспламеняющийся собеседник погрузится в пучину приключений героя романа Буссенара. — Я попрошу тебя ответить еще на такой вопрос: какая война описывается в этой книге?

— Известно какая, — бойко сказал Ленька. — Буров с англичанами.

— Святая истина, — кивнул я. — А кто такие были буры?

— Ну, дядя Семен, это ж всем известно, — Ленька явно недоумевал, зачем я обо всем этом спрашиваю. — Буры — это… колонисты… переселенцы…

— Опять правильно, — снова согласился я. — Но откуда переселенцы? Знаешь?

— Из Нидерландов! — выпалил Ленька. — В общем из Голландии!..

Я поднял вверх указательный палец и торжественно произнес:

— В этом-то все и дело!

— Чудно! — непонимающе пожал плечами Ленька, фыркнув при этом. — Причем здесь Нидерланды… переселенцы… и вдруг оранжевый цвет.

— А ты не фыркай прежде времени, — назидательно заметил я, строго посмотрев на него. — Если я спросил тебя об этом, значит, была на то причина.

— Да это я так, — начал сразу оправдываться Ленька. — Просто непонятно. Оранжевый цвет и… Нидерланды…

— То-то и оно, что цвет здесь ни при чем…

— А что же тогда?

— Об этом я и хочу тебе рассказать… Название реке дали голландцы, которые в шестидесятых годах XVIII столетия не один

раз пересекали ее.

— А-а-а, — разочарованно протянул Ленька, — вот почему вы меня спрашивали о бурах…

— Отчасти поэтому. Но я не кончил, дружок, потерпи еще немного. Ну-с, так я повторяю, что наименование реки пошло от голландцев.

Но почему они дали реке такое необычное имя — Оранжевая? Оказывается, нет ничего проще, чем объяснить это. Правильнее река должна была бы называться Оранской, потому что голландцы наименовали ее так в честь фамилии принцев Оранских — правителей Нидерландов. С чьей-то легкой руки название Оранская превратилось в Оранжевую, каковое обстоятельство заставляет некоторых молодых людей задавать вопросы, вместо того чтобы, как это им надлежит в столь поздний час, пребывать в объятиях сна.

— Эт… — хотел было что-то сказать Ленька, поднявшись со стула, но я легонько подтолкнул его к двери. — Не экай и не мекай. Больше не скажу тебе ни слова. Мне надо работать, а тебе спать. Спокойной ночи.

Ленька пожелал мне также спокойной ночи и, пообещав завтра навестить меня непременно, выбежал, припрыгивая, из комнаты.

Гремящий дым

Из-за легких стен доносился глухой гул селения: разноязыкие голоса, крики детей, скрип жерновов, мычание скота. Жизнь в арабском селении Уджиджи на берегу озера Танганьика текла своим чередом.

Привычный слух Давида Ливингстона ловил этот монотонный, изо дня в день повторяющийся шум — путешественник надеялся услышать новые звуки, приметы приближающегося каравана.

Исхудавший, замученный лихорадкой и другими болезнями, оставленный большинством слуг, с которыми начинал последнее путешествие, он страстно мечтал о том времени, когда снова пойдет в путь.

Не имея никаких вестей с родины, от близких, Ливингстон чувствовал себя одиноким и покинутым. Болезненное состояние и беспомощность очень тяготили этого деятельного по натуре человека. Большую часть времени он вынужден был проводить в постели, испытывая недомогание.

Полулежа на соломенном мате, покрытом козьей шкурой, Ливингстон просматривал свои дневники, делая в них время от времени пометки и внося исправления. Это были записи его последнего путешествия. Перечитывая отдельные страницы, он то и дело невольно обращался мыслью к прошлому, к первым своим походам, когда он был моложе, крепче, здоровее и когда его окружали верные друзья макололо.

Воспоминания властно овладевали им, и он с наслаждением отдавался их течению, забывая на время свое безрадостное настоящее.

…Вот он плывет на лодке по реке Замбези, или, как ее называют местные жители, Лиамбве.

Берега реки, острова, встречающиеся на пути, покрыты пышной растительностью. Ветви деревьев, склоняющиеся к самой воде, пестрят цветами яркой раскраски. Рядом с изящными, стройными пальмами, листва которых четким силуэтом вырисовывается на фоне безоблачного неба, возвышается то здесь, то там могучий баобаб. Тут же, горделиво распрямившись, стоят серебристые монгононо, напоминающие своим видом ливанские кедры. Поодаль от них возвышаются мацуори с ярко-красными плодами. Эти деревья своим обликом мало чем отличаются от кипарисов. И еще, и еще деревья разнообразных пород. Одни из них похожи на каштаны, другие на вязы, третьи

на дубы.

Любуясь открывшейся его взору картиной природы, Ливингстон с нетерпением ожидает появления знаменитого водопада, о котором не раз слышал от макололо.

Но что это? Впереди, поверх крон деревьев, там, где река делает небольшой поворот, он видит гигантские столбы не то пара, не то дыма! Их пять, этих столбов. Они поднимаются высоко к облакам, появившимся на горизонте, и как бы сливаются с ними, несколько отклоняясь от вертикали под воздействием ветра. Кажется, будто там, за лесом, горят пять колоссальных костров, посылая в небо клубы белоснежного дыма.

Вскоре до слуха Ливингстона стал доноситься какой-то грохот, все более нарастающий.

— Водопад?! Там?! — возбужденно прокричал он, наклонившись к своему коричневому спутнику, ловко орудующему веслом.

Такеленг (так называли этого макололо) невозмутимо кивнул головой.

Челнок продолжал быстро скользить вниз по течению, и Ливингстон жадно впитывал в себя все детали открывшейся панорамы, чтобы потом как можно более полно занести свои впечатления в дневник, который он все время вел.

— А знаешь ли, Такеленг, ведь этого водопада не видел еще ни один европеец! — обратился он опять к гребцу и, не дожидаясь ответа, поднес к глазам бинокль. — По моим расчетам, до водопада осталось не более полумили. Там, посреди реки, я вижу остров. С него должен быть хорошо виден водопад, как мне кажется. Подплывем к острову?

— Туда плыть нельзя, Дауд, — последовал лаконичный ответ, — Моси оа Тунья проглотит нас.

— Как ты сказал? — переспросил Ливингстон. — Моси оа Тунья? Я не раз слышал это выражение от покойного вашего вождя Себитуане. Означает оно, если я не ошибаюсь, на вашем языке «здесь пар издает шум».

Такеленг утвердительно кивнул головой.

— О, теперь для меня понятен вопрос Себитуане, когда он меня как-то в разговоре спросил: «Есть ли в твоей стране пар**ы**, которые производят шум?» Эти столбы дыма и гром водопада столь неразрывны между собой, что в отдельности их и представить себе невозможно. Моси оа Тунья! Какое точное определение! И как образно выражена суть явления!

— Ты, Дауд, легко научился понимать язык макололо, потому что у тебя большое сердце, — одобрительно отозвался Такеленг, и на его невозмутимом лице появилось подобие улыбки.

— Возможно, возможно, — не вникая в смысл слов, сказанных его спутником, рассеянно заметил Ливингстон, не отрывая взгляда от острова. Он был весь во власти одной мысли. — Пойми, Такеленг, я обязательно должен побывать на этом острове!

— Это страшное место, Дауд. Смотри, какая участь тебя ожидает. Вон туда смотри! — Такеленг показал рукой в самую середину стремнины, где какое-то животное делало отчаянные усилия выбраться из пенящегося потока.

— Вижу, вижу, — глядя в бинокль отвечал Ливингстон. — Неужели это бегемот? Конечно, он! Как его швыряет о скалы. Вот бедняга! А, Такеленг? Неужели он не выберется из водоворота?

— Моси оа Тунья не отпустит, — отозвался тот уверенно.

— А ведь бегемоты — отличные пловцы, и силы им не занимать. Ах, как его! Смотри, Такеленг, он уже не в силах сопротивляться течению! Конец! — Ливингстон сокрушенно вздохнул.

— Вот, Дауд, то же самое будет и с нами, если мы решимся плыть к острову. Бегемот сильнее человека и плавает лучше… О-э! — Такеленг замахал рукой людям, сидящим в других лодках, следующих позади. Приставайте к берегу! — И он стал выгребать веслом, искусно выводя челнок из фарватера.

— Ты меня не убедил, Такеленг. Разве можно бегемота сравнить с человеком! Нет! Я никогда не прощу себе, если не воспользуюсь такой возможностью и не взгляну на водопад вблизи… Неужели среди твоих сородичей не найдется смельчака, который согласился бы провести меня туда?

— Мне трудно угнаться за твоими мыслями, Дауд. Но если ты так решил, должно быть, для тебя это очень важно. И я попробую тебе помочь… Я сам пойду с тобой, потому что я воин и не боюсь смерти! — Последние слова Такеленг произнес с горделивым достоинством.

— Вот эта речь мне по душе, — одобрительно подхватил Ливингстон. — Не будем мешкать, друг. Вперед!

— Не торопись, Дауд. Одной храбрости здесь мало. Вон на том челноке есть макололо, которого зовут Туба Макоро. Он знает средство против Моси оа Тунья и очень искусно управляет лодкой…

— Гм. Если не ошибаюсь, в переводе Туба Макоро означает «разбиватель каноэ», — с сомнением глядя на Такеленга, заметил Ливингстон. — Не очень-то обнадеживающее имя…

— Тебя смущает его имя? — сказал Такеленг. — Не тревожься, Туба знает средство против Моси оа Тунья, только он один. Я позову его.

— Зови, — согласился Ливингстон.

— О-э, Туба! — закричал Такеленг. — Иди сюда! Тебя зовет Дауд!

Туба несколькими ударами весла подвел свой челнок к лодке Ливингстона.

— Дауд звал меня, и я пришел. Что нужно от меня Дауду?

— Такеленг говорит, что ты можешь провести челнок к тому вот острову.

— Он сказал правду, — последовал равнодушный ответ. — Когда-то я жил в этих местах и не раз плавал к острову. Оттуда виден весь Моси оа Тунья как на ладони…

— Вот это мне и нужно, — заметил Ливингстон.

— Но тогда я был молод и крепок, а теперь…

— Боишься не справиться?

— Не так говоришь, Дауд. Туба никогда не знал страха. Только всякое дело требует осторожности. Один человек не сможет провести челнок между скалами, даже я. Мне нужен помощник.

— Я не хотел тебя обидеть, Туба, — извиняющимся голосом сказал Ливингстон. — Вот Такеленг согласен пойти с нами.

Туба наклонил голову:

— Этого достаточно. Только твоя лодка, Дауд, не годится. Она слишком тяжела. Переходи в мой челнок. А ты, Такеленг, садись за руль.

Через несколько минут легкий челнок Тубы выплывает на середину реки. Такеленг сидит на корме, выполняя распоряжения Тубы. Ливингстон поместился рядом с ними. Сам Туба, вооруженный длинным шестом, стоит на носу.

Челнок легко скользит вперед, благополучно минуя многочисленные камни и водовороты.

Вдруг перед ним внезапно вырастает над пенящимися волнами остроконечная черная скала. Туба упирается в нее шестом и командует Такеленгу, стараясь оттолкнуться и повернуть нос лодки. Водяные брызги захлестывают сидящих в лодке. Неожиданно шест срывается со скользкой поверхности камня, и челнок со всего маху ударяется боком о скалу. Опять высоко вверх взметаются водяные брызги и наполовину заливают накренившуюся лодку.

— Дауд, пересядь к правому борту и черпай воду. Быстрее, иначе перевернемся, — снова командует Туба.

Ливингстон молча выполняет распоряжение. Он помнит, что звук его речи может уменьшить действие «средства» Тубы против Моси оа Тунья. Об этом он был предупрежден перед началом плавания. Суеверие макололо его насмешило, но он не подал

виду, чтобы не обидеть своих друзей, и решил строго соблюдать это условие. Но тут же его нарушает.

— Уф! Кажется, пронесло! — облегченно вздыхает он, не переставая вычерпывать из лодки воду, когда они благополучно минуют опасное место. Он захвачен остротой борьбы и предвкушает момент, когда они достигнут наконец острова и перед ним откроются сокровенные тайны этого грозного детища природы.

Между тем челнок, направляемый опытными руками его отважных спутников, миновав все опасности, подплывает к острову, расположенному в самом центре реки.

— Выходи, Дауд, — обращается к Ливингстону Туба. — Такеленг проведет тебя к обрыву. Я подожду вас здесь, у лодки.

— Хорошо, — соглашается тот. — Идем, Такеленг.

— К обрыву надо ползти, Дауд. Один неверный шаг — и можно сорваться. Будь, пожалуйста, осторожен, Дауд, — напутствует его Туба.

И вот они на краю обрыва.

С невольным благоговением Ливингстон устремляет взор в глубь разверзшейся под ним огромной пропасти, на дне которой бурлят воды Замбези.

Он видит сплошное белое облако. Это мельчайшие брызги, на фоне которых сказочным рисунком вытканы две яркие радуги. Из облака вырывается гигантская струя пара, поднимаясь на большую высоту. Это один из столбов, из тех пяти столбов, что он наблюдал еще издали, приближаясь на лодке к водопаду.

Наверху пар, сгущаясь, изменяет свой цвет. Становясь

темным, как дым, он падает назад, обрушиваясь градом мельчайших капелек на листву вечнозеленых деревьев и стекая затем многочисленными ручейками. Эти ручьи никогда не достигают дна расселины, так как на полпути их встречает водяной столб и вновь уносит вверх. И так до бесконечности.

По левую сторону от острова со скалы низвергается совершенно прозрачная масса воды, пенящаяся внизу, как в кипящем котле. Белизна пены напоминает чистоту первого снега. Сверкающая пелена этой массы кажется похожей на мириады маленьких комет, устремившихся в одном направлении и оставляющих за своим ядром хвост из пены. И здесь высоко к небу вздымается гигантский водяной столб.

Ливингстон, затаив дыхание, любуется этой непередаваемой картиной, но не забывает и о деле. Ведь он должен попытаться хотя бы приблизительно определить высоту, с которой падает вода. Он прикидывает и так, и этак, и по его предположениям получается, что она равна примерно тремстам футам.

Место, где возник водопад, представляет собой щель, образовавшуюся от правого до левого берега Замбези в твердой базальтовой породе. Оно с трех сторон ограничено обрывами, покрытыми густым лесом. До падения река имеет ширину около полумили, а внизу, зажатая, стиснутая скалами в узком ущелье, едва достигает семидесяти футов.

— Пора возвращаться, Дауд, — как будто издалека доносится до него голос Такеленга.

— Ты прав, друг, — со вздохом сожаления соглашается Ливингстон. — Идем к Тубе, на сегодня хватит.

Столь живо представшие его мысленному взору воспоминания блекнут, становятся расплывчатыми… Снова глухо доносится сквозь легкие стены гул селения, привычный, разноголосый.

Внезапно его натренированный слух уловил какую-то перемену: крики стали сильнее. Ему даже показалось, что он различает звуки ружейных выстрелов.

Недоумевая, что бы это могло быть, Ливингстон сделал несколько шагов к двери, намереваясь выйти, но тут дверь распахнулась, и в проеме появился Суси, его слуга, возбужденный и радостный.

— Большой хозяин, о большой хозяин! — закричал он, захлебываясь от восторга. — Сюда идет белый человек с большим караваном! Это, наверное, твой друг!

— Какой белый человек? — недоверчиво переспросил Ливингстон, волнуясь. — Ты, верно, ошибся, Суси.

— Нет, нет, не ошибся, — замотал тот головой. — Мои глаза сами видели, и я с ним говорил…

— Как говорил?

— Они стреляли из ружей, и народ сбежался им навстречу. А я протиснулся поближе и сказал белому господину: «Good morning!»[19]

Тогда он посмотрел на меня с удивлением и спросил: «Откуда тебя принесла нелегкая?» — «Я Суси, слуга доктора Ливингстона», — ответил я, смеясь от радости. «Как, — спросил он, — разве доктор Ливингстон здесь?» — «Да, сударь», — ответил я. «В этой самой деревне?» — «Да, в этой деревне». — «Правду ли ты говоришь?» — сомневался белый человек. «Верно, верно, сударь, — подтвердил я опять и добавил: — Да я только что вышел от него». — «А доктор здоров?» — «Не совсем, господин». Тогда он мне приказал: «Беги, Суси, и скажи доктору, что я иду к нему». И я побежал…

— Как имя этого человека? Как его зовут? — взволнованно спросил Ливингстон, теряясь в догадках. Он не мог еще поверить, что действительно в Уджиджи появился европеец. — Говори же, Суси.

— Не знаю, хозяин, — пожал тот озадаченно плечами. — Я не спросил.

— Ты что-то путаешь, Суси, — боясь поверить в чудо, сказал Ливингстон. — Беги назад и узнай, как зовут этого человека. Скорее беги.

Слуга опрометью бросился выполнять приказание, а Ливингстон надел шапку и вышел вслед за ним на улицу, где уже начал собираться народ у его дома.

Водопад Моси оа Тунья, названный так местными жителями за его неповторимые особенности, Давид Ливингстон впервые посетил и исследовал в 1855 году. Он был первым из европейцев, которому довелось наблюдать эту великолепную игру природы в глубине Африканского материка.

Путешественник довольно точно определил высоту водопада. Она равна 106 метрам. Впоследствии он еще раз побывал там вместе со своим братом Чарлзом Ливингстоном и другими своими соотечественниками — участниками экспедиции.

Ливингстон назвал водопад в честь королевы Англии водопадом Виктория, и это был единственный случай, когда он заменил местное название английским. Поэтому на нынешних географических картах Африки тщетно было бы искать наименование Моси оа Тунья. Вместо него вы всюду найдете обозначение Виктория.

Конец хобота

Как-то вечером, когда я, по обыкновению, сидел за пишущей машинкой, томимый муками творчества, раздался телефонный звонок.

— Проклятье! — раздраженно произнес я и рывком поднял с рычага трубку, настроясь весьма агрессивно к неизвестному, нарушившему так некстати ход моих мыслей.

Услышав незнакомый мужской голос, очень вежливо обратившийся ко мне, я мгновенно остудил свои чувства и не менее вежливо осведомился, чем могу быть полезен и с кем имею удовольствие разговаривать.

— Прошу прощения за беспокойство, — донеслось до меня с того конца провода, — я звоню по поручению вашего друга.

И мой неизвестный собеседник назвал имя и фамилию моего доброго приятеля, который примерно полгода назад уехал в длительную командировку в Африку — то ли в Египет, то ли в Судан. «Не иначе как жди какого-нибудь поручения», — подумал я, не испытывая при этом особого энтузиазма.

— Я только-только с самолета и спешу передать вам письмо, — продолжал между тем мой невидимый собеседник.

— Письмо? — в полном недоумении переспросил я. — Какое письмо?

Зная, с каким отвращением всегда относился мой приятель к эпистолярному творчеству, я никак не мог взять в толк в первое мгновение, о каком письме идет речь. Но тут же спохватившись, зачастил, стремясь замять возникшую неловкость:

— Ах, письмо? Простите, я не понял! Это чудесно! Это просто великолепно! Весьма, весьма вам признателен!

— Не стоит благодарности, — последовал ответ. — Как бы мне его вам передать?

— Скажите, где вы находитесь, и, если вас это устроит, я немедленно к вам приеду. — Я был крайне заинтригован полученным известием.

Спустя час я уже возвратился из гостиницы «Украина», где остановился звонивший мне человек, и снова восседал за письменным столом, нетерпеливо вскрывая конверт с посланием моего приятеля из далекой Африки.

Вот что оно содержало.

«Старина! Пишу эти строки и не без удовольствия мысленно представляю твой туповатый взгляд, устремленный в одну точку в бесплодных попытках уяснить себе столь невероятный факт, как

получение от меня письма. Уже ради одного этого мне стоило превозмочь свою лень и решиться на такой титанический подвиг. Но спешу тебя утешить. Поводом для письма послужило чувство куда более благородное и возвышенное.

Имя ему дружба! Да, да, дружба искренняя и бескорыстная вложила в мою руку перо, продиктовала это письмо и заставила отправить его с оказией к тебе в Москву.

Ответа не жду — мы с тобой одного поля ягоды, — благодарности же твои готов принять по возвращении домой, где, по выражению милейшего О'Генри, мы подведем под нашу дружбу жидкий, но прочный фундамент.

Итак, напряги свои умственные способности и постарайся одолеть три странички убористого текста. Смею надеяться, что ты не пожалеешь о времени, потраченном на его прочтение. Только об одном прошу тебя: будь терпелив.

Как тебе, должно быть, известно, путь мой лежал в Хартум, столицу Судана, где мне предстояло работать по контракту в течение полутора лет. Почти четыре тысячи километров до Каира ИЛ-18 преодолел за шесть с небольшим часов.

Короткое время пребывания в столице Объединенной Арабской Республики было использовано мной и моими случайными попутчиками для ознакомления, хотя бы беглого, с городом, с его достопримечательностями. Мы побродили по улицам и, конечно, побывали у пирамид, куда нас отвезли на автобусе.

Второй воздушный скачок, от Каира до Хартума, мы проделали на самолете арабской авиакомпании.

Первые дни по прибытии к месту работы я был настолько поглощен всевозможными организационными делами, что не имел буквально ни минуты свободного времени. Так продолжалось недели две. Потом все постепенно наладилось. Появились часы досуга, которые я полностью посвятил (ты знаешь мою любознательность) знакомству со столицей и ее окрестностями.

Вылазки я совершал то пешком, то на автомобиле, который мне любезно предоставляли изредка в нашем посольстве, и за сравнительно небольшой срок довольно основательно изучил город, так что при случае неплохо справился бы с обязанностями гида.

Хартум расположен как раз в том месте, где сливаются воды Белого и Голубого Нила. Суданцы называют Белый Нил Бахр-эль-Абьядом, а Голубой — Бахр-эль-Азраком.

Хартум по существу состоит из трех городов: собственно Хартума, Хартума II, как его здесь именуют, и Омдурмана.

Собственно Хартум утопает в густой зелени деревьев, среди которых вдоль берега Голубого Нила вытянулись кварталы вилл, особняков и административных зданий. Это Хартум деньги и власть имущих.

Хартум II в той его части, которая примыкает к собственно Хартуму, отдан дипломатам: здесь разместилось большинство посольств и представительств. А дальше, к Белому Нилу, начинаются кварталы, где ютится бедный люд.

В самой вершине треугольника, образованного сливающимися реками, лежит Омдурман, в прошлом столица независимого суданского государства, провозглашенного в 1885 году и просуществовавшего всего несколько лет.

С особым волнением бродил я по кривым улочкам Омдурмана, находя своеобразную прелесть в, казалось бы, ничем не примечательных глинобитных строениях, минаретах мечетей, шумной толчее базара. И если ты меня спросишь, красив ли этот город, я, не задумываясь, отвечу утвердительно.

Особенно, на мой взгляд, хорош Омдурман в вечерние часы в сгущающихся сумерках, на фоне еще освещенного солнцем горизонта: причудливые очертания зданий, минаретов и где-то между ними отливающий металлическим блеском купол мавзолея Махди.

Кстати, о Махди. В переводе с арабского «махди» буквально значит «ведомый богом», «посланец неба». Таким «посланцем неба» провозгласил себя некий Мухаммед-Ахмед, принадлежавший к племени данакла. Выходец из бедной семьи, Мухаммед-Ахмед решил посвятить себя религии и, изучив мусульманское богословие, сделался проповедником. Бродя по стране, он страстно обличал в своих проповедях угнетающих суданцев англичан и египтян и призывал народ к восстанию, к борьбе за освобождение от поработителей.

Поднятое и возглавляемое Махди восстание в 1881 году увенчалось успехом, и после взятия в 1885 году Хартума и разгрома английской армии, руководимой генералом Гордоном, махдисты провозгласили независимое государство.

Но Махди недолго радовался своему торжеству: спустя несколько месяцев он умер и был с почестями похоронен в Омдурмане. А через десять лет англичане вновь заняли Хартум и Омдурман, разрыли могилу Махди и сожгли его останки, выстрелив затем его прахом из пушки.

Суданцы, глубоко чтя память своего духовного и военного вождя, воздвигли ему впоследствии мавзолей, и хотя от самого Махди не осталось даже и пепла, со всех концов мусульманского мира сюда стекаются паломники, чтобы поклониться «посланцу

неба». Здесь, в мавзолее, бережно хранятся личные вещи Махди, знамена полков, сражавшихся под его предводительством; здесь же похоронены его родственники.

Таковы некоторые страницы прошлого этой страны, вспомнившиеся мне при взгляде на величественный купол мавзолея Махди. Не взыщи, дружище, если я тебе наскучил такими подробностями, ты же знаешь мою слабость ко всему тому, что имеет привкус истории. Впрочем, для твоей работы такие исторические экскурсы тоже, наверное, полезны.

Что еще сказать тебе о Хартуме? О нильских крокодилах — грозе смельчаков, рискующих купаться в водах великой африканской реки? Вряд ли этим тебя удивишь. О жаре, которую я стоически переношу, потому что ничего больше не остается делать? Но об этом нетрудно догадаться, обладая элементарными познаниями в географии. О фильмах, демонстрирующихся здесь, на экранах хартумских кинотеатров?..

Нет! Не хочу более испытывать твое терпение и перейду к главному, что, собственно, и побудило меня написать это письмо.

Поговорим о полицейских! Да, да, не удивляйся, о хартумских полицейских, которые, как ни странно, должны, я уверен, тебя заинтересовать.

«Что за чушь, — подумаешь ты, прочитав последние строки. — Уж не спятил ли мой приятель, перегревшись на солнце? Какое отношение к географическим наименованиям могут иметь полицейские?»

Дорогой мой, я не хуже тебя знаю, что стражи закона никогда не являлись предметом твоего изучения. И тем не менее…

Собственно говоря, я бы не обратил на них никакого внимания, если бы не одно обстоятельство, которое крайне меня удивило и даже обескуражило.

Представь себе здоровых парней в легких тропических костюмах и черных широкополых шляпах, украшенных… чем бы ты думал?.. эмблемой, изображающей голову слона в профиль! Ты знаешь мой характер: не могу успокоиться до тех пор, пока не найду ответа на интересующий меня вопрос. Сначала я было попытался сам найти объяснение происхождению такой эмблемы, уповая на то, что довольно прилично знаком с прошлым Судана, с его географией и этнографией. Но, увы, мои познания не подсказали мне ответа. Единственное, в чем я был твердо убежден, так это в том, что поблизости от Хартума слоны не водятся и, по всей вероятности, не водились и прежде.

Исчерпав свои, так сказать, внутренние возможности, я обратился за разъяснениями к одному очень знающему, начитанному суданскому чиновнику, с которым мне приходилось

постоянно общаться по службе.

Выслушав меня, он расхохотался.

— Спросите любого хартумца, и он в двух словах разрешит мучающую вас проблему, — сказал он, насмеявшись вдоволь. — В своих предположениях вы с самого начала пошли по ложному пути. Не ищите живых слонов: они тут ни при чем. Все значительно проще. Впрочем, вам, как человеку здесь новому, это может показаться и не столь уж простым. Словом, судите сами.

Приходило ли вам в голову, что полоса земли между Белым и Голубым Нилом, на которой раскинулась наша столица, имеет своеобразную форму и своими очертаниями очень напоминает хобот? Не отвечайте. Я заранее могу сказать, что для вас такая мысль совершенно неожиданна и нова. А между тем это так. И уже давно нашлись люди, которые заметили это необыкновенное сходство. Понимаете?

— Откровенно говоря, не совсем, — сознался я.

— Сейчас вам все станет ясно, — продолжал мой собеседник. — Хартум в переводе с арабского означает «хобот». А более полно название города звучит так: Рас-эль-хартум, то есть «конец хобота». Иначе говоря, форма этого своеобразного полуострова, заключенного между Белым и Голубым Нилом, послужила причиной возникновения географического названия, и этим мы обязаны человеческой наблюдательности. — Чиновник любезно улыбнулся и добавил: — Полагаю, что нет надобности пояснять, почему у полицейских нашего города на эмблеме изображен хобот слона?

Судя по тону, которым была произнесена последняя фраза, мой собеседник был не очень высокого мнения о моей сообразительности. Посчитав совершенно бесполезным разуверять его в этом, я поблагодарил за разъяснения, и мы разошлись. И хочешь верь, хочешь нет, я тут же помчался к себе на квартиру и сел писать это письмо, рассудив, что для тебя услышанное мной может представить несомненный интерес.

Уф! Вот как будто и все. Если ты используешь в своей книге то, что я тебе описал, я буду вполне вознагражден за все мучения, которые испытал, сочиняя едва ли не единственное письмо за всю свою сознательную жизнь.

Жму крепко руку и обнимаю.

Твой…»

Признаюсь, содержание письма меня увлекло с самого начала, но, когда я дошел до заключительной его части, я его буквально глотал и мысленно благословлял своего приятеля за

то, что он вспомнил обо мне и не поленился сообщить столь ценные для моей работы сведения.

Вся эта история с письмом показалась мне настолько неожиданной и оригинальной, что я решил, не мудрствуя лукаво, воспроизвести ее в своей рукописи со всеми подробностями, ничего не меняя и не переделывая.

Течение из залива

В ноябре 1944 года наш артиллерийский полк покинул Норвегию и, пройдя форсированным маршем до Печенги, погрузился там на транспорт для дальнейшего следования в Мурманск.

Осень в том году выдалась поздняя, солнечная и необычно сухая. Баренцево море было спокойно, и мы, стоя на плавно вздымавшемся носу военного транспорта, с наслаждением вдыхали свежий соленый морской воздух, лениво обмениваясь впечатлениями.

Нас было трое: лейтенант Савин — ленинградец, в мирное время кандидат географических наук, преподаватель университета; сержант Селиков — сибиряк лет под пятьдесят, человек малообразованный, но очень любознательный, и я — москвич, пришедший в армию прямо со студенческой скамьи.

Неистощимая любознательность Селикова не раз служила поводом для очень интересных разговоров в нашей компании, и на этот раз не обошлось без поучительной беседы.

Началась она довольно прозаично. Сержант, достав кисет с махоркой и свертывая козью ножку, задумчиво сказал вдруг, ни к кому не обращаясь (обычная для него манера задавать вопросы):

— Чудно как-то. В газетах, еще когда челюскинцев спасали, читал я вроде, что все северные моря зимой сплошь замерзают, а тут чистая вода, хоть и конец ноября на дворе.

— Гольфстрим, — лаконично ответил я, полагая, что этим все сказано.

— Чево, чево? — переспросил Селиков.

— Гольфстрим, — назидательно повторил я. — Так называется теплое морское течение, которое пересекает всю северную половину Атлантического океана с юго-запада на северо-восток, потом попадает в Баренцево море и согревает его воды у берегов Норвегии и Кольского полуострова.

— Неужто? — изумился сержант. — Выходит, этот, как его… Гофстрим, что ли, вроде реки посреди моря?

— Выходит, что так, — улыбнулся я. — Только не Гофстрим, а Гольфстрим.

— Это все едино, — отмахнулся Селиков. — Что так, что эдак, одинаково мудрено. Ты мне лучше скажи, откуда берется этот Гоф… тьфу… Гольфстрим?

— Течение идет к нам от берегов Америки, из Мексиканского залива, где температура очень высокая и океан сильно прогревается, — пояснил я. — Понятно?

Сержант пробормотал в ответ что-то нечленораздельное и принялся раскуривать затухшую самокрутку.

Наступившее молчание было нарушено Савиным, который вдруг начал декламировать стихи. Голос его звучал напевно и даже несколько торжественно:

…Из рассказов о героях
Дней чудесных веры в чудо,
Как ни странно, всех милее
Мне рассказ о дон Хуане
Понсе де Леон, сумевшем
Отыскать в морях Флориду,
Но искавшем понапрасну
Остров счастья Бимини…

— Тебе знакомы эти стихи? — спросил он меня, внезапно оборвав чтение.

Я пожал плечами и осторожно высказал предположение:

— По стилю похоже на Гейне. Но какое отношение имеют эти стихи к нашему разговору? Или они тебе просто так вспомнились?

— Совсем не просто так, — усмехнулся Савин. — Как это ни покажется странным на первый взгляд, процитированный мной отрывок из стихотворения Генриха Гейне (ты угадал) «Бимини» имеет прямое отношение к тому, что сейчас говорилось. И если вы хотите, я охотно объясню.

— Эх, товарищ лейтенант! — смотря на Савина влюбленными глазами, сказал Селиков. — И вы еще спрашиваете! До чего ж я люблю слушать ваши рассказы! Век бы сидел да слушал!

Сержант, столь бесхитростно выразивший восхищение способностями Савина как рассказчика, был недалек от истины. Действительно, этот человек обладал незаурядным талантом увлекать слушателей. Так во всяком случае мне казалось тогда.

— Я попытаюсь представить вам в лицах один исторический эпизод, историю одного плавания, и тогда, надеюсь, вам станет ясно, почему вдруг мне пришли на память стихотворные строки, которые вы только что слышали.

В глазах лейтенанта зажегся огонек вдохновения.

— Итак, действие первое. 1513 год. Остров Пуэрто-Рико.

— А где этот остров находится? — спросил Селиков.

— В Карибском море, в общем у берегов Америки, — отмахнулся Савин. — Не перебивай меня, сержант. Лучше слушай.

…Лучи жаркого полуденного солнца пробивались сквозь густую листву, еще влажную от только что прошедшего ливня, и рассыпались бесчисленными бликами по веранде губернаторского дома.

— Эй, Эстебан! — нетерпеливо позвал один из мужчин, сидящих в глубине веранды у небольшого столика, когда солнечные зайчики забегали по его лицу.

— Я здесь, сеньор губернатор, — откликнулся старый слуга, появляясь из-за угла веранды.

— Переставь стол и кресла так, чтобы солнце нам не мешало, да пошевеливайся побыстрее.

Слуга проворно, несмотря на преклонные уже годы, выполнил распоряжение и, застыв в поклоне, выжидательно посмотрел на своего господина.

— Принеси еще вина и фруктов и убирайся, — раздраженно бросил хозяин дома и, расплывшись в улыбке, любезно обратился к своему собеседнику:

— Итак, дорогой Аламинос, продолжим наш столь некстати прервавшийся разговор… Э-э-э, мне кажется, я не ошибся, когда высказал уверенность, что неожиданное приглашение губернатора Пуэрто-Рико посетить его весьма вас удивило?

Антон Аламинос, известный кормчий, участник многих заокеанских экспедиций, молча наклонил голову.

— Что же, это вполне естественно, — продолжал губернатор, горько усмехаясь. — О чем может говорить старый Понсе де Леон? Что он может предложить заманчивого? Время его безвозвратно ушло. Не так ли?.. Не возражайте, Аламинос, я угадал ваши мысли… Но вы ошиблись, любезный Аламинос, да, да, ошиблись!

Понсе де Леон возвысил голос и горделиво выпрямился в кресле.

— Сейчас я вам докажу, что еще чего-нибудь да стою!

Он снова усмехнулся, на этот раз уже самодовольно, и молодецки покрутил ус.

— Взгляните на этот документ. — Понсе де Леон извлек из кармана камзола сверток. — Это патент, дарованный мне его величеством королем Испании. Теперь я наконец могу осуществить давнишнюю мою мечту отыскать остров Бимини, на котором, по индейским преданиям, бьет источник вечной молодости. Святой крест! Окунуться в волшебный источник, возвратить утраченную юность, горячую кровь, крепость мышц, гладкую кожу! Что вы на это скажете, Аламинос?

Тот только развел руками в знак восхищения энергией и предприимчивостью губернатора. Он уже догадывался о

причинах, побудивших Понсе де Леона вспомнить о нем, но до поры до времени не хотел показать этого и потому спокойно ждал, что последует дальше.

Между тем губернатор с воодушевлением продолжал:

— Я намерен без промедления, теперь же, когда у меня есть разрешение короля, отправиться в плавание. К тому же я самого высокого мнения об искусстве кормчего Антона Аламиноса, — он кивнул в сторону своего собеседника, и тот в ответ чуть привстал в кресле и поклонился. — Я решил переговорить с вами лично и попытаться заинтересовать вас в затеваемом мной предприятии. Условия будут самыми выгодными. Я уже не говорю о том, что вы получите возможность, как и все остальные участники плавания, вернуть себе молодость, искупавшись в чудесном источнике.

Предложение красноречивого губернатора показалось Аламиносу чрезвычайно заманчивым: перспектива вновь обрести юность, бесспорно, была весьма соблазнительной.

После непродолжительного раздумья, мысленно взвесив все «за» и «против», он заявил Понсе де Леону, что готов принять участие в экспедиции и что с особенным удовольствием дает свое согласие, зная выдающиеся качества сеньора губернатора.

— Я рад, Аламинос, что в вас не ошибся. Я всегда считал вас благоразумным человеком, — с удовлетворением сказал Понсе де Леон, разливая в бокалы вино.

— И вы не раскаетесь, клянусь честью, в принятом решении, — продолжал он. — Перейдем же к делу. Я полагаю, что, не мешкая, надо снарядить корабли и набрать экипажи. Последнее я намерен поручить вам, любезный Аламинос. Думаю, что это не составит для вас большого труда. Поход предстоит нетяжелый, а, кроме того, памятуя конечную цель плавания, мне кажется, нет никакой нужды быть слишком разборчивым при подборе людей. Берите стариков и даже увечных, они особенно охотно согласятся участвовать в путешествии, когда узнают, что смогут излечиться от недугов и вернуть себе молодость. Всем остальным займусь я сам. По рукам, Аламинос, и да поможет нам пресвятая дева Мария!

С этими словами Понсе де Леон поднялся с кресла и осушил свой бокал. Кормчий последовал его примеру…

Лейтенант Савин на мгновение остановился, как бы что-то припоминая, и затем продолжал:

— Подробно описывать ход плавания я не буду. Скажу лишь, что поиски острова Бимини с чудесным источником были, как вы, наверное, догадываетесь, безуспешными. Но взамен легендарного острова испанцы открыли неведомую доселе европейцам землю, покрытую роскошной тропической растительностью. Этому

благодатному краю они дали название Флорида, что в переводе с испанского означает «цветущая».

После бесплодных поисков источника вечной молодости флотилия повернула обратно и поплыла на юг вдоль берегов вновь открытой земли.

— Все, что ты рассказываешь, очень интересно и поучительно, — не утерпев, прервал я рассказчика, — но где же связь с Гольфстримом? Есть все, о чем говорится в стихотворении Гейне, но Гольфстрим… пока о нем ты не сказал ни единого слова.

— Это верно, — согласился Савин. — Но ты несколько поспешил с выводами, потому что я как раз подхожу к этому. Просто я хотел ввести вас в историческую обстановку. А теперь попробуем представить себе заключительное действие плавания, которое происходит у южной оконечности полуострова Флорида.

…Корабли стоят на якорях, но не все. Одно судно отсутствует. Где оно? Об этом мы узнаем из разговора Понсе де Леона и Аламиноса, которые прохаживаются по палубе, время от времени останавливаясь и всматриваясь в морскую даль.

— Подумать только, сорвало корабль с якоря при совершенно ясной погоде и спокойном море! Небывалый случай! — удивленно говорит Понсе де Леон.

— Я обратил внимание на это течение еще тогда, когда мы плыли на север, — хладнокровно замечает Аламинос. — Но в тот раз оно не показалось мне столь сильным. А здесь оно ощущается особенно заметно.

— Это просто непостижимо! — продолжает удивляться Понсе де Леон. — Какое-то дьявольское наваждение! — В голосе его слышны нотки недовольства.

— Оно берет начало где-то на западе, — задумчиво говорит кормчий. — Но как велика его сила и как далеко простирается действие этого течения? Если оно такое мощное, каким показалось нам здесь, то, быть может, им следует пользоваться нашим кораблям, возвращающимся из Нового Света в Старый?

— Мечты, бесплодные мечтания, Аламинос! — раздраженно ворчит Понсе де Леон. — Меня совершенно не интересует ваше течение, и вам не советую забивать голову этим вздором. Мы должны думать об острове Бимини и продолжать его поиски.

— Может статься, вы и правы, сеньор Понсе де Леон, — отвечает Аламинос, — но Бимини мы пока не нашли, а течение есть.

— Оставьте меня в покое с вашим течением. Мне не до него! А! Взгляните, Аламинос! Вот возвращается унесенный этим проклятым течением корабль. Наконец-то! Дайте сигнал к

отплытию, Аламинос, мы можем отправляться. И будьте внимательны, самое главное, будьте внимательны, мы продолжим поиски Бимини…

— Вот и все, — заключил лейтенант. — Так впервые было обнаружено это течение, теплое дыхание которого мы ощущаем сейчас здесь, в Баренцевом море.

— А название? — спросил Селиков. — Этот, как его… Гольфстрим. Почему называется так течение?

— Я как раз хотел этим кончить, — кивнул головой Савин. — Испанцы, которым впоследствии удалось проследить направление этого течения во время плаваний в Мексиканском заливе, наименовали его «течением из залива», полагая, что оно зарождается именно здесь, в заливе. Затем долгое время оно было известно под именем Флоридского, а с 1772 года по предложению американского ученого и дипломата Вениамина Франклина окончательно утвердилось нынешнее название течения — Гольфстрим, образованное двумя словами: «гольф» — залив и «стрим» — течение.

Селиков хотел задать еще какой-то вопрос, но в это время появился ординарец командира полка с приказанием Савину срочно идти к начальнику штаба. Беседа наша прервалась.

Море посреди океана

Подгоняемые свежим ветром каравеллы быстро удалялись от Палоса[20]. С каждой минутой расстояние, отделяющее суда от земли, увеличивалось и очертания домов, густо усыпавших берега Рио-Тинто[21], и мачты стоящих на рейде кораблей становились все более смутными и расплывчатыми.

Десятки глаз жадно следили за исчезающим в легкой дымке городом, как будто хотели на всю жизнь запечатлеть в памяти милую сердцу картину родины.

Во взорах моряков было написано сожаление и тревога. Сожаление — обо всем том, что они оставляли на берегу, оставляли, быть может, навсегда; тревога — за будущее, страшившее своей неизвестностью.

«Что-то будет? — думал каждый из них. — Куда поведет их этот чужеземец, сумевший бог весть как войти в доверие к кастильским королям[22] и получить начальство над экспедицией?» Подготовка к ней была окружена такой таинственностью, что поневоле в голову приходили самые мрачные предположения. Многие мысленно прощались навсегда с родными местами, не надеясь возвратиться домой целыми и невредимыми. Перспектива плавания по безбрежному океану вдали от земли пугала суеверных моряков, как пугает все неведомое.

Флотилию возглавляла «Санта Мария» — судно, снаряженное самим начальником экспедиции Христофором Колумбом.

В отличие от своих спутников Колумб не бросал тоскливых взглядов на скрывающиеся позади берега Испании. Глаза его радостно блестели и были устремлены в противоположную сторону, туда, где на горизонте небо сливалось с морем. Казалось, он хочет взором ускорить бег корабля, приблизить его к заветной цели.

Он был весь во власти дум.

Итак, ему удалось добиться-таки своего. Одному ему ведомо, скольких трудов, упорства и настойчивости это стоило. Восемь лет беспрестанных усилий, переходов от надежды к разочарованию и от отчаяния к новой надежде. Восемь лет обивания порогов в королевских передних в Португалии, Испании, снова в Португалии и снова в Испании, в Англии, Франции…

В Португалии его проект поисков Азии на западе Атлантического океана отверг Совет математиков, в Испании — специально созданная для этого комиссия, а затем Совет

экспертов. Комиссия мотивировала свое решение тем, что такая экспедиция якобы бесплодна, ибо, по мнению блаженного Августина, на стороне земного шара, противоположной Европе, суши быть не может. Было высказано также опасение, что океан недоступен для плавания и что, если кому-либо удастся добраться до антиподов, он не сможет уже вернуться обратно.

Совет же экспертов попросту признал претензии Колумба чрезмерно большими.

И, несмотря на все, он победил. Он сумел заинтересовать своим предприятием представителей купеческих кругов Испании, и они наконец согласились финансировать экспедицию.

Теперь все мытарства позади. В шкатулке, хранящейся в его каюте, лежат документы, дарующие ему в случае успеха все то, о чем он мечтал. О, он отлично помнит, что в ней говорится:

«Поскольку вы, Христофор Колумб, отправляетесь по нашему повелению для открытия и приобретения некоторых островов и материка в море-океане на наших кораблях и с нашими людьми и поскольку мы надеемся, что с помощью божьей и благодаря вашей предприимчивости будут открыты и приобретены некоторые из этих островов и материк в упомянутом море-океане, мы считаем справедливым и разумным вознаградить вас за труды, которые вы несете на нашей службе. И, желая оказать вам надлежащие почести и милость за все вышеупомянутое, мы свою волю и милость изъявляем следующим образом.

После того как вы, упомянутый Христофор Колумб, откроете и обретете указанные острова и материк в море-океане или иную любую землю из их числа, да будете вы нашим адмиралом островов и материка, которые будут открыты и приобретены вами. И да будете вы нашим адмиралом и вице-королем и правителем в этих землях, которые вы таким образом откроете и приобретете. И отныне и впредь можете вы именовать и титуловать себя доном Христофором Колумбом, а ваши сыновья и потомки, исполняя эти должности и службу, могут также носить имя, титул и звание дона, и адмирала, и вице-короля, и правителя этих земель.

И этим письмом или копией его, скрепленной подписью нотариуса, повелеваем мы… считать и полагать вас отныне и далее в течение всей вашей жизни, а после вас в течение жизни вашего сына и наследника и так от наследника к наследнику навсегда и навечно нашим адмиралом упомянутого моря-океана и вице-королем и правителем упомянутых островов и материка…»

Впрочем, радоваться еще рано. Самое трудное теперь впереди. Предстоит долгий путь на плохо приспособленных к

дальним плаваниям судах с недружелюбно, а подчас и просто враждебно настроенными спутниками, путь в неизведанные воды океана, где до него, вероятно, не был ни один мореплаватель.

Все знание мореходного искусства, все умение и опыт понадобятся ему для успешного завершения задуманного предприятия…

Колумб понимал, что ему придется выдержать борьбу не только со стихией, но и с людьми, его сопровождающими. Мало вести корабли твердой рукой по намеченному курсу, необходимо суметь поднять дух моряков, победить их страх, завоевать доверие. Хватит ли у него сил на это, он не знал, но был полон решимости не отступать от задуманного.

Колумб очнулся от обуревавших его мыслей и увидел, что маленькая флотилия уже находится в открытом море. Берега Испании скрылись вдали. Впереди простиралась бесконечная водная пустыня океана.

С первых же дней плавания начались неприятности. Из-за поломки руля «Пинты» — одного из кораблей экспедиции — и обнаружившейся в ее корпусе течи пришлось почти месяц провести на Канарских островах. Когда же наконец самый западный остров Канарского архипелага Ферро скрылся за горизонтом и каравеллы снова очутились среди пустынных волн океана, мореплаватели опять приуныли и пали духом.

Колумб тотчас же уловил перемену в настроении людей. Он живо представил себе гибельные для экспедиции последствия, которыми могло быть чревато такое положение, и принял решение отсчитывать доли пути меньше, чем они будут проходить в действительности, вернее, не отсчитывать, а объявлять об этом экипажам судов. Такая предосторожность была нелишней на тот случай, если плавание окажется более длительным, нежели он предполагал: людьми не должны овладеть страх и растерянность.

Дни сменялись днями. Океан оставался пустынным и казался путешественникам неприветливым, хотя погода благоприятствовала плаванию. Нервы у всех находились в постоянном напряжении. Любое событие, даже самое, казалось бы, ничтожное, воспринималось мореплавателями или как признак приближающейся земли, или же как грозное предупреждение о надвигающейся опасности. Больше всего спутники Колумба опасались, что на обратном пути не будет попутных ветров, корабли не смогут вернуться в Испанию и они больше никогда не увидят родных мест.

На десятый день после отплытия с Канарских островов в океане появились пучки плавающей зеленой травы, и с каждым

последующим днем ее становилось больше и больше.

Мореплаватели воспрянули духом. Что иное могли означать эти скопления водорослей, как не близость земли? Взоры всех были устремлены туда, где в любое мгновение могла появиться долгожданная суша.

Когда Колумбу доложили о появлении в океане травы, он вышел на палубу вместе с сопровождавшим его в экспедицию королевским контролером Родриго Санчесом де Сеговией. Взглянув на поверхность моря, покрытую островками плавающих водорослей, начальник экспедиции подозвал проходившего мимо матроса:

— Эй, друг, как давно появилась эта трава?

— С самого рассвета, ваша милость, — отвечал тот, останавливаясь.

Колумб наклонился над бортом и стал пристально разглядывать плывущие навстречу каравелле водоросли. Сеговия последовал его примеру.

— Не свидетельствует ли появление этой травы о близости Азиатского материка? — предположил королевский контролер. Голос его выражал скрытую надежду.

— Может статься, дон Родриго, может статься, — ответил Колумб. — Земля близка, сомнений нет, но вряд ли это материк, который мы ищем. По моим расчетам, он должен быть дальше. Скорее всего, где-то поблизости расположен остров, о существовании которого нам неизвестно. Видимо, сильная буря оторвала водоросли от его берегов и пригнала их сюда.

— Прикажите дозорным удвоить внимание! — воскликнул

королевский контролер.

— В этом нет надобности, дон Родриго, — покачал головой Колумб, — люди и так не спускают глаз с горизонта ни днем ни ночью. — Он присмотрелся к проплывающим мимо скоплениям водорослей и с удивлением заметил: — Какие странные, необычные растения. Они, по-видимому, очень крупны. Мне не доводилось видеть ничего подобного у берегов Испании и Италии. А вам?

Родриго Санчес де Сеговия в свою очередь некоторое время наблюдал за водорослями. Потом, заметив что-то необычное, он сказал:

— В самом деле, они какие-то особенные. И к тому же эти плоды! Водоросли с плодами! Каково? Чудеса, да и только!

— Нас ждут еще не такие чудеса, дон Родриго, — уверенно заметил Колумб. — Все еще впереди! — И, взяв под руку королевского контролера, он повел его в каюту, где их ожидал завтрак.

Прошел день, второй, третий, а океан оставался по-прежнему пустынным и безбрежным. Только поверхность его, как и прежде, была покрыта скоплениями водорослей, вселивших напрасные надежды в сердца мореплавателей.

На смену радостному возбуждению снова явился страх и недовольство. Команда опять начинала роптать.

* * *

Как оказалось впоследствии, увиденные Христофором Колумбом и его спутниками плавающие водоросли являются постоянными жителями океана. Они занимают огромное пространство Атлантики, ограниченное тремя морскими течениями: Канарским, Северным Экваториальным и Гольфстримом.

Эти водоросли имеют сильно разветвленную форму и нередко достигают больших размеров — четырех — шести, а то и десяти метров в длину. Плоды, о которых шла речь в разговоре Колумба с его собеседником, при тщательном ознакомлении с водорослями оказались наполненными воздухом пузырями, с помощью которых водоросли держались на поверхности океана.

История свидетельствует, что, когда португальцы впервые столкнулись в своих плаваниях с этим необычайным явлением и увидели эти пузырьки, последние им напомнили своей формой сорт винограда, который у них на родине носил название «сарга».

С тех пор часть Атлантического океана, занятая плавающими водорослями, стала именоваться Саргассовым морем.

Дымящая гора

Они любили друг друга очень давно, еще с юных лет.

Икстаксихуатль, дочь могущественного правителя ацтеков, затмевала прелестью, изяществом, скромностью и душевностью всех девушек вокруг. Попокатепетль был самым бесстрашным из воинов государства. Его сила, ловкость, мужественная красота привлекали взгляды многих женщин, заставляя сильнее биться их сердца.

Но он был верен своей избраннице, которая платила ему тем же. Украдкой встречаясь в роскошных садах, окружавших дворец ее отца, влюбленные клялись друг другу в вечной любви и мечтали о том времени, когда они смогут соединиться навсегда и зажить своей семьей.

Шло время. Отец Икстаксихуатль дряхлел, а враги его тем временем не дремали. Они решили, что правитель ацтеков стал стар и немощен и поэтому не составит большого труда напасть на него и захватить его владения. Война придвинулась вплотную к границам государства ацтеков.

Призвал тогда старый властитель своих воинов и сказал, обращаясь к самым молодым и бесстрашным из них:

— Кто из вас сумеет победить врагов, напавших на нашу страну, тот получит в награду за это верховную власть и станет мужем моей дочери Икстаксихуатль!

Воины встретили речь своего вождя радостными возгласами.

Каждый из них счастлив был бы получить в жены прекрасную девушку, всем не терпелось сразиться с врагом.

Быстро собралось войско, и повел его отважный Попокатепетль навстречу приближающемуся противнику.

Бесстрашно сражались воины, защищая владения своего повелителя. Много крови пролилось и с той, и с другой стороны, силы, казалось, были равными.

Но отважнее всех бился Попокатепетль. Великая любовь укрепляла его руку, обостряла взор, закаляла ум.

Не выдержали могучего натиска ацтеков враги, дрогнули они и обратились в бегство. Победа уже была не за горами.

В это время соперники Попокатепетля, успехи которого лишали их всякой надежды на прекрасную Икстаксихуатль, а вместе с этим и на трон, сговорились и послали вестника, наказав ему, чтобы он явился во дворец и сообщил о гибели Попокатепетля.

Лишь только эта ужасная весть коснулась ушей принцессы, она слегла, снедаемая каким-то непонятным недугом. Напрасно

отец приглашал жрецов, напрасно они творили всевозможные заклинания. Ничего не помогало.

Икстаксихуатль с каждым днем все больше и больше слабела. Она не хотела никого видеть, никого слышать, отказывалась от пищи и вскоре погрузилась в вечный сон, от которого нет пробуждения.

Ее старый отец был вне себя от горя, но еще более велико было отчаяние Попокатепетля, вернувшегося с победой в столицу и услышавшего о смерти своей прекрасной возлюбленной.

Он сорвал с себя праздничный торжественный наряд победителя и удалился в окрестности города, где тотчас же приступил к постройке огромной пирамиды.

Завершив работу, он возложил на вершину пирамиды бездыханное тело своей ненаглядной Икстаксихуатль и тут же, не отдыхая ни минуты, принялся возводить вторую пирамиду, предназначая ее для себя.

Когда вторая пирамида была готова, он взял факел и встал на ее вершине, чтобы негасимое пламя вечно освещало могилу прекрасной его возлюбленной.

Миновали годы и столетия, глубоко под собой погребли снега юную Икстаксихуатль и верного в своей любви отважного Попокатепетля, но факел, зажженный его рукой, продолжает пылать и поныне…

Таково поэтическое предание мексиканцев, объясняющее возникновение вулкана Попокатепетль, расположенного неподалеку от столицы Мексики Мехико.

В переводе с языка ацтеков «попокани» — дымящий, «тепетль» — гора.

Открытие океана

Это было в те времена, которые историки назвали эпохой Великих географических открытий.

По пути, проторенному знаменитым генуэзцем Христофором Колумбом к берегам Нового Света, как тогда именовалась Америка, устремились сотни и тысячи испанских искателей приключений, обуянных жаждой славы и богатства.

В поисках неведомых стран, изобилующих золотом и жемчугом, проникали они в глубь вновь открытого материка, с оружием в руках утверждая там свою власть именем короля Испании.

Неразборчивые в средствах завоеватели (в истории они известны под именем конкистадоров) расправлялись с коренным населением, уничтожая его или обращая в рабство.

Ради обогащения, в борьбе за власть и первенство они жестоко соперничали друг с другом, и это нередко кончалось гибелью менее удачливых из них.

Об одном из таких людей и о совершенном им открытии этот рассказ.

…Было раннее утро 25 сентября 1513 года.

Солнце уже поднялось над горизонтом, но его живительные лучи едва проникали в глубину тропического леса, по которому медленно пробирался отряд испанцев. Тяжелые испарения поднимались от пропитанной влагой земли, стесняя дыхание. Влага блестела крупными каплями на шлемах и латах людей, на лоснящихся крупах лошадей.

Каждый шаг давался с трудом: на пути отряда стояла почти непроходимая чаща тропических деревьев, перевитая бесчисленными лианами. Обойти ее было невозможно, она тянулась на многие километры во все стороны. А идти вперед значило прорубаться сквозь дебри этого полного неожиданностей темного и удушливого леса.

И отряд прорубал себе путь, пуская в ход топоры, мечи, кинжалы.

Впереди шли, указывая дорогу, сопровождающие испанцев индейцы. Вслед за ними в голове отряда ехал его предводитель Васко Нуньес Бальбоа.

Вид у него был крайне утомленный и мрачный. Резкие складки у рта подчеркивали волевое и жестокое выражение лица, а отсутствующий взгляд свидетельствовал о том, что думы командира отряда где-то очень далеко.

Мысли Бальбоа были тревожные и невеселые. Король недоволен им, ему угрожает немилость, а за совершенные им преступления его могут судить и обезглавить. Если только… если только он не совершит какого-нибудь важного открытия, не присоединит к владениям испанской короны новых богатых земель. Для того он и пустился в этот опасный поход, другого выхода у него не оставалось. Что он собой представляет? Что имеет за душой? Человек без состояния, без связей, он отправился в поисках счастья в Новый Свет. И с первого же дня его преследуют неудачи. Корабль, на котором он плыл, пошел ко дну у берегов Эспаньолы[23]. Ему удалось, правда, спастись и добраться до берега, где он попытался заняться земледелием. Но вскоре он влез в долги и вынужден был бежать от кредиторов. Все его имущество в ту пору составляли ржавая кольчуга, меч да собака.

Прослышав о том, что некий состоятельный испанец Энсисо снаряжает корабль в Новую Андалузию[24], он тайком пробрался на судно и спрятался в бочке между запасами провизии. Когда корабль был уже в открытом море, он выбрался из своего убежища и был арестован по приказанию Энсисо, но затем вскоре освобожден.

В Сан-Себастьяне — поселении, основанном губернатором Новой Андалузии Охедой, никого не оказалось. Город был разрушен, и Бальбоа удалось уговорить Энсисо плыть в Дарьен[25], чтобы основать там новое поселение, хотя формально эта территория принадлежала губернатору Золотой Кастилии[26] Никуэсе, находившемуся еще в Испании.

На новом месте испанцы обнаружили в индейском селении хлопчатобумажные ткани и золото и, воодушевленные первым успехом, прониклись уважением к Бальбоа, по чьему совету они сюда прибыли. Они избрали его судьей, и он приобретал все большее влияние на своих спутников, тогда как престиж Энсисо с каждым днем падал. Наконец, воспользовавшись благоприятным моментом, Бальбоа лишил Энсисо его полномочий под предлогом, что его права как компаньона Охеды распространяются только на Новую Андалузию, арестовал его и выслал в Испанию.

Пока Бальбоа обосновывался в созданной им колонии Санта-Мария-дель-Антигуа и подчинял своей власти окрестные индейские племена, законный губернатор Золотой Кастилии Никуэса держал путь к своим владениям.

Высадившись на Панамском перешейке, он было основал там колонию, но вскоре вынужден был покинуть это место, так как болезни и голод грозили уничтожить полностью его отряд. Тогда

Никуэса с остатками своих людей явился в Санта-Мария-дель-Антигуа и потребовал у Бальбоа награбленные им богатства, сославшись на то, что все в Золотой Кастилии принадлежит губернатору. При этом он предъявил патент короля.

Расстаться с золотом и властью, которой Бальбоа добился после стольких неудач, было выше его сил, и он, воспользовавшись тем, что сила была на его стороне, приказал посадить Никуэсу и тех из его спутников, которые остались ему верны, на корабль и, не снабдив его даже продовольствием, отправил в открытое море.

Никуэса, конечно, погиб, в этом нет никакого сомнения. Но что оставалось ему, Бальбоа, делать? Если бы он уступил Никуэсе, то снова вернулся бы к первоначальному своему состоянию, а теперь, избавившись от соперника, он единоличный властитель окружных земель и сможет осуществить широкие завоевательные планы, которые вынашивает уже давно.

От индейского вождя Комагре он слышал не раз о стране, изобилующей золотом и жемчугом, куда можно попасть, перейдя через горы и переплывя какое-то море. В этой стране живет сильный и воинственный народ, и, чтобы завоевать ее, необходимо большое войско. Когда он завоюет эту страну и пришлет в Испанию корабли с золотом и другими драгоценностями, король сменит гнев на милость… А пока ему стало известно, что король Фердинанд разгневан.

Энсисо, возвратившийся в Испанию, подал на него, Бальбоа, жалобу, обвиняя его в самоуправстве. Королю доложено и о гибели губернатора Золотой Кастилии Никуэсы, в которой повинен опять же он, Бальбоа. Плохо, хуже быть не может. Не сносить ему головы, если не удастся поразить воображение государя новым великим открытием. В этом его единственное спасение.

Где же оно, это море, обещанное индейцами? Путь невероятно тяжел, люди гибнут, силы тают…

Бальбоа поднял опущенную на грудь голову и мрачно посмотрел на вытянувшуюся цепочку отряда. Темная масса леса нехотя пропускала людей, расступаясь под ударами топоров и мечей, и казалась бесконечной.

Из авангарда, с трудом пробираясь навстречу движению отряда, подъехал помощник Бальбоа, которого тот приставил следить за индейцами, идущими впереди.

— Проводники утверждают, что мы подходим к горе, с вершины которой можно увидеть, как они говорят, большую воду, — слегка запыхавшись, сообщил он.

Бальбоа повеселел. Морщины на лице разгладились, и взгляд

прояснился.

— Вот как, — сказал он, сразу почувствовав прилив энергии. — Значит, приходит конец нашим мытарствам! Скажите индейцам, что я сам поднимусь на вершину. — И, пришпорив коня, он последовал за своим помощником вперед.

Забыв об усталости и осаждавших его горестных мыслях, Бальбоа нетерпеливо подгонял индейцев, шедших перед ним по горному склону. Отряд его остановился внизу и замер в ожидании.

Наконец показалась вершина горы. Бальбоа ступил на ее высшую точку и устремил жадный взгляд в том направлении, куда показывала рука одного из индейских проводников.

Зрелище, открывавшееся его взору, наполнило восторгом и гордостью его сердце. Впереди, в южном направлении, насколько хватал глаз, простиралась необозримая гладь океана. Его поверхность серебрилась под лучами яркого солнца.

Бальбоа перекрестился и пробормотал благодарственную молитву.

Вдруг за его спиной раздались радостные крики. Это испанские солдаты, оставшиеся внизу, будучи не в силах оставаться долее в неведении, последовали за своим предводителем и тоже увидели море. Они кричали, размахивали руками в избытке чувств, многие плакали от восторга и славили имя божие.

Когда все несколько успокоились, Бальбоа приказал поставить на вершине горы каменные столбы и деревянные кресты в память об их пребывании здесь и в знак того, что эта территория отныне принадлежит Испании. Затем отряд спустился с горы и продолжал путь к берегу моря.

Лишь на четвертый день испанцам удалось наконец достигнуть побережья. Они очутились на берегу глубокой бухты. Это было 29 сентября 1513 года, в день святого Михаила. В честь него бухта получила название Сан-Мигель.

Было время отлива, и океан далеко обнажил дно бухты. Но как только начался прилив, Бальбоа в полном вооружении, держа в руке испанское знамя, вошел по грудь в воду залива и торжественно зачитал заранее составленную по его распоряжению грамоту:

«Я, Васко Нуньес де Бальбоа, вступаю во владение для кастильской короны этими южными морями, землями, берегами, гаванями и островами со всем, что в них содержится… И если иной царь или вождь, христианин или сарацин, заявит свои притязания на эти земли и моря, то я готов во всеоружии оспаривать их у него и воевать с ним во имя государей Кастилии,

как настоящих, так и будущих. Им принадлежит и власть, и господство над этими Индиями, острова, как Северный, так и Южный, материки с их морями от Северного полюса и до Южного, по обе стороны экватора, внутри и вне тропиков Рака и Козерога… и ныне и во веки веков, пока будет существовать мир, до страшного суда над всеми смертными поколениями людей».

Вновь открытое море Бальбоа назвал Южным в противоположность Северному морю, как именовали тогда Атлантический океан. Здесь, на берегу одной бухты, испанцы обнаружили золото и жемчуг. Окрестные жители указали им путь к Жемчужным островам, а также рассказали, что далеко на юге, за морем, лежит богатая страна, управляемая вождем Биру.

Нагруженные богатой добычей, завоеватели в январе 1514 года возвратились в основанную ими колонию Санта-Мария-дель-Антигуа, и Бальбоа тотчас же отправил в Испанию донесение о совершенном им великом открытии вместе с пятой частью добытых им богатств, которая предназначалась королю.

А спустя несколько месяцев в Золотую Кастилию прибыл новый губернатор, Педрариос де Авила. Он пригласил к себе Бальбоа и сообщил ему, что король остался доволен посланным Бальбоа донесением и богатыми трофеями и милостиво прощает ему все его проступки, большие и малые.

— Вы отважный человек, сеньор Бальбоа, — сказал затем губернатор. — У вас большое будущее, и я не прочь с вами породниться.

— Сочту за большую честь, — ответил польщенный Бальбоа.

— В таком случае мы подпишем здесь брачный договор, и

моя жена с первым же попутным кораблем отправится в Испанию, чтобы привезти дочь, — заключил разговор Авила. — А в ближайшее время мы потолкуем с вами о том, что следует предпринять для новых открытий и завоеваний.

Бальбоа раскланялся и покинул нового губернатора в самом радужном настроении. Судьба наконец ему улыбнулась. Он сделается родственником губернатора Золотой Кастилии и в будущем сможет добиться еще больших успехов.

Между тем коварный Авила вынашивал планы расправы со своим опасным соперником. Он не намерен был делить власть ни с кем, и в первую очередь ему нужно было избавиться от Бальбоа, который ради своих честолюбивых замыслов мог решиться на любой шаг.

Скорая и беспощадная расправа с Никуэсой служила тому лучшим примером. Предложение породниться должно было по замыслу Авилы усыпить бдительность Бальбоа.

Поручив будущему своему родственнику построить корабли на берегу открытого им залива в Южном море, чтобы успешнее осуществлять дальнейшие открытия, Авила воспользовался каким-то поводом, чтобы предъявить Бальбоа обвинение в превышении власти. Он приказал арестовать его и заключить под стражу.

Суд, одним из членов которого оказался обиженный некогда Бальбоа Энсисо, вернувшийся в Новый Свет, к новому обвинению добавил старое — убийство Никуэсы — и приговорил Бальбоа к смерти за измену.

Так закончилась жизнь Васко Нуньеса Бальбоа, человека, которому довелось первым из европейцев увидеть Южное море и совершить по нему плавание. Так бесславно погиб человек, совершивший великое географическое открытие.

А спустя три года после смерти Бальбоа три испанские каравеллы пересекли Южное море с востока на запад, достигнув Филиппинских островов. Возглавлял эту экспедицию португалец на испанской службе Фернандо Магеллан.

* * *

Южное море — так назвал испанец Васко Нуньес Бальбоа открытое им огромное водное пространство по другую сторону Америки. Пройдет несколько лет, и португалец Фернандо Магеллан пересечет это море и назовет его Тихим морем, Тихим океаном за то, что на всем протяжении плавания погода стояла

хорошая, море было спокойно.

Город мира

Историю, о которой я намерен рассказать, мне довелось вычитать в одной из книг, обнаруженных в библиотеке моего доброго знакомого, которому эта библиотека досталась в наследство от дедушки — страстного библиофила.

Мы затратили с другом немало вечеров на то, чтобы привести в порядок это собрание книг, после того как оно было доставлено на новое место жительства.

Чего только не было в библиотеке дедушки! Судя по всему, круг его интересов был поистине безграничен. И произведения греческих и латинских авторов в оригинале и в переводе, и собрания сочинений русских и иностранных классиков, и толстые фолианты справочников на многих языках, и исторические и литературоведческие работы, труды по психологии, искусству, языкознанию, политической экономии, философии и многие другие.

Глаза мои разбегались от жадности, хотелось все просмотреть, ничего не упустить. Особенно мое внимание привлекали книги по истории, и в первую очередь, конечно, по истории географических открытий.

Перебирая в один из вечеров пыльные тома, я наткнулся на одну книгу, которая сразу же меня заинтересовала.

Это был старый, пухлый, растрепанный том с оторванным переплетом и без титульного листа. При самом беглом просмотре нетрудно было удостовериться, что в книге недосчитывается многих страниц. Но отдельные строчки, случайно выхваченные мной из текста, настолько насторожили меня, что я тут же, забыв обо всем, пристроился на кончике стула и принялся за чтение.

Не имеющая названия книга, как я вскоре удостоверился, была посвящена подвигам мореплавателей и путешественников начиная со времен принца Генриха Мореплавателя. Каким периодом освоения Земли она заканчивалась, не могу сказать, поскольку сама книга не имела конца: он был оторван.

Достоинство обнаруженного мной тома заключалось в том, что он содержал не только описания путешествий, но и свидетельства самих участников экспедиций. Они-то, на мой взгляд, представляли наибольший интерес.

Перелистывая книгу, я вскоре набрел на отрывок, у которого не хватало первой страницы.

Что это было? По всей вероятности, судя по стилю изложения, часть дневника какого-то очевидца событий, описываемых в этом отрывке. Я говорю «какого-то», потому что

сначала не обнаружил и заключительной части этого интересного документа. Но, полистав том, к счастью, нашел недостающую страницу и смог установить имя автора.

Я перечитал два или три раза самым внимательным образом эти несколько страниц и убедился, что мне посчастливилось познакомиться с подлинным документом эпохи Великих географических открытий и некоторые его строки давали ответ по поводу происхождения названия одного из городов Южной Америки.

Да, это, несомненно, было свидетельство очевидца событий, которые разыгрались вокруг упорной и ожесточенной борьбы за власть над территориями, которые занимают современные государства Перу, Чили и Боливия. Борьбу эту вели испанские конкистадоры в середине XVI столетия.

Судя по стилю изложения, автором этого документа был, скорее всего, человек духовного звания. Обилие обращений к богу, деве Марии и пресвятой троице служило тому подтверждением.

Впрочем, судите сами. Привожу его без каких-либо сокращений и изменений.

«…Во имя господа нашего Иисуса Христа. Пишет эти строки недостойный слуга божий Фернандо Гарсиа, свидетель кровавых событий, приведших к гибели стольких достойных людей. Поистине, неисповедимы пути господни!

Милостивый король наш, получив известие о завоевании Перу, соизволил наградить отважного Франсиско Писарро титулом маркиза и доверил ему власть над вновь обретенными землями. А его сподвижника Альмагро назначил губернатором Чили — страны, которую ему предстояло еще покорить.

Альмагро затаил злобу на Писарро, так как считал его виновником такого невыгодного для него решения короля: лучше владеть уже приобретенным, чем тем, что тебе еще не принадлежит.

Но он сделал вид, что покорился воле монарха, и в 1535 году выступил в поход из столицы инков Куско, возглавляя многочисленный отряд. Путь его лежал на юго-восток.

Два года спустя войско Альмагро, совершив длительный и трудный переход, возвратилось в Перу с пустыми руками. Альмагро не нашел в Чили золота, и враждебность его к бывшему соратнику возросла еще больше.

В это время в Перу было неспокойно. Индейцы, возглавляемые верховным инкой Манко Капакой, подняли мятеж и осадили город Куско, где находились с малыми силами братья Писарро — Гонсало и Эрнандо. Сам Франсиско Писарро

обосновался в городе Лиме.

Появление Альмагро оказалось как нельзя кстати. Само провидение послало его нам (я тоже находился в осажденном городе), чтобы вызволить из беды. Слава пресвятой троице! И поистине, все было в руках божьих. Разогнав индейцев и обратив их в бегство, Альмагро освободил Куско от осады и вошел в него, приветствуемый как спаситель. Он тут же арестовал обоих братьев Писарро, рассчитывая в дальнейшем поставить свои условия Франсиско Писарро.

Это было началом междоусобицы. Святая Мария! Полилась благородная христианская кровь!

Пока длились переговоры между Альмагро и Франсиско Писарро, Гонсало удалось бежать из-под стражи, а Эрнандо оставался в тюрьме до тех пор, пока Франсиско не дал клятвенного заверения, что уступит Альмагро город Куско.

Но как только все братья соединились, они собрали верных им людей и напали на Альмагро, разбили его отряд, а самого предводителя казнили без суда. Упокой господь его грешную душу!

Приверженцы казненного, хотя им и приходилось туго, не намерены были складывать оружие. Они тайно готовились к выступлению, возглавляемые сыном погибшего — Альмагро-младшим.

В 1541 году от рождества Христова, в июне месяце, ровно через три года после смерти Альмагро-старшего, несколько человек, вооруженных до зубов, ворвались в дом достославного Франсиско Писарро в городе Лиме и закололи хозяина дома, а вместе с ним и некоторых его сторонников, оказавшихся там. Пути господни неисповедимы! Снова пролилась кровь добрых христиан. О человеческая гордыня! Какие неисчислимые беды приносишь ты!

Расправившись с Писарро, приверженцы Альмагро провозгласили его губернатором. Но недолго длилось властвование Диего Альмагро-младшего. Король Карл в неизреченной мудрости своей повелел направить в Перу законного губернатора, который по прибытии на место объединился со сторонниками Писарро, пленил Диего Альмагро и учинил над ним суд. И опять пролилась кровь! Суд приговорил Альмагро к смертной казни, которая была произведена в 1542 году.

К этому времени возвратился в Перу Гонсало Писарро, отправившийся ранее в поисках новых богатых земель в верховья реки, что течет на запад со склонов Анд. Два года его отряд скитался в далеких от страны инков областях, и, когда Гонсало услышал о всех событиях, происшедших в его отсутствие, он был поражен и обеспокоен. Для него были совершеннейшей неожиданностью и смерть его брата, и казнь после недолгого торжества Альмагро-младшего.

Губернатор Перу, памятуя о заслугах братьев Писарро, обласкал Гонсало и передал в его владение богатые серебряные рудники.

Святая Мария! Честолюбие и алчность ослепляют человека! Чем больше ему дается, тем большего он жаждет!

Гонсало был недоволен. Ему было мало рудников. Он хотел властвовать над всей страной безраздельно, наследуя своему брату.

Он поднял мятеж и с помощью своих приверженцев захватил место губернатора. Четыре года, с 1544 до 1548, он продержался

на этом посту, но затем в битве с королевскими войсками потерпел поражение и был казнен как государственный преступник.

Слава господу нашему Иисусу Христу, этой битвой и казнью Гонсало Писарро был положен предел кровавой междоусобице, приведшей к гибели многих добрых христиан.

В ознаменование этого столь радостного события благородный дон Алонсо де Мендоса основал город, которому дал имя Ла-Пас.

Свидетельствую, что все написанное мною истинная правда. Писано сие в городе Лиме в двадцать четвертый день января года от рождества спасителя нашего Иисуса Христа одна тысяча пятьсот пятьдесят четвертого.

Фернандо Гарсиа».

* * *

Этот документ привлек мое внимание главным образом потому, что он давал ответ на вопрос о происхождении названия столицы Боливии города Ла-Паса. В переводе с испанского ла-пас означает «мир».

В гербе города есть пышная надпись, отражающая существо этого названия. Она гласит:

Раздоры на согласие сменили
И город мира создали,
Чтобы мир и любовь
Их навек объединили.

Текст этот подразумевает исход сражения между сторонниками Гонсало Писарро и королевскими войсками, которое, видимо, происходило поблизости от нынешней столицы Боливии.

Земля пахаря

Дворец португальского короля в Лиссабоне был ярко освещен. Король Мануэл давал большой прием. Высшие сановники королевства, иностранные послы, свита, стража, охранявшая вход в зал, — вся эта толпа сверкала пышностью и блеском нарядов.

Сам король, небрежно сидя на троне, с любопытством внимал рассказу пожилого человека лет пятидесяти, одетого скромнее, чем все остальные присутствовавшие.

Это был Гашпар Кортириал. Он только что возвратился из плавания по Атлантическому океану, ради которого покинул Азорские острова, где проживал до последнего времени.

В первый год XVI столетия Гашпар Кортириал, выговорив себе разрешение у короля на поиски новых земель, отправился из Лиссабона в далекий и опасный путь на северо-запад, пересек Атлантический океан и очутился у неизвестной земли. Бегло ознакомившись с ее побережьем и захватив нескольких жителей вновь открытой им страны, он благополучно вернулся на родину.

Король, узнав о его прибытии, приказал Кортириалу явиться во дворец и доложить о результатах плавания.

Гашпар Кортириал держался скромно, но с достоинством. Почтительно склонив седую голову, он не спеша говорил:

— В двух тысячах лиг[27] отсюда, государь, между северо-западом и западом, мы наконец нашли страну, до сих пор совершенно неизвестную. Мы пошли вдоль берега этой земли и не нашли ей конца, хотя проплыли не меньше 600–700 лиг. Это обстоятельство побуждает меня утверждать, что открытая нами земля не остров, а материк…

Король Мануэл одобрительно кивнул головой, а в толпе придворных пронесся одобрительный шепот.

Рассказчик между тем продолжал:

— Я мог убедиться, что открытая страна очень населена. Деревянные жилища туземцев очень велики и покрыты снаружи рыбьими кожами. Сами туземцы очень похожи на цыган. Они одеты в невыделанные шкуры разных животных. Шкурами этими они покрывают свои плечи и руки. Лица тамошних людей раскрашены, как у индейцев, но они не воинственны, а, напротив, весьма боязливы и кротки. Говорят они на языке, который мы никак не могли понять.

— Богата ли эта страна и ее люди? — спросил король, посмотрев в ту сторону, где стояли послы.

— Думаю, что так, государь, — ответил Гашпар Кортириал. —

Даже в тот короткий срок, в течение которого мы находились там, я увидел, что в этой земле очень много лососей, сельдей, трески и другой рыбы. У них много лесу — буков и особенно сосен для мачт и рей. Ваше величество сможет получить много пользы от этого. Правда, там нет железа, и поэтому жители делают наконечники для стрел и ножи из камня, но зато сами люди будут неутомимыми работниками и превосходными рабами.

Король сделал жест, свидетельствовавший о том, что он удовлетворен вполне отчетом мореплавателя. И снова в толпе приближенных пронесся шепот восхищения.

— Мы довольны вами, — важно сказал он, милостиво улыбаясь, — и обдумаем, как вас наградить.

— Благодарю, ваше величество, — ответил Гашпар Кортириал. — Я прошу лишь об одной милости. Разрешите мне снова отправиться в плавание, чтобы довершить начатое.

— Хорошо, — кивнул Мануэл, — мы обдумаем… — И он величественным движением руки отпустил мореплавателя.

Португальский король удовлетворил просьбу Гашпара Кортириала. И в следующем, 1501 году мореплаватель вторично отплыл в том же направлении на трех кораблях.

На этот раз он двигался несколько южнее и обнаружил новую землю, которая, возможно, как он полагал, являлась продолжением той, что была открыта им ранее.

Дальнейшая судьба Гашпара Кортириала неизвестна, так как каравелла, которой он командовал, не вернулась в Лиссабон. Возможно, она попала в шторм и затонула вместе со всем экипажем, а быть может, люди погибли в сражении с обитателями вновь открытых земель. Впрочем, все это лишь догадки, не более. Бесспорно одно: каравелла исчезла бесследно.

Зато два других судна экспедиции благополучно вернулись в Португалию и опять привезли нескольких пленников. Прибывшие и сообщили об исчезновении корабля своего начальника. Они же рассказали и об открытиях, которые удалось сделать в это плавание.

Мигель Кортириал, брат Гашпара, не хотел никак смириться с мыслью, что его родственник погиб. Не долго думая, он отправился в королевскую резиденцию.

Король милостиво принял его и согласился выслушать просьбу своего верного вассала.

— Государь, — почтительно склонясь перед Мануэлом, молвил Мигель Кортириал. — Мой брат и я поседели на службе вашего величества. Мы не щадили сил для умножения славы и могущества Португалии…

— Мы помним ваши заслуги и ценим их, — перебил его

король, — и готовы отблагодарить своих верных слуг. Говори, чего ты просишь?

— Совсем немногого, ваше величество, — опустившись на колено, сказал Мигель Кортириал. — Я не верю, что мой брат погиб, и хочу отправиться на его поиски. Кто знает, быть может, он не в состоянии покинуть открытую им землю из-за неисправности каравеллы и некому прийти ему на помощь! — голос его задрожал от сдерживаемого волнения. — Я должен сделать все возможное, чтобы спасти его. Умоляю ваше величество дать милостивое разрешение на снаряжение кораблей. Я поведу их сам!

— Твой брат вполне заслуживает того, чтобы о его судьбе побеспокоились в Португалии, — напыщенно сказал король. — Хорошо. Твоя просьба будет удовлетворена! Иди и готовься в путь!

В 1502 году флотилия в составе двух или трех кораблей (исторические сведения на этот счет противоречивы) отплыла из Лиссабона. Было это в мае.

По истечении некоторого времени экспедиция достигла земли. Мигель решил, что здесь ему и следует искать следы своего брата и сопровождавших его людей.

Португальцы высадились на берег, но все их попытки обнаружить Гашпара Кортириала и его спутников не увенчались успехом. Поиски оказались бесплодными, и Мигель скрепя сердце пустился в обратный путь.

Но его постигла та же участь, что и брата Гашпара. Каравелла, на которой он плыл, отстала от других судов и затерялась в безбрежных просторах Атлантического океана.

Открытия на севере Американского материка стоили братьям Кортириал жизни.

Память о плаваниях этих увековечена в названии полуострова Лабрадор — от португальского Терра-ду-Лаврадор («Земля Пахаря»), как назвал эту страну Гашпар Кортириал.

* * *

Но чем руководствовался путешественник, давая такое наименование открытой им стране?

Объяснение может быть только одно. По всей вероятности, Гашпар Кортириал, называя открытую им землю Лабрадором, возлагал надежды на то, что жителей этого края можно будет использовать в качестве даровой рабочей силы на плантациях его

родины. Не зря в докладе королю он говорил, что «сами люди будут неутомимыми работниками и превосходными рабами».

Оглавление

От автора … 3
У Понта Эвксинского … 7
Берег спасения … 7
Понт Эвксинский … 17
Аргонавты и Одиссей. Кутаиси и Одесса … 23
Теплые воды … 31
Гибель Ара и первая стоянка Ноя … 40
Море Лаптевых … 51
Пролив или залив? … 59
Благодать … 70
В честь близнецов … 78
Курящаяся бухта … 88
Атлас … 96
Река крабов … 104
Желтая, Белая, Оранжевая … 112
Гремящий дым … 118
Конец хобота … 127
Течение из залива … 134
Море посреди океана … 141
Дымящая гора … 147
Открытие океана … 150
Город мира … 158
Земля пахаря … 163

notes

Примечания

1

Овен — баран.

2

Фасис — река Риони.

3

Гелиос — бог солнца.

4

Куладжа — короткий кафтан у грузин.

5

Картлис-цховреба — «История Грузии». Сборник исторических хроник с древнейших времен до XIV века.

6

Ниневия — столица древнего ассирийского государства. Вавилон — древний город в Месопотамии.

7

Консилиум — так в те времена назывались совещания.

8

Дубель-шлюпка — большая палубная шлюпка с двумя мачтами.

9

Боцманмат — помощник боцмана.

10

Великая Северная экспедиция была снаряжена для описи берегов Северного Ледовитого океана по инициативе Петра Первого в 30–40-х годах XVIII столетия.

11

Фут — 0,30 *м*.

12

Морская сажень — 1,83 *м*.

13

Вогулы — так прежде именовалась народность маньси.

14

Викинги — древнескандинавские воины.

15

Конунг — звание вождей и королей у норманнов.

16

Ярл — по-древнескандинавски благородный. Впоследствии у норманнов — начальник, наместник области, края.

17

Один — верховный бог в мифологии северных народов.

18

Страна ашанти — Золотой Берег, ныне Республика Гана.

19

Good morning — доброе утро (*англ.*).

20

Палос — порт в Испании.

21

Рио-Тинто — река, на которой расположен Палос.

22

В то время Испанское королевство называлось Кастильским и во главе его стояли король Фердинанд и королева Изабелла, пользовавшиеся равными правами.

23

Эспаньола — ныне остров Гаити.

24

Новая Андалузия — так назвали первоначально испанцы восточные территории Центральной Америки.

25

Дарьенский залив омывает берега современных государств Колумбии и Панамы.

26

Золотая Кастилия — нынешняя Панама.

27

Лига (старинная мера длины) — примерно 4 *км*.